

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

ЧЕРНОБЫЛЬ

- САХАРОВУ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ
- НАС ОСТАВАЛОСЬ ТОЛЬКО ДВОЕ
- ЛЕЙТЕНАНТ КУРТ ВАЛЬДХАЙМ
- ПРОКЛЯТАЯ ЭКОНОМИКА
- ШЕР-ХАН В ШАХМАТНОЙ КОРОНЕ
- БУДУЩЕЕ УЖЕ НЕ ТО, КАКИМ БЫЛО КОГДА-ТО
- ТРИНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ ГЕРАКЛА
- ОТХОДНАЯ АНАРХИЗМУ
- ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ИВАНОВ 7-Й
- БЕССМЕРТНЫЕ ПОД КУПОЛОМ
- ПАМЯТИ СИМОНЫ ДЕ БОВУАР

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле — Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Я.Руссакис (Афины), Б.Шрагин (Нью-Йорк), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок (25 ам. долларов), в США, Канаде и Израиле — 35 ам.долл., в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 45 ам.долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 6 н.м. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию, с добавлением 2 ам. долл. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Любарский. Чернобыльская трагедия</i>	1
Политический дневник	26
Дым Отечества	40
Вести из СССР	42
<i>Э. Финкельштейн. Человек, его мысль и его дело</i>	46
<i>Р. Бахтамов. $X=f(y)$, или Экономика как функция политики</i>	51
Из газет: 60 лет назад	64
<i>М. Дейч. Третий лишний</i>	65
<i>Л. Альбурт. Люди и шахматы</i>	67
Из газет: 50 лет назад	76
<i>Л. Колаковский. Ради братства или ради разрушения</i>	77
Из газет: 60 лет назад	83
<i>С. Гафнер. В тени истории. Окончание</i>	84
<i>Е. Эткинд. Письма из Парижа</i>	90
<i>М. Поповский. Однофамильцы</i>	98
<i>О. Максимова. Монреаль</i>	102

В номере 104 стр.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ: АДРЕС И ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ ИЗМЕНИЛСЯ.

Das Land und die Welt e.V., Sendlinger Str. 37, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany
 Tel. (089) 2605046/ 2605047; telex 5218017 unbt d.
 Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)
 Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

СТРАНА И МИР

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

1. Правда открывается постепенно

Первые тревожные сигналы мир получил рано утром в понедельник 28 апреля. Рабочий, прибывший на ядерную электростанцию Форсмарк в 100 км к северу от Стокгольма, проходя мимо детектора радиации, обнаружил, что тот подает сигнал тревоги. Радиацию излучали голубые пластиковые "галоши", которые рабочий носил поверх ботинок. Первая мысль — на станции произошла авария. Все 600 рабочих были немедленно эвакуированы из Форсмарка, но дальнейшее обследование показало, что со станцией все в порядке. Тем временем со всех концов Швеции стали поступать сведения о том, что радиация резко подскочила — в 100 раз выше нормального уровня. Это еще не опасно, но внушает беспокойство. Шведы немедленно уведомили США. Вначале полагали: в СССР проведено подземное ядерное испытание с прорывом в атмосферу.

К полудню, однако, шведские ученые отождествили в радиоактивных осадках изотопы криптона, ксенона, йода, цезия и кобальта — смесь, характерную для выбросов при аварии на ядерном реакторе. Где-то произошло частичное расплавление активной зоны реактора. Согласно произведенным расчетам, радиоактивное облако достигло Швеции примерно около 2 часов пополудни в воскресенье. Анализ ветровой ситуации показал, что облако пришло из какого-то места, расположенного вдоль линии, проходящей примерно через Латвию, Минск и Киев.

Чернобыль первоначально никому не пришел в голову. Американские аналитики были уверены, что, если бы авария такого масштаба произошла здесь, близ двухмиллионного Киева, советские власти уже должны были бы предпринять какие-то срочные действия. Между тем, там все было спокойно. И первое подозрение пало на советские АЭС, размещенные неподалеку от Швеции, у Балтийского побережья.

Однако дальнейший анализ этого предположения не подтвердил. Нечто произошло гораздо дальше по названной линии, где-то в глубине Украины. Как это ни было невероятно, но все указывало на Чернобыль как на источник радиации.

Около часу дня научно-технический атташе шведского посольства в Москве обратился за разъяснением в Госкомитет по надзору за безопасным ведением работ в атомной энергетике. Ответ был: у нас нет никакой информации. Рано вечером все в тот же понедельник на приеме в шведском посольстве посол Торстен Орн спросил об этом представителя советского МИДа. Тот просто записал вопрос.

И лишь в 21 час. 02 мин. 28 апреля в вечерней телепрограмме "Время" диктор объявил:

"На Чернобыльской атомной электростанции произошла авария — поврежден один из атомных реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помощь, создана правительственная комиссия".

И все; ни времени аварии, ни сообщения о жертвах, ни технической информации о характере аварии, о принятых мерах. Шведское правительство немедленно проинструктировало посольство: требовать дальнейших разъяснений. В 23 час. 15 мин. пришел последний ответ от МИДа: читайте официальное коммюнике.

Во вторник утром уже не только одни шведы атаковали советских представителей, требуя объяснений. Тревожные сигналы получили Финляндия, Дания, Норвегия. Правительство СССР продолжало хранить ледяное молчание.

Между тем, рано утром 29 апреля советские дипломаты в Стокгольме неофициально обратились в шведский Государственный совет по контролю над атомной энергией с просьбой дать консультацию о том, как гасить пожар на атомной электростанции. Запрос был сделан не обычным дипломатическим путем, минуя шведское посольство в Москве. То же самое произошло и в Бонне. Уже в 8 час. утра советский атташе по науке неожиданно, даже без телефонного звонка, появился в бюро "Атомфорума", неправительственного агентства, представляющего индустрию ФРГ. Вопрос был тот же: что делать с пожаром на АЭС?

Шведы и немцы мало чем могли помочь. Представитель "Атомфорума" пояснил: "Чтобы сказать, что делать, надо знать местные условия, знать, что произошло". Советским представителям посоветовали обратиться за помощью к англичанам — у тех был по крайней мере опыт тушения первого пожара на реакторе 29 лет назад. Но Советский Союз вовсе не торопился с принятием помощи. Рекомендация обратиться к англичанам была отклонена.

По распоряжению президента Р. Рейгана Департамент по делам энергии составил список мероприятий по гуманитарной и технической помощи, которую США могли бы оказать немедленно: доставка сложной компьютерной системы, рассчитывающей пути распространения радиоактивности по данным о ветре и рельефе; поставка вертолетных систем для измерения радиоактивности; отправка группы физиков и экологов для исследования воздуха, воды и почвы, группы медиков-радиологов и группы техников-специалистов по дезактивации. Предложения были телеграфированы в Москву. После долгого молчания советские власти их отклонили. Было принято только предложение, которое сделал известный друг Советского Союза престарелый Арманд Хаммер: послать специалистов по пересадке костного мозга. Группа их во главе с проф. Гейлом вскоре прибыла в Москву.

Вечером во вторник 29 апреля московское радио передало второе, уже более подробное сообщение. Оно по-прежнему оставляло неясным, что же, собственно, случилось, но по крайней мере было признано, что произошла "некоторая утечка радиоактивных веществ". Сообщалось также о гибели двух человек и об эвакуации поселка АЭС и трех близлежащих населенных пунктов.

Сообщение было подано как маловажное. Программа новостей началась информацией о поставках советской электроэнергии в Болгарию. Лишь шестым по счету, после рассказа о работе фабрики по пошиву женской одежды, было оглашено сообщение о Чернобыльской "аварии".

Между тем, еще утром того же дня, вторника 29 апреля, были получены фотографии района Чернобыль, снятые фотокамерами американского разведывательного спутника КН-11. Ученые, взглянувшие на фотографии, были поражены: крыша на здании реактора была сорвана, стены развалены. Раскаленное сердце реактора было полностью открыто внешнему миру, и от него поднимался столб дыма. Но еще более потрясло аналитиков то, что на тех же фотографиях была видна баржа, проплывавшая по реке Припять, всего в километре от горящего реактора, а в полутора километрах от места аварии какие-то люди... мирно играли в футбол. На снимках города Припять было видно, что эвакуация города еще не произведена (или не завершена).

Поразительное открытие заставило аналитиков поднять информацию, собранную за предыдущие дни, но в свое время не изученную (вопреки распространенному мифу, США не имеет непрерывной 24-часовой службы наблюдения за территорией СССР; информация со спутников и станций электронной разведки направляется на хранение, и немедленно анализу подвергаются данные лишь из критических точек, таких, напри-

Распространение радиоактивных выбросов из Чернобыля

мер, как пусковые установки межконтинентальных ракет; Чернобылем до понедельника 28 апреля никто не интересовался). На инфракрасных снимках района в ночь на субботу была обнаружена мощная тепловая вспышка: очевидно, взрыв реактора. Дешифровка данных радиоперехвата показала, что еще в пятницу 25 апреля, до того как произошел взрыв, на атомной электростанции создалась аварийная ситуация и сообщения о ней были отправлены в Москву. Советское правительство, таким образом, знало об аварии за три полных дня до того, как оно выдало из себя первое скупое сообщение.

В среду 30 апреля советское правительство решилось на дальнейший шаг: в дополнение к информации о двух смертях было сообщено о том, что 197 человек госпитализировано, из них 49 — временно. Цифры эти были приведены в опровержение слухов о гибели тысяч людей. Такие слухи, противоречивые и недоступные проверке, к тому времени уже распространились по всему миру. Стало ясно, что в Чернобыле произошла не авария, а катастрофа.

2. Каковы размеры катастрофы?

К сожалению, попытаться оценить масштабы бедствия можно лишь, исходя из косвенных данных, сводя воедино ту отрывочную информацию, которая случайно просочилась во внешний мир. Вероятно, с течением времени картину происшедшего придется непрерывно корректировать — дай Бог, чтобы в сторону меньших масштабов, но надежд на это мало.

Говоря об атомной опасности, следует иметь в виду, что она многолика. Люди могут погибнуть непосредственно в момент катастрофы. Лица, находившиеся в течение какого-то времени близ места происшествия, могут получить смертельную дозу радиации (здесь важна не только интенсивность радиации, но и время нахождения в пораженном районе, ибо доза накапливается). Тот, кто не подвергся радиации непосредственно, может получить значительную порцию радиоактивных изотопов, разнесенных с пылью на далекие расстояния ветром, — из воздуха, которым он дышит, воды, которую он пьет, зелени и овощей, которые ест, молока, полученного от коров, пасшихся на пораженном радиоактивностью пастбище. Изотопы эти, задерживаясь в организме и распадаясь, воздействуют на организм радиацией — в небольших дозах, но долго. Результатом может быть рак, может подвергнуться опасности генетический аппарат, а значит и потомство.

Первые данные о повышении радиации, вызванном радиоактивной пылью из Чернобыля, были получены за пределами Советского Союза, на больших расстояниях от горящего реактора — в Швеции, Финляндии, Норвегии, Исландии, Дании, ФРГ, Франции, Швейцарии, Австрии, Италии, Греции, Турции — в тех странах, которые полностью или частично накрыло радиоактивное облако. Из государств советского блока какие-то данные обнародовали Польша и Румыния, но потом Польша — наиболее затронутая катастрофой страна за пределами СССР — прекратила такие публикации, "чтобы не возбуждать паники".

Цифры в этих странах колеблются в зависимости от района измерений, времени, прошедшего после катастрофы, объекта измерений (воздух, почва, растительность, молоко) — от практически нормального уровня радиации (около 15 микрорентген/час) до величин, превышающих норму в 50, 100, 500 и более раз.

Что это означает? Непосредственной, сиюминутной опасности для жизни такая радиоактивность не представляет. Но вот оценки возможного последствия. В Финляндии люди получили за неделю количество радиации, которое они в нормальных условиях получили бы за год. Проф. А. Вуоринен из Центра радиологической безопасности Финляндии полагает, что около 100 финнов "рано или поздно" заболеют лейкозом или другими злокачественными заболеваниями вследствие этой избыточной радиации. По оценке проф. В. Гофмана (Вена) нынешний уровень радиации в Австрии может привести к тому, что в течение 10–30 лет умрут от злокачественных поражений дополнительно 280 чел. По его же расчетам в Польше и Румынии смертность от лейкоза и других злокачественных заболеваний в ближайшие 10–30 лет возрастет на 0,18%.

Могут сказать, что это немного. Тем не менее правительства ряда европейских стран не хотят рисковать даже в таких масштабах — действительно, работает ли простая арифметика, когда дело идет о человеческих жизнях? Страны Европейского экономического сообщества единодушно решили на определенное время наложить эмбарго на ввоз сельскохозяйственной продукции из стран советского блока, расположенных в радиусе 1000 км от Чернобыля. На границах, а аэропортах и в морских портах работают дозиметристы, тщательно проверяющие радиоактивную зараженность транспорта и людей, прибывающих из СССР и восточноевропейских стран. Многие грузовики, например, прошедшие через территории Украины и Белоруссии, были задержаны на границе и отправлены назад: уровень радиации на них был недопустимо высок.

В ряде стран введены ограничения или даже полные запреты на продажу молока, полученного от коров на свободном выпасе, и овощей, выращенных на открытых грядках (ФРГ, Австрия, даже Польша). Меры эти, конечно, непопулярны — у фермеров гибнут целые урожаи. В ФРГ, например, потери крестьян исчисляются в 1 миллиард марок, и правительство намерено выплатить им компенсацию. Но западные страны вынуждены пойти на этот шаг. Населению рекомендуют также применять определенные гигиенические предосторожности, чтобы не рисковать радиоактивным заражением (особенно это касается детей и беременных женщин).

В Польше детям стали раздавать в обязательном порядке таблетки препаратов йода. Это мера предосторожности против радиоактивного изотопа йод-131, который накапливается преимущественно в щитовидной железе (нормальный, нерадиоактивный йод должен насытить железу и предотвратить попадание туда радиоактивного изотопа; впрочем, чрезмерное и неконтролируемое потребление таких таблеток тоже опасно — возможно нарушение функций железы). В других странах, например, в ФРГ и Дании, где обязательной профилактики не было, запасы йодных препаратов в аптеках были быстро разобраны самим населением.

Впрочем, йод-131 имеет короткий период полураспада — всего около 8 дней, и, кроме того, долго в организме не задерживается. Хуже с другими радиоактивными изотопами: цезием-137 (период полураспада более 30 лет), стронцием-90 (почти 28 лет) и др. Цезий-137 воздействует гамма-излучением на весь организм, особенно на печень, селезенку, мышечную ткань, стронций-90, испускающий бета-частицы, поражает костные ткани, вызывает лейкозы.

Как уже говорилось, в европейских странах есть основания для предосторожностей, но не для серьезных опасений — все-таки источник радиоактивности далеко, почти за тысячу километров. Но если в далекой Швеции радиация возросла в 100 раз, то что же делается на Украине и в Белоруссии?

Как раз оттуда-то и не поступает подробной и достоверной информации. Советские официальные сообщения ограничивались общими заявлениями: "радиационная обстановка стабилизирована" (29 апреля), "уровень радиации снизился" (30 апреля), "радиоактивность уменьшилась в 1,5–2 раза" (1 мая) и т. д. Но какова же она в абсолютных числах?

Первые цифры, которые решились сообщить советскому населению, были обнародованы на пресс-конференции в Москве 6 мая. Зам. председателя Совета министров Б. Щербина, возглавляющий правительственную комиссию по Чернобылю, сказал: "На территории, прилегающей непосредственно к месту аварии максимальные уровни радиации достигли теперь 10–15 миллирентген в час. По состоянию на 5 мая уровень радиации в этих районах снизился в 2–3 раза, в том числе и в поселке энергетиков. Самая высокая радиация там наблюдалась 27 апреля".

Если принять слова Б. Щербины на веру, то надо полагать, что максимальная радиация "на территории, прилегающей непосредственно к месту аварии", составляла всего 30–50 миллирентген в час. Значит, близ горящего реактора радиация была лишь в 20–30 раз сильнее, чем в отдаленной на 1500 км Швеции! Впрочем, на той же самой пресс-конференции Ю. Седунов, зам председателя Госкомитета по гидрометеорологии и контролю природной среды назвал в качестве максимальной еще меньшую величину радиации — 15 миллирентген/час (видимо, забыли договориться: потом это было замечено, и в текст, опубликованный в "Правде" 7 мая, были внесены поправки).

Министр и зам.председателя оба солгали, и ложь эта была настолько очевидна, что никто из корреспондентов, присутствовавших на пресс-конференции, не принял их слова всерьез. Названные ими цифры означают, что суточная доза радиации, полученная человеком, находившимся близ места аварии, составляла не более 1 рентгена, а как было сообщено на пресс-конференции, уже через 1,5 суток люди из этого района были

эвакуированы. Между тем даже доза в 25–50 рентген не вызывает никакого наблюдаемого эффекта — последствия могут сказаться (хотя и не обязательно) лишь через месяцы и годы. А 1 рентген — эта та доза, которую человек получает при рентгеноскопии желудка.

Зачем же нужно было эвакуировать население 30-километровой зоны вокруг АЭС? Почему 6 мая украинское министерство здравоохранения в радиообращении к жителям Киева рекомендовало тщательно закрывать окна, не употреблять в пищу листовые овощи, без нужды "не стремиться на природу" — через 10 дней после "аварии" и в 130 км от ее места? Почему нужно было в это же время мыть даже дороги, ведущие к украинской столице? Почему до сих пор в местах размещения эвакуированных работают СОО — станции по обеззараживанию одежды? Ведь к этому времени такая ничтожная радиоактивность, о которой говорил Б. Щербина, должна была бы вообще угаснуть! Зачем потребовалось досрочно кончать учебный год в школах Киева и вывозить детей (250 тысяч человек) в летние лагеря, подальше от места катастрофы?

И, наконец, самое главное — откуда те жертвы, о которых было сообщено самим советским правительством? Сразу погибли, как утверждают, два человека: один убит падавшими обломками, другой — от ожога паром 80% тела, то есть не от радиации. Допустим. Но остальные? Те 197, которые сразу же были помещены в больницу?

Правда, сначала было сказано, что 49 из них были госпитализированы кратковременно. Однако уже на пресс-конференции 6 мая выяснилось, что число госпитализированных достигло 204, 12 мая сообщали уже о 209, а 14 мая, выступая по телевидению, М. Горбачев назвал цифру 299. Первоначально утверждалось, что из числа госпитализированных 18 находятся "в очень серьезном состоянии", а к 12 мая это количество увеличилось уже вдвое — до 35 человек. "В очень серьезном состоянии" — значит, если расшифровать застенчивый язык советских сообщений, — при смерти. И действительно, они начали умирать: сначала сообщили еще о двух смертях (глава агентства "Новости" В. Фалин в интервью журналу "Der Spiegel"), затем уже о четырех, 14 мая М. Горбачев сказал, что в больнице скончалось семеро. К моменту сдачи статьи в печать было известно уже о 26 жертвах. В критическом состоянии находились уже 80 человек.

Д-р Роберт Гейл, американский специалист, принимающий участие в лечении жертв Чернобыльской катастрофы, на своей пресс-конференции в Москве 15 мая сказал, что дальнейшие смерти неизбежны. Он выразил также опасение, что будет расти и число госпитализированных. Сказанное Р. Гейлом на пресс-конференции потрясает.

209 жертв радиационного заражения в Чернобыле вывезены самолетами в Москву и помещены в московскую больницу № 6 — девятиэтажное кирпичное здание на окраине столицы, одно из ведущих советских учреждений по лечению лучевой болезни. Количество пересадок костного мозга, которые уже сделаны и которые необходимо сделать, намного превосходит количество таких операций, сделанных в Советском Союзе за всю его историю: до катастрофы их было всего 20. Больнице трудно справиться с такой нагрузкой, которая в 10 раз превышает максимальную нагрузку крупнейших западных трансплантационных центров.

Трудности, с которыми сталкивались в больнице № 6 советские, американские и израильские врачи, — неимоверны. Поражен ведь не только костный мозг — у большинства больных поврежден кишечник, многие страдают от сильных радиационных ожогов большой поверхности тела. Некоторые пациенты получили такую большую дозу радиоактивных изотопов, что необходимо принимать специальные меры, чтобы не пострадали врачи, медсестры и лабораторные работники, проводящие анализы тканей, мочи и кала.

Сколько еще жертв поступит в больницы, по мнению д-ра Гейла, сказать трудно. Во всяком случае, он не разделил "оптимизма" своего советского коллеги д-ра Воробьева, заявившего на той же пресс-конференции, что на расстояниях более 30 км от места катастрофы нет опасности "лучевой болезни в острой форме". Д-р Гейл предпочел говорить

лишь о "значительном расстоянии", не определяя точно "предела безопасности". Он пожаловался на отсутствие точных данных. Его просьба о посещении района катастрофы осталась попросту без ответа. Теперь понятно, почему на страницы советских газет просочилась лишь малая часть из сказанного Р. Гейлом.

Так что же, все эти люди, погибающие в кирпичном здании на окраине Москвы, — жертвы дозы в 1 рентген? Впрочем, чтобы разоблачить ложь, достаточно просто вспомнить, что же произошло в Чернобыле. Радиационная обстановка вокруг взорвавшегося и горящего реактора просто *не могла не быть* катастрофической.

Такой она и была, и признание в этом один единственный раз проскочило в мировую печать. 3 мая Б. Ельцин, кандидат в члены Политбюро и секретарь МГК КПСС, дал интервью корреспонденту Ассошиэйтед Пресс. Б. Ельцин, снискавший себе широкую известность самой откровенной речью на XXVII съезде КПСС, где он призывал к гласности и открытости, присутствовал в Гамбурге на съезде небольшой местной компартии. Трудно сказать, что побудило Б. Ельцина к откровенности. Видимо, оказавшись наедине с представителями свободной прессы, находясь в стране, где нельзя было не почувствовать кожей всеобщую тревогу за происходящее в Чернобыле, новичок в московских коридорах власти Б. Ельцин просто не решился солгать в лицо интервьюерам. Надо полагать, что ему вскоре "указали" из Москвы, и свою встречу 6 мая в Бонне с представителями партии "зеленых" Б. Ельцин провел уже совсем в ином духе — в "атмосфере противоречий и агрессивности, цинизма и отсутствия духа самокритики", как выразились сами "зеленые". Однако ни одной из названных им ранее цифр Б. Ельцин назад не взял.

Вот цифры, сообщенные Б. Ельциным: максимальная радиация составляла 200 рентген/час; ко времени, когда было дано интервью, она "стала значительно ниже — около 150 рентген/час". Цифры эти, обошедшие всю мировую печать, ни разу не были упомянуты советскими средствами массовой информации.

Посмотрим, что означают эти величины, находящиеся, кстати, в совершенно точном соответствии с тем, что предсказывают физики для аварии того типа, что произошла в Чернобыле. Как было сообщено на пресс-конференции 6 мая, — к этому мы еще вернемся, — эвакуация из пораженного района началась только через 36 часов, а полностью была завершена лишь 29 апреля — более чем через трое суток после катастрофы. Итак, от 36 до, примерно, 80 часов облучения. Минимальное время (36 часов) и минимальная доза (150 рентген/час) дают полную дозу 5400 рентген. Максимальное время (80 часов) и максимальная доза (200 рентген) дают 16000 рентген.

Много это или мало? Прочитируем Большую Советскую Энциклопедию (статья "Лучевая болезнь"): "Наблюдения показали, что при однократном общем облучении дозы до 100 рентген вызывают преходящие, сравнительно легкие изменения, которые могут рассматриваться как состояние так называемой предболезни. Дозы свыше 100 рентген вызывают те или иные формы лучевой болезни (костномозговую, кишечную) разной тяжести, при которых основные проявления и исход лучевой болезни зависят главным образом от степени поражения органов кроветворения. Дозы однократного общего облучения свыше 600 рентген считают абсолютно смертельными; гибель наступает в сроки от 1 до 2 месяцев после облучения. При наиболее типичной форме острой лучевой болезни вначале, через несколько минут или часов, у получивших дозу больше 200 рентген возникают первичные реакции (тошнота, рвота, общая слабость). Через 3—4 суток симптомы стихают, наступает период мнимого благополучия. Однако тщательное клиническое обследование выявляет дальнейшее развитие болезни. Этот период продолжается от 14—15 суток до 4—5 недель. В последующем ухудшается общее состояние, нарастает слабость, появляются кровоизлияния, повышается температура тела... Продолжительность этого периода 2—3 недели.

Существуют и другие формы лучевой болезни. Например, при общем облучении в дозах от 1000 до 5000 рентген развивается кишечная форма лучевой болезни, характеризующаяся преимущественно поражением кишечника, ведущим к нарушению водно-солевого обмена (от обильных поносов), и нарушением кровообращения. Человек при этой форме обычно погибает в течение первых суток, минуя обычные фазы развития лучевой болезни. После общего облучения в дозах свыше 5000 рентген смерть наступает через 1–3 суток или даже в момент самого облучения от повреждения тканей головного мозга”.

Конечно, полученная доза зависит от того, насколько далеко человек находился от центра катастрофы. Ведущий британский эксперт по вопросам ядерной энергии д-р Джонатан Стерн полагает, что всем, находившимся в радиусе 8 км от места взрыва, ”жить осталось недолго”. Профессор радиационной медицины университета Джона Гопкинса (США) Генри Вагнер оценивает масштабы бедствия примерно следующим образом. Лица, находившиеся ближе чем в 5 км от реактора, по-видимому, обречены. Те, кто был на расстоянии от 5 до 7 км имеют 50% шансов выжить, правда не без сильного повреждения костного мозга и кишечного тракта. Далее, вплоть до расстояния в 11 км люди могут испытывать тошноту, рвоту и другие симптомы лучевой болезни, но вероятность смертельного исхода невелика. На еще больших расстояниях она еще меньше, но вплоть до 100 км от места катастрофы вероятность смерти от лейкоза и других злокачественных заболеваний в течение последующих 30 лет будет сильно повышена. Еще далее риск сравнительно невелик, хотя он все же существует (об этом мы уже писали в начале нашего анализа).

Конечно, играет существенную роль и экранировка. Для людей, находившихся в помещениях, опасность радиации снижается, а катастрофа произошла ночью, когда большинство людей спали у себя дома. Кроме того, даже на территории, непосредственно примыкающей к месту катастрофы, радиация распределяется неравномерно и с расстоянием убывает. Поэтому многие, видимо, получили не столь гигантскую дозу, какая получается в результате приведенного выше расчета (такая доза убивает практически на месте), но все же достаточно большую, чтобы были основания опасаться за их жизнь.

Мы здесь не касались другого возможного последствия катастрофы — генетических повреждений. Здесь особенно серьезное воздействие могут оказать накопленные в организме радиоактивные изотопы стронция и цезия (радиоактивный йод в репродуктивные органы почти не поступает и вообще, как говорилось, быстро выводится из организма). Количественно оценить генетические повреждения очень трудно, однако размеры их могут быть велики. Потомство беременных женщин, находившихся в зоне катастрофы, находится под серьезной угрозой.

Сколько человек реально затронула катастрофа? Чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, где они находились в момент взрыва и в первые часы после него, когда и с какой скоростью происходила эвакуация. Есть указания на то, что в небольшом поселке непосредственно при АЭС жило около 2000 человек. Seriously поражены, очевидно, и юго-восточные окраины Припяти — тоже с немалым населением. Ясно, что речь может идти о тысячах жертв — правда, гибель будет растянута во времени на годы, что дает властям возможность заглушать или даже скрыть масштабы бедствия.

Сколько же нужно цинизма, чтобы заявить, как это сделал, выступая по республиканскому телевидению 8 мая министр здравоохранения СССР А. Романенко: ”Уровень радиации в Киеве не превышает уровня солнечной радиации на курортах южного берега Крыма”!

Курортные сравнения годны, разумеется, лишь для советского слушателя, с мнением которого считаться нечего. Директор Института США и Канады Георгий Арбатов, посол ЦК КПСС по особым поручениям, 5 мая в интервью для Би-Би-Си более точно

назвал "аварию" в Чернобыле "подобием взрыва атомной бомбы в атмосфере". Его интервью, как и интервью Б. Ельцина, для советских слушателей передано не было.

Но что же все-таки произошло в Чернобыле? Для этого надо сначала рассказать о том, что представляет из себя эта атомная электростанция.

3. Чернобыль и Чернобыльская АЭС

Строительство Чернобыльской АЭС началось в 1970 г. Маленький городок Чернобыль (ударение на втором слоге) расположен на притоке Днепра — реке Припять, там, где в нее впадает речка Уж. Городок этот, известный по летописи с 1193 г., имеет долгую и сложную историю. Побывал он в составе Великого княжества Литовского, и под властью Речи Посполитой, видел казаков Богдана Хмельницкого. В состав Российской империи он вошел лишь после раздела Польши в 1793 г. Во время гражданской войны переходил из одних рук в другие — Центральную Раду сменяли красные, белые и поляки, пока, наконец, советская власть не утвердилась в Чернобыле в июне 1920 г. В результате всех этих превратностей население Чернобыля, в конце XIX в. превысившее 16 тыс., в середине 20-х гг. нашего века составляло лишь 9300. Таким оно и оставалось — население маленького городка, обслуживающего сельскохозяйственный район.

Большие потери понес Чернобыль во время нацистской оккупации: еврейское население его было уничтожено. После войны многие евреи, пережившие на Украине нацистский геноцид, стали собираться в Чернобыле, селиться там на Подоле — Чернобыль, как и Киев, имел свой Подол. К началу строительства АЭС в Чернобыле насчитывалось по-прежнему лишь немногим более 10 тысяч жителей.

В городе ремонтировали суда Днепровского речного пароходства, был небольшой чугунолитейный завод, налажено сыроделие и производство комбикормов. Были в городе медицинское и сельскохозяйственное училища, четыре школы, гордость города — широкоэкранный кинотеатр.

АЭС оживила Чернобыль — население стало быстро расти и к нынешнему году, к моменту катастрофы, достигло уже 25 тыс. Однако строители и работники АЭС селились не только и не столько в Чернобыле — для них примерно в 20 км к северо-востоку от Чернобыля был построен целый новый город — Припять. К 1986 г. население Припяти достигло тоже примерно 25 тыс. человек. АЭС располагается на дороге из Припяти в Чернобыль, ближе к Припяти, в нескольких километрах от нее. Это скорее "Припят-

Город Припять. На горизонте — Чернобыльская АЭС

Схематическая карта района катастрофы

Снимок района катастрофы, сделанный со спутника 29 апреля 1986 г. Кругом со стрелкой выделена Чернобыльская АЭС

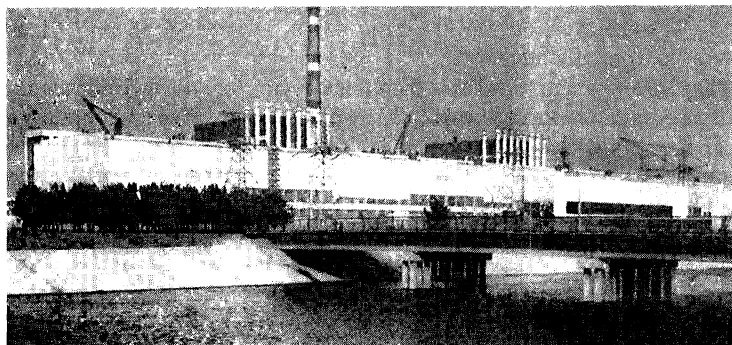
ская”, чем Чернобыльская АЭС. В небольшом поселке около самой АЭС жило, как уже говорилось около 2000 человек.

Чернобыльская АЭС по проекту должна была иметь шесть реакторов. Первый, мощностью 440 МВт, был торжественно открыт 26 сентября 1977 г., на два года позже запланированного. Как полагается, строителей тепло поздравил Л. И. Брежнев, отметив “значительное сокращение объема работ и времени сооружения и сборки сложного оборудования реактора”. В 1979 г. был пущен в ход второй реактор (1000 МВт). В сентябре 1980 г. Чернобыльская АЭС была подключена к энергосистеме СЭВ. В 1982 г. вступил в строй третий энергоблок, а в 1985 г. — четвертый (оба — тоже по 1000 МВт). Перед пуском четвертой очереди начальнику строительства Чернобыльской АЭС В. Т. Кизиме было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

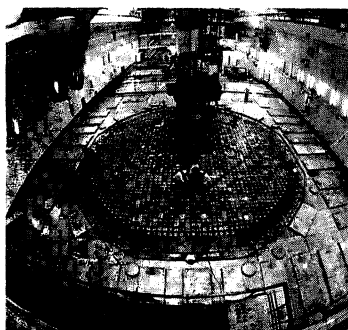
29 апреля 1985 г. киевское республиканское радио безмятежно сообщило слушателям:

”На живописном берегу реки Припять, недалеко от г. Чернобыля, что в Полесье, появилась новая курортная зона. Этот район в последнее время пользуется большой популярностью у отдыхающих. Их привлекают богатые рыбой реки, грибные места, нетронутая природа. В окрестный пейзаж уже органично вписались многочисленные здравницы заводов и фабрик. Отметим, что вблизи этих курортных мест расположена Чернобыльская атомная электростанция. Однако ее соседство никак не отражается на чистоте окружающей среды. Надежное отечественное оборудование на атомных электростанциях гарантирует абсолютную экологическую безопасность этих предприятий”.

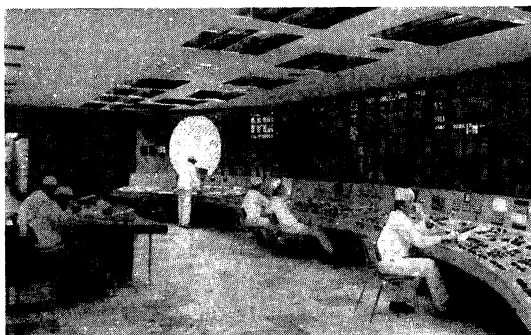
В феврале 1986 г. рекламный советский журнал для зарубежных читателей “Soviet Life” написал о Чернобыльской АЭС как об образце безопасности. Министр энергетики УССР В. Складов, выступивший в этом номере журнала, заявил: “вероятность расплав-

Чернобыльская АЭС до катастрофы

Реактор РБМК-1000
Чернобыльской АЭС

Пульты управления Чернобыльской АЭС

Чернобыльская АЭС до катастрофы. Тех-
ники проводят контрольные измерения

Чернобыльская АЭС до катастрофы.
Рабочие идут со смены

ления реактора Чернобыльской АЭС — один раз в десять тысяч лет”. Десять тысяч лет, однако, сжались до трех месяцев.

Правда, радужно-праздничный тон был несколько нарушен горбачевской кампанией самокритики: за месяц до катастрофы, 27 марта 1986 г. “Литературная Украина” поместила статью Л. Ковалевской “Не частное дело”. Автор резко критиковал ход строительства следующих энергоблоков: дезорганизацию производства, поставки бракованного оборудования и материалов, срывы договорных сроков поставок, текучесть кадров, плохие условия труда, низкую трудовую, производственную и технологическую дисциплину. Впрочем, все это касалось лишь того, что строится. О состоянии работающих энергоблоков речи не было. Отмечалось, что они функционируют нормально: за все время работы произведено уже 150 миллиардов кВт·час электроэнергии.

Пятый и шестой блоки должны были войти в строй в 1986 и 1988 гг. соответственно. После этого (и после модернизации первого энергоблока) мощность Чернобыльской АЭС должна была достигнуть 6 миллионов кВт. Она должна была стать самой мощной атомной электростанцией в мире.

Ядерные реакторы Чернобыльской атомной электростанции принадлежат к числу так называемых *тепловых реакторов*, составляющих основу современной ядерной энергетики. В тепловых реакторах управляемая ядерная реакция идет с участием *тепловых*, то есть медленных нейтронов. Нейтроны, выделяющиеся при распаде ядерного горючего, прежде чем вызвать дальнейшую цепную реакцию, проходят через *замедлитель*, вещество, в котором они теряют значительную часть своей энергии, а значит, и скорости. Такие медленные нейтроны легче, чем быстрые, захватываются ядрами урана. Большая эффективность захвата нейтронов и, как следствие, большая частота делений урановых ядер позволяет создавать тепловые реакторы с относительно малой критической массой и, значит, с относительно малым количеством загружаемого делящегося вещества.

В любом тепловом реакторе можно выделить три основных составляющих — ядерное топливо, замедлитель, о которых уже говорилось, и теплоноситель. Теплоноситель, протекая через реактор, отводит значительную долю выделяющегося в реакторе тепла. Этим он, с одной стороны, охлаждает реактор, предохраняя его от перегрева; с другой стороны, нагретый теплоноситель направляется на турбины (как в обычной ТЭЦ), соединенные с генератором. Генератор вырабатывает окончательный продукт — электроэнергию.

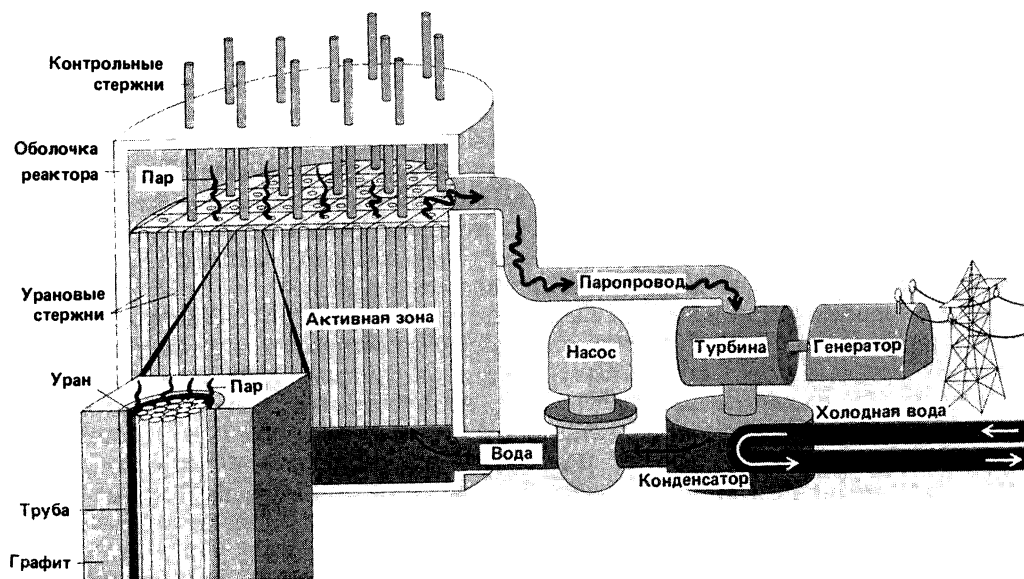
В качестве ядерного топлива обычно используется уран. Замедлителем служит вещество, содержащее легкие ядра, — чаще всего вода, углекислый газ или графит. Роль теплоносителя могут исполнять органические жидкости, вода, углекислый газ, гелий.

На Чернобыльской АЭС были установлены типовые советские реакторы РБМК-1000. Это означает — *реактор большой мощности кипящий (1000 МВт)*. В кипящих реакторах в качестве теплоносителя используется кипящая вода. Замедлителем в РБМК-1000 является графит. Ядерным топливом служит уран (в форме окиси) с 2%-ным обогащением изотопом уран-235.

РБМК — не цельная, а *модульная* система, составленная, как из кубиков, из большого числа однородных секций: 1693 урановых стержня в тугоплавкой циркониевой оболочке; стержни эти расположены в каналах, проходящих вертикально через ряды графитовых блоков, и находятся внутри труб высокого давления, по которым прогоняется теплоноситель — кипящая вода. Давление в трубах поддерживается на уровне 70 бар, то есть в 70 раз больше атмосферного. Температура воды в трубах — 285°C. Общая масса ядерного горючего, загруженного в реактор, — 192 тонны; масса графита-замедлителя — 1700 тонн.

Выбор такой системы в СССР вовсе не случаен.

Во-первых, РБМК производит не только электроэнергию, но и плутоний, идущий на атомные бомбы. Плутоний накапливается в реакторе в результате идущих в нем ядер-

Принципиальная схема реактора РБМК

ных реакций. Примерно каждые несколько недель его надо оттуда извлекать. Модульная конструкция позволяет это делать легко, не останавливая реактора, плутоний извлекается из каждого стержня независимо. Такая система дает оптимальный выход как плутония, так и электроэнергии. Военное значение РБМК придает особую остроту инциденту в Чернобыле, и поэтому крайне маловероятно, что Советский Союз когда-либо допустит туда иностранных наблюдателей. В 1984 г., когда СССР впервые согласился обсудить вопрос о допуске инспекции Международного агентства по атомной энергии на свои ядерные установки, он ясно дал понять, что инспекция реакторов типа РБМК исключена.

Вторая причина советского выбора уран-графитовых реакторов типа РБМК заключается в относительной простоте их производства и дешевизне — обстоятельство для Советского Союза немаловажное. В частности, Большая Советская Энциклопедия откровенно пишет, что все дело в том, что реакторы такого типа "не имеют тяжелого, громоздкого стального корпуса. Строительство АЭС с такими реакторами представляется весьма заманчивым, поскольку оно освобождает заводы тяжелого машиностроения от изготовления стальных изделий больших габаритов (корпус водо-водяного реактора имеет форму цилиндра диаметром 3–5 м, высотой 11–13 м при толщине стенок 100–250 мм) с массой 200–500 т" (БСЭ, "Ядерная энергетика").

Между тем, выбор именно этой системы, сочетающей графитовый замедлитель с водяным охлаждением, — системы, от которой давно уже отказались во всем мире, кроме Советского Союза, — оказался для Чернобыля роковым. За дешевизну пришлось уплатить дорогую цену.

4. Анатомия трагедии

Что именно произошло в Чернобыле, советские власти не объясняют, и едва ли они это сделают потом. Однако для специалистов происшедшее в общих чертах довольно понятно.

25 апреля, видимо около 20 час., что-то случилось с подачей воды в системе охлаждения четвертого энергоблока. Что именно — мы, вероятно, никогда не узнаем. Возможно, вышли из строя электрическая система и остановились насосы. Возможно, отказали клапаны высокого давления и давление в системе резко упало. Б. Ельцин в своем интервью сказал о "человеческой ошибке". На запоздавшей пресс-конференции в Москве 6 мая сообщалось, что авария произошла "при плановой остановке блока и при уровне мощности 200 МВт". Видимо, в ходе "очистки" реактора, извлечения из него плутония, как-то были повреждены трубы. Не в этом ли состояла "человеческая ошибка"?

Как бы то ни было, если такая ошибка и была допущена, должна была сработать система безопасности. Реактор должен быть затоплен водой и автоматически отключиться. Если это и произошло, то слишком поздно.

В отсутствие охладителя урановые стержни начали перегреваться, быстро достигнув температуры порядка 1900°C. Циркониевая оболочка стержней и трубы охлаждения начали плавиться и разрушаться. Остатки воды в охладительной системе в виде крайне перегретого пара вошли в соприкосновение с перегретым графитом. Вдобавок, по-видимому, на этом этапе операторы решили затопить реактор водой (или с запозданием сработала автоматика). То, что было бы спасением на первом этапе, теперь только усугубило катастрофу: вода, реагируя с перегретым графитом, образовала крайне взрывчатую смесь: метан, водород и окись углерода. Для взрыва было достаточно, чтобы смесь пришла в соприкосновение с кислородом воздуха.

Взрывчатые газы накапливались, вероятно, в течение нескольких часов, а затем через бреши поврежденной конструкции стал поступать кислород. В субботу 26 апреля произошел взрыв, разнесший стенки реактора и крышу здания. Видимо, время — 1 час 23 мин. ночи, — названное на московской пресс-конференции 6 мая, относится именно к этому событию.

В раскаленный реактор хлынул атмосферный кислород. 1700 тонн графита — а это химически чистый углерод — вспыхнули как спичка. Температура в разрушенном реакторе достигла 3000°C. При этой температуре начали плавиться стержни из окиси урана (температура плавления 2865°C). В огненном котле при почти звездной температуре кипели и испарялись продукты ядерного распада.

При взрыве был разрушен не только сам реактор, но и здание, в котором он находился. Как уже говорилось, реакторы РБМК "не имеют тяжелого, громоздкого стального корпуса", не заключены в контейнеры высокого давления. Между ядерным сердцем реактора и внешним миром находилась лишь относительно хрупкая бетонная оболочка. Взрыв разнес ее на куски. Столб горячего воздуха поднялся высоко в атмосферу, унося с собой огромное количество радиоактивного пара. Всего в атмосферу, по оценкам, было выброшено около 10% скопившихся в реакторе радиоактивных продуктов ядерного распада. Высота огненного столба была не менее 300–500 м, хотя невооруженным глазом была видна лишь его нижняя часть — водород горит бесцветным пламенем.

Ветры — в то время они имели северо-западное направление — понесли радиоактивные газы и пыль через Белоруссию и Прибалтику за рубеж — в скандинавские страны.

5. Расплата за дешевизну

Остановимся на минуту. Авария есть авария, и первое, что приходит в голову: со всяким может случиться! Ну а все же, что же было истинной причиной происшедшего? Действительно ли всего этого нельзя было ни предвидеть, ни избежать? Анализ фактов показывает, что это далеко не так.

Первое и решающее звено в цепи безответственных решений, приведших к Чернобыльской трагедии, — выбор типа реактора, в котором сочетаются графит (то есть чистый

углерод) и вода. Первый и единственный до Чернобыля пожар в графитовом реакторе произошел в 1957 г. в Уиндскейле (Англия). И хотя масштабы события были несравненно меньшими и жертв не было вообще, графитовые реакторы после этого были сняты с производства во всех странах — кроме Советского Союза. В мировой ядерной энергетике сейчас в качестве замедлителей используются чаще всего вода и углекислый газ — вещества негорючие. В немногих графитовых реакторах, построенных на Западе не в промышленных целях, в качестве теплоносителя используется инертный гелий.

Причина приверженности СССР к графито-водяному реактору — дешевизна конструкции. К тому же сам графит недорог и позволяет применять в качестве топлива уран с низким уровнем обогащения, не нуждающийся в сложной и дорогой обработке.

Второе обстоятельство, сыгравшее роль в катастрофе — низкий технический уровень реакторов РБМК-1000, небрежный подход к основным мерам безопасности. Хотя РБМК достигли уже мощности в 1000 МВт, многие конструктивные решения в них практически не отличаются от тех, которые применил Энрико Ферми в своем первом в истории реакторе, пущенном в 1942 г. в Чикаго. Роберт Сакс, директор института им. Ферми в Чикагском университете говорит: "Те из нас, кто знаком с советской техникой безопасности, удивляются, как это им так долго удавалось избежать аварий". "У нас никогда бы не выдали разрешения на строительство такой станции", — утверждает д-р Р. Лихи (политехнический институт в г. Трой, штат Нью-Йорк). "Советские инженеры идут на гораздо больший риск, чем наши", — вторит ему д-р Ф. Прайд (университет Сан-Диего, Калифорния).

В западных реакторах, например в английском реакторе SGHWR (замедлитель — тяжелая вода), в ряде отношений конструктивно близком к РБМК, имеется чрезвычайно сложная система трубопроводов, обеспечивающая аварийную подачу охладителя в трубы высокого давления, если основная система почему-либо откажет. В РБМК такой аварийной системы нет. Сами трубы более примитивны, чем западные, и низкого качества.

Наконец, отметим последнее — по порядку, но не по важности: отсутствие внешнего контейнера, специальной стальной конструкции, рассчитанной на высокие давления, способной выдержать взрыв и помешать выбросу радиоактивного вещества в атмосферу — если уж ничто другое не смогло предотвратить катастрофы. Такие контейнеры — обязательная мера предосторожности в западных реакторах. В советских реакторах их нет.

Почему? Потому что так дешевле. Потому что так проще. Потому что более сложные системы советской технологии и экономике не по плечу.

Авария может случиться у каждого. Но вероятность ее превращения в катастрофу не у всех одинакова.

6. А что там, у них?

Один из вопросов корреспондента "Правды" на пресс-конференции 6 мая был: "Что вы можете сказать об авариях на атомных электростанциях в других странах?". Удобный вопрос, сразу переводящий разговор на безопасную почву, очевидная цель которого — создать впечатление, что чернобыльская трагедия — рядовой случай, один из многих. В ответе была названа цифра аварий на американских реакторах "за последние несколько лет" — 5000. Непонятно, почему цифра была так занижена: ведь еще накануне, 5 мая "Известия" под жирной шапкой сообщили, что в США с 1979 г. на АЭС произошло 20 тысяч аварий! Неясно также, почему США до сих пор еще не превратились в выжженную радиоактивную пустыню.

Разумеется, эти числа взяты не с потолка: здесь собраны все мельчайшие сообщения о самых малых неполадках на АЭС, в большинстве случаев совершенно не затрагиваю-

щих ядерный реактор, который, собственно, и отличает АЭС от всех остальных электростанций и делает ее особо опасной. Западная пресса держит под строгим контролем национальную ядерную энергетику и скрупулезно сообщает обо всем, что на АЭС происходит — даже если никакой угрозы не создается — качество, советской прессе, увы, не присущее. Отметим также, что до настоящего времени ни при одной из аварий, происшедших на западных АЭС, не были затронуты радиоактивностью территории других государств.

Какова же истинная история аварий на ядерных реакторах? Они, действительно, случаются, и, видимо, будут случаться и впредь. Рассмотрим в хронологическом порядке те из них, которые считаются наиболее серьезными.

7 октября 1957 г. в Англии, в городе Уиндскейл на графито-водяном реакторе (типа РБМК) начался пожар. Радиоактивное вещество было выброшено в воздух и разнесено ветром по стране. Никто не погиб при аварии, но в 1983 г., через 26 лет после события британское правительство опубликовало отчет: по его мнению, 39 смертей от рака, происшедших за эти 26 лет, можно связать с этой аварией. После аварии в Уиндскейле от графито-водяных реакторов на Западе полностью отказались.

3 января 1961 г. в Айдахо-Фоллс (США) вышел из-под контроля экспериментальный реактор. Три техника погибли, один был пронзен вылетевшим контрольным стержнем. Расследование предположило саботаж, причиной которого был любовный треугольник.

5 октября 1966 г. в экспериментальном реакторе в Детройте произошло расплавление активной зоны из-за того, что испортилась натриевая система охлаждения. Жертв не было.

21 января 1969 г. нарушение системы охлаждения на подземном экспериментальном реакторе в Люсенс Вад (Швейцария) привело к выделению внутрь подземной полости большого количества радиоактивных веществ. Полость была немедленно закрыта, жертв не было.

17 октября 1969 г. ошибка при загрузке горючего вызвала частичное расплавление активной зоны реактора в Сен-Лоран (Франция), работающего на газовом охлаждении. Жертв не было, в атмосферу высвободилось ничтожное количество радиации.

22 марта 1975 г. техник, проверявший при помощи свечи утечку воздуха на реакторе Браунс-Ферри (Алабама, США), вызвал гигантский пожар. Радиоактивное вещество не было выброшено в атмосферу, жертв не было.

28 марта 1979 г. ряд человеческих ошибок и отказов оборудования вызвал значительное расплавление ядерного горючего в реакторе на Трехмильном о-ве (Гаррисберг, Пенсильвания, США). Выброс радиоактивного вещества был невелик, жертв не было, но реактор до сих пор не восстановлен.

7 августа 1979 г. выделение обогащенного урана из реактора близ Эрвина (Тенесси, США) привело к тому, что около 1000 чел. получили дозу радиации, в пять раз превышающую нормальную годовую норму. Никто не погиб.

23 сентября 1983 г. при аварии в результате ошибки оператора на исследовательском реакторе близ Буэнос-Айреса погиб один техник.

6 января 1986 г. разорвался переполненный цилиндр с радиоактивным веществом на ядерной установке Керр-Макги (Оклахома, США). Один рабочий погиб, многие получили несмертельные повреждения.

Советский Союз тоже имеет свою историю ядерных аварий. Чернобыльская трагедия — вовсе не первая в СССР, как это утверждается в советской прессе. Правда, получить сведения о советских ядерных авариях практически почти невозможно. Многие выясняются лишь через годы.

Так, с огромным запозданием стало известно о так называемой Кыштымской катастрофе: в Челябинской области в 1957 г. произошел, по-видимому, химический взрыв контейнеров, содержавших радиоактивные отбросы из военных ядерных установок.

Радиоактивное вещество разлетелось по территории около 1000 км². Число жертв неизвестно, но предполагают, что оно может исчисляться сотнями. После взрыва с географических карт исчезли названия около 30 деревень (видимо, они были эвакуированы). Ряд рек был отведен в обводные каналы, чтобы вывести их из зоны заражения. Советская пресса хранит о произошедшем молчание, если не считать глухих намеков в специальных изданиях.

В 1974 г. взорвалась паровая линия на реакторе на быстрых нейтронах в г. Шевченко (Казахстан). Выброса радиоактивного вещества не произошло.

Шведские ученые полагают, что в декабре 1983 г., а также в две последующие зимы в СССР произошли еще три (видимо, небольших) аварии на ядерных реакторах. Об этом можно судить по интенсивности и составу регистрируемых в Швеции радиоактивных осадков — правда, незначительных, в миллион раз меньше, чем осадки от Чернобыльской катастрофы.

Итак, аварии действительно случаются. Однако ни одна из них даже не приближается по размерам к Чернобыльской трагедии. Разве что Кыштымский взрыв можно отдаленно сравнить с тем, что произошло в Чернобыле, но и то, малая населенность и отдаленность этого уральского района делают эти события несопоставимыми.

7. После катастрофы

Ветры понесли радиоактивный дым горящего Чернобыльского реактора на северо-запад. В 350 км на пути радиоактивного шлейфа лежал Минск, столица Белоруссии. Основные осадки, однако, выпали, вероятно, еще по пути к нему, в Полесье, в междуречье Припяти, Березины и Днепра, между Мозырем, Гомелем и Бобруйском. Этот район, видимо, заражен радиоактивностью очень серьезно, а болотистый его характер чрезвычайно затрудняет его дезактивацию в будущем.

Одно время возникло предположение, что, помимо четвертого энергоблока, произошло расплавление и активной зоны третьего блока: термодатчики спутников показали, что температура и этого блока тоже повышена. Позднее, однако, выяснилось, что дело было в том, что после взрыва четвертого энергоблока на расположенном вблизи третьем блоке загорелась крыша. Огонь был, очевидно, скоро потушен.

По-видимому, вскоре после взрыва пожар пытались погасить, сбрасывая на горящий реактор с вертолетов песок, глину, свинец, бор, цемент, доломит — всего было сброшено, как сообщалось позднее, около 5000 тонн. Эти действия можно было наблюдать и со спутников. Западные аналитики были потрясены, обнаружив на одном из снимков вертолет, висящий непосредственно в столбе радиоактивного дыма — даже от советских властей не ожидали, что они пошлют пилота на такое самоубийственное задание.

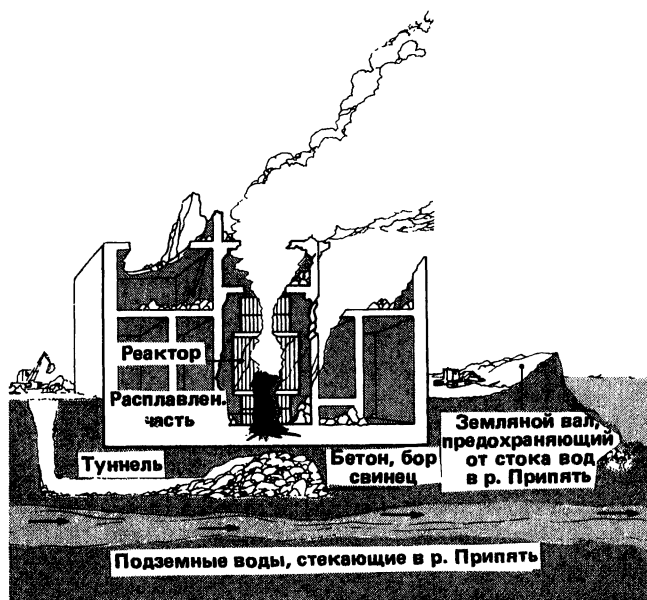
Предпринимались и другие, еще более отчаянные и еще более безнадежные попытки справиться с положением. С тех пор в советской прессе появилось немало описаний героических действий пожарников, пытавшихся "на высоте 30 м" тушить пожар (чем? из брандспойта?). Отдадим должное этим людям — они сделали все для уменьшения трагедии, жертвуя иногда даже жизнью, и не их вина, что им почти ничего не удалось сделать: им лгали об истинном положении дел так же, как лгали всему миру. Во всяком случае, их поведение было действительно мужественным, не в пример поведению советских вождей, главным желанием которых в эти часы и дни было лишь утаить шило в мешке.

В течение первых полутора недель советская печать и радио неизменно характеризовали положение в Чернобыле в бодрых тонах: положение "улучшается", "нормализуется", "стабилизируется", радиация "уменьшается", меры "предпринимаются". Меры эти,

однако, описывались лишь в самых общих чертах. Насколько можно судить, горящий реактор пытались "похоронить" под многослойным покрытием, а также создать под ним экран: производилось закачивание бетона, бора, свинца и замораживание почвы жидким азотом. Это должно было предотвратить прорыв расплавленной части реактора к водоносным горизонтам и неизбежное при этом загрязнение подпочвенных вод. Производилось обвалование берега реки Припять, чтобы предотвратить сток в нее радиоактивных вод. Зараженную поверхность покрывали французской полимерной пленкой — по 150–200 тысяч м^2 в день.

"Саркофаг", в который намерены заключить реактор, должен быть рассчитан на сотни лет — именно в течение такого времени излучающий радиацию реактор все еще будет представлять опасность для окружающей среды. Однако "саркофаг" — не простое вместилище. Дело в том, что большое количество радиоактивных изотопов, накопившихся в реакторе в период его нормальной работы, продолжают распадаться и выделять тепло. Сейчас тепловая мощность умирающего реактора — около 5 МВт (в нормальном режиме она составляла около 3200 МВт; названная ранее мощность 1000 МВт — это его электрическая мощность). Если тепло не отводить, наступит перегрев, в результате которого возможно разрушение "саркофага". Сейчас аварийный отвод тепла производится при помощи жидкого азота. Но на будущее в "саркофаг" надо построить долговременную систему теплоотвода — систему труб, по которым циркулирует вода.

Несколько раз глухо намекали, что пожар потушен, однако еще 8 мая можно было наблюдать поднимающиеся от реактора струи дыма. Их видел швед Ганс Бликс, генеральный директор Международного агентства по ядерной энергии, приехавший в Советский Союз. На месте аварии ему побывать не удалось, но его провезли на вертолете, и он мог наблюдать поврежденный реактор издали.

Меры, предпринимаемые по "захоронению" реактора. Сверху сбрасывают бетон, бор и свинец, снизу эти вещества подводят по туннелю. Грунт замораживается, на берегу реки сооружается вал

ков о том, что еще в течение долгого времени после взрыва население продолжало оставаться в пораженном районе, оказались совершенно точными. На пресс-конференции 6 мая, которую мы уже неоднократно упоминали, было сообщено, что эвакуация началась лишь в 2 часа дня пополудни 27 апреля, т. е. через 1,5 суток после взрыва! В течение этих 36 часов люди оставались в опасной зоне, по-видимому, даже в полном неведе-

нии. На месте аварии ему побывать не удалось, но его провезли на вертолете, и он мог наблюдать поврежденный реактор издали. На другой день после его визита было официально заявлено, что пожар потушен и температура реактора упала до 300°C . На следующий день сказали, что "процесс горения *практически* прекратился". Позднее акад. Е. Велихов назвал "переломным" день 11 мая и признал, что до этой даты еще существовала опасность дальнейшего расширения катастрофы. Похоже, что на этот раз все-таки сказали правду.

Как это ни удивительно, сообщения западных аналити-

нии относительно того, что произошло. Но и после того, как основная часть населения была эвакуирована, работникам многих важных служб и коммуникаций было предложено остаться — и они действительно остались в пораженном районе до 29 апреля!

Такую задержку, которую иначе, чем преступной, не назовешь, советские власти, в частности Б. Щербина на пресс-конференции, объясняли тем, что специалисты на месте недооценили размеры и характер катастрофы. Означает ли это, что советскими АЭС руководят совершенно некомпетентные люди? Ведь надо быть совершенно безграмотным или безответственным, чтобы "недооценить" то, что случилось. Или, как всегда, "виноват стрелочник"? Кажется, именно на "стрелочника" решено свалить ответственность. 11 мая было объявлено о партвзысканиях трем местным работникам, не поставившим достаточную информацию о размерах аварии и не проявившим должной заботы об эвакуированных.

Проф. Б. Ремберг (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес) в связи с этим точно заметил: "Если они пригоняли автобусы из Киева, и на эвакуацию потребовалось несколько дней, значит, система советской гражданской обороны далеко не такова, как о ней говорят".

Автобусы, действительно, как сообщалось, были мобилизованы в Киеве. Их подали "к каждому подъезду", и эвакуация была завершена за 2 часа 45 мин — кроме тех, кто еще оставался до 29 апреля (150 человек остались и после этой даты, но они, как говорят, добровольцы).

Б. Ельцин в своем интервью сообщил, что в этот период было эвакуировано 49 тысяч человек. Похоже, что это точная цифра. Секретарь парткома АЭС Г. Коряко в одной из радиопередач упомянул, что для эвакуации было подано одновременно 1100 автобусов. При средней вместимости их около 50 человек это дает примерно ту величину, которую назвал Б. Ельцин.

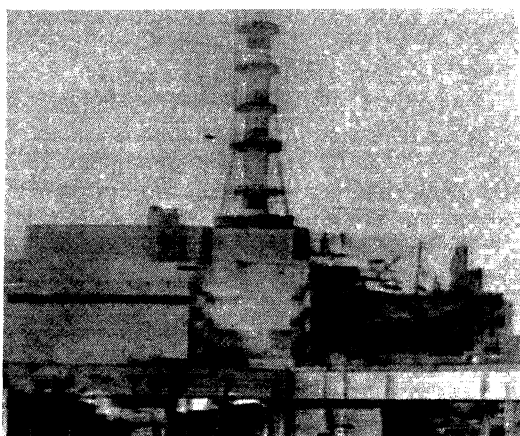
Б. Ельцин сказал также, что эвакуация производилась из зоны диаметром 30 км, всего было эвакуировано четыре населенных пункта. Самый крупный из них — г. Припять. Сам Чернобыль, расположенный несколько дальше, видимо, тогда еще не был эвакуирован.

Б. Ельцин сообщил, что 30-километровая "зона опасности", установленная вокруг АЭС, позднее якобы была сокращена до 20 км. Если это и было сделано, то ненадолго. Напротив, В. Фалин в интервью журналу "Der Spiegel" позднее сообщил, что зона была вскоре расширена до 50 км. К пунктам, подлежащим эвакуации, добавилось еще несколько, в том числе, очевидно, и Чернобыль. Количество эвакуированных в начале мая достигло 84 тысяч (по заявлению В. Фалина — к 1 мая, по данным местных киевских властей — к 2 мая, но, скорее всего, еще позже). 11 мая появилась еще большая цифра эвакуированных — 92 тысячи. По официальным сообщениям, было вывезено также 34 тыс. голов скота (Б. Ельцин, однако, говорил, что скот был забит — вероятно, пристрелен).

Освещение эвакуации в советской прессе, как и освещение всей Чернобыльской трагедии вообще — характерная смесь вынужденных запоздалых признаний и откровенной лжи. 6 мая, в тот самый день, когда Б. Щербина на пресс-конференции признал, что эвакуация, "из-за недооценки ситуации на месте" началась только в 2 часа *полуночи в воскресенье*, "Правда" напечатала репортаж специальных корреспондентов В. Губарева и М. Одинца, которые с восхищением рассказывали, что эвакуация началась якобы уже *рано утром в субботу*, то есть через несколько часов после взрыва. Отмечалась, разумеется, руководящая роль партийных организаций.

В первых числах мая изменилась метеорологическая обстановка и ветер подул в другую сторону. За рубежом это привело к тому, что радиоактивное облако вслед за Скандинавией покрыло Центральную Европу и Балканы. Вблизи же места катастрофы наиболее важным последствием перемены ветра было то, что в зону радиации попал

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА

Первая опубликованная фотография
Чернобыльской АЭС после катастрофы

Разрушенный 4-й энергоблок Чернобыльской
АЭС (указан стрелкой). Вид сверху

Б. Шербина и А. Ковалев
на пресс-конференции 6 мая

М. Горбачев выступает по телевидению в связи
с Чернобыльской катастрофой

На дороге Чернобыль—Киев

У эвакуационного пункта в колхозе

Во Франкфуртском аэропорту проверяют на радиоактивность багаж, прибывший из СССР

С грузовика, прибывшего из Чехословакии, смывают радиоактивную пыль

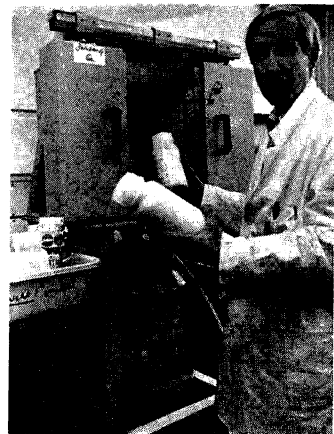
Рынок в Риме. Выбрасывают радиоактивные овощи

Польская крестьянка в деревне Миколайки выливает зараженное радиоактивностью молоко

Раздача таблеток с препаратом йода польским детям

Проверка молока на радиоактивность в Баварии

двухмиллионный Киев. 6 мая (все того же 6 мая!) по республиканскому радио выступил министр здравоохранения СССР, который, заверив, что "прямой угрозы нет", перечислил "рекомендации" жителям города: ежедневно мыться с мылом, протирать полы и мебель влажными тряпками, меньше быть на открытом воздухе, не есть салата и щавеля, плотно закрывать колодцы и т. д.

И опять — как и везде и всегда в ходе этих трагических событий — непоследовательность, трусливое желание затушевать истинное положение дел: телевидение демонстративно показывает мирно пасущихся коров на пастбищах Киевской области, сообщает о хороших надоях молока. Разумеется, радиация на экранах телевидения не видна. Что же касается надоев, то продажа молока от коров, находящихся на открытом выпасе, была сразу запрещена в Польше и ряде западных стран — но только не в Киевской области и не в Белоруссии. Между тем, именно молоко особенно легко обогащается радиоактивностью.

Но, разумеется, время идет, реактор догорает, радиоактивные изотопы распадаются, радиация понижается — независимо от того, что делают или не делают советские власти. Самое страшное, кажется, уже позади — если забыть о тех, кому еще предстоит умереть...

8. Экономика катастрофы

Мы говорили о гибели людей, и это, безусловно, самое страшное последствие катастрофы. Стоит, однако, сказать несколько слов о том, что это означает для экономики страны.

Мы не станем говорить здесь о расходах, связанных с эвакуацией людей из пораженного района, с их размещением на новых местах, с выплатой им пособий, с их медицинским обслуживанием и профилактикой, с потерями от прекращения производства, расходами на тушение пожара, проведение контрольных мероприятий. и т. д. и т. п. Суммы эти могут достигать миллиардов рублей.

Коснемся в первую очередь того, что означает чернобыльская катастрофа для советской энергетической программы. Доля атомной энергии в энергетическом балансе Советского Союза сравнительно невелика. В этом отношении СССР занимает 19 место в мире — позади не только крупнейших промышленных держав Запада, но и позади таких стран, как Тайвань, Аргентина, Южная Корея. Даже Болгария находится впереди СССР. Тем не менее, уже сейчас АЭС дают более 11% всего производства энергии в Советском Союзе, а по плану эта доля должна к 1990 г. увеличиться до 20%.

Выполнение этого плана и без того уже наталкивается на трудности. В 1981–1985 гг. вместо запланированных новых мощностей на 25 тысяч МВт было введено в строй всего 15800 МВт — на 37% меньше. Сейчас ситуация стала еще более напряженной.

Чернобыльская АЭС, как уже говорилось, не единственная советская АЭС, на которой используются графито-водяные реакторы. Аналогичная АЭС стоит в Ленинграде — 4 энергоблока мощностью по 1000 МВт, как в Чернобыле. АЭС в Курске имеет три реактора по 1000 МВт. В Игналине (Литва) — два энергоблока по 1500 МВт. В Смоленске — тоже два, но по 1000 МВт. Еще несколько реакторов только строятся: по меньшей мере два в Игналине, один или два в Билибино (Магаданская обл.), один в Свердловске. По-видимому, еще восемь — на чертежных столах конструкторов, в том числе мощностью 2000 и 2400 МВт.

Отметим, что, как и в случае Чернобыля, большинство этих катастрофоопасных реакторов размещено в густонаселенных районах или даже близ крупнейших городов (Ленинград, Свердловск).

Хочется думать, что советское руководство наконец-то примет решение, которое давно уже приняли за пределами СССР — отказаться от катастрофоопасных реакторов. Однако отказ от АЭС, использующих РБМК, будет означать сокращение наполовину количества ядерной электроэнергии, вырабатываемой в стране (на долю РБМК приходится около 6% энергетического баланса Советского Союза, на долю реакторов других типов — 5%). Если же взять в расчет также планируемые мощности, то потери окажутся еще большими.

Такие потери придется чем-то возмещать — в первую очередь нефтью, добыча которой и без того падает, и которая к тому же является важным источником валютных поступлений.

Учет географического районирования производства энергии приводит к еще более неутешительным оценкам. Выход из строя одной только Чернобыльской АЭС уже означает сейчас потерю примерно 14% производства электроэнергии на Украине. Возместить это очень трудно. Потери промышленности от недостатка энергии, очевидно, будут колоссальными.

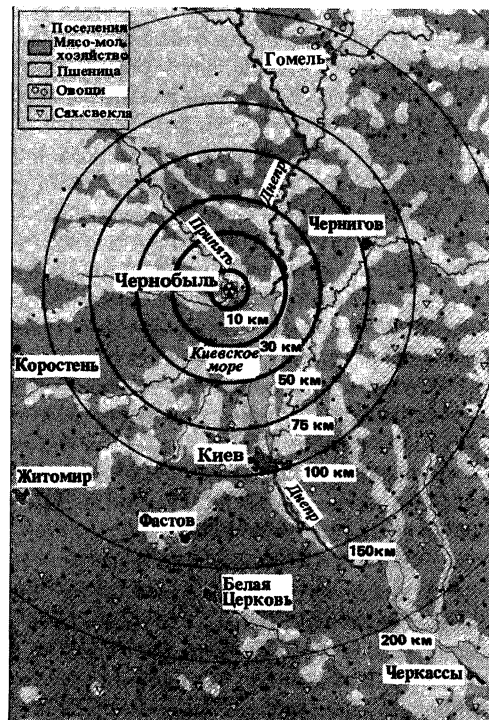
Похоже, впрочем, что советские руководители опять подчинят интересы безопасности населения интересам финансовым. В. Фалин в упоминавшемся уже интервью определенно сказал, что реакторы останавливать не будут. На пресс-конференции 6 мая дали понять, что даже чернобыльские энергоблоки могут быть введены в действие снова. Опасность, следовательно, как дамоклов меч, по-прежнему висит над многими жизненными центрами страны.

Тяжелый урон понесет сельское хозяйство. Юг Белоруссии, север Киевской, Черниговской и Житомирской областей, по оценкам западных экспертов, поражены радиацией. Это районы мясо-молочного хозяйства, производства картофеля и овощей. Зерновые районы, к счастью, располагаются южнее Киева, где радиоактивное загрязнение, видимо, незначительно.

Разумеется, когда мы говорим о радиоактивном заражении сельскохозяйственной продукции, речь идет не о том, что выпитая кружка молока приведет к смерти от лучевой болезни. Имеется в виду, что потребление продукции, произведенной в этих областях, с течением времени может привести к повышенной частоте раковых заболеваний и генетических дефектов. Процент повышения может быть невелик, но в абсолютных цифрах речь может идти о сотнях и тысячах человек.

Через год, по имеющимся оценкам, зараженная площадь сельскохозяйственных угодий сократится раз в 10, но еще многие годы отдельные районы могут оставаться опасными, если не будет удален верхний слой почвы (как это сделали американцы после куда более локальной и не приведшей к жертвам аварии на Трехмильном острове, затратив на это около миллиарда долларов).

Кстати, дезактивация пораженного района вокруг Чернобыля очень трудна.

Сельское хозяйство в районе катастрофы

Полесье — сильно заболоченный район с большим числом непроточных водоемов. Киевское водохранилище, на берегу которого стоит Чернобыль, также застойно, течение минимально, берега заболочены. Радиоактивные вещества, если они попали и туда, будут сохраняться тут годами.

Впрочем, как и в случае с производством энергии, советское руководство скорее всего принесет здоровье населения в жертву своим сиюминутным экономическим интересам. Как сказал один из западных экспертов, Горбачева сегодня мало волнует, кто будет умирать через 10 лет. В условиях постоянного дефицита мяса и масла вряд ли сочтут необходимым заботиться годами о каком-то радиационном контроле. Тем более, что замедленная смерть в глаза не бросается. Кто там определит, от чего у человека возник рак?

Но независимо от того, как обойдется советское правительство с собственным населением, экономические последствия заражения сельскохозяйственных угодий уже начинают сказываться. Пострадал экспорт сельскохозяйственной продукции из стран советского блока. Мы уже упоминали об эмбарго, наложенном на ввоз этих продуктов странами ЕЭС. Неизвестно пока, как долго продлится это эмбарго. Общая же стоимость экспорта сельскохозяйственных товаров из стран СЭВ в страны Европейского экономического сообщества составляет 750 миллионов долларов в год.

9. Час истины

Почти с самого начала катастрофы поведение советских властей определялось только одним — стремлением сообщить настолько мало информации, насколько это возможно. Сначала просто молчали, потом отрицали, что что-либо случилось, потом лгали о масштабах бедствия, лгали об уровне радиации, лгали о времени эвакуации... Когда приходилось все же что-то сообщать, то лишь потому, что прижали к стенке и запирались дальше было бессмысленно. Если пустили каких-то иностранных наблюдателей, то только тогда, когда самое тяжелое время уже миновало.

Но, пожалуй, еще больше, чем иностранцев, боялись своих. За рубежом знали больше, чем внутри страны, — и не только благодаря спутникам, висевшим над Чернобылем. Для Запада говорил Б. Ельцин, говорил Г. Арбатов. Московская пресс-конференция 6 мая шла в прямой трансляции в США, но в СССР были обнародованы лишь небольшие отрывки из нее в программе новостей. Неинформированность советского населения была настолько велика, что многие жители Москвы, Ленинграда и других городов просто не понимали, о чем их спрашивают обеспокоенные друзья из-за рубежа: на несколько строчек сообщения внизу газетной страницы о какой-то там очередной аварии немногие обратили внимание. Лишь к концу первой недели мая, после предупреждений в Киеве, после того, как киевляне все в больших и больших количествах стали покидать город, население стало понимать — да и то еще не в полной мере — что произошло нечто ужасное.

Первого мая улыбающийся Горбачев стоял на трибуне мавзолея и приветственно махал демонстрантам. В Киеве демонстранты шли по Крещатику, и веселые лица дивчат на официальных фотографиях производили на Западе впечатление плясок на похоронах. 3 мая М. Горбачев направил ответ на письмо группы премьер-министров западных стран относительно проблем ядерной опасности — в этом письме даже не упоминался Чернобыль! Генеральный секретарь ЦК КПСС даже не посетил района катастрофы (как это сделали хотя бы Е. Лигачев и Н. Рыжков).

Первой реакцией Запада была острая тревога за тех, кто находится в районе катастрофы, сочувствие им, желание помочь. Министры ФРГ и Англии, выступая с интервью, заявили, что сейчас не время критиковать Советский Союз, сейчас надо ему помочь. Ряд

стран, в том числе США, направили предложения о помощи (которые были отклонены). Приходится удивляться, насколько страны Западной Европы, несмотря на беспокойство по поводу радиоактивного загрязнения своих стран, вели себя дружелюбно и сочувственно. Советские заявления об "очередной истерии, организованной по однотипному сценарию", о "злой антисоветской кампании", о "раздувании размеров несчастья" — просто еще одна ложь в числе многих.

Но время шло, и росло возмущение. Оказалось, что Советский Союз вовсе не был заинтересован в получении помощи от Запада. Он упорно отклонял все просьбы сообщить точную информацию о том, что же именно произошло, чего можно ждать и к чему готовиться. Советских представителей неоднократно ловили на лжи. И все это происходило тогда, когда из СССР на Запад тянуло радиоактивным дымом. Общее мнение точно выразил итальянский министр иностранных дел Дж. Андреотти: "Тут не может быть и речи о государственном суверенитете. Радиоактивность не знает границ".

В течение всего последнего года мир слушал пламенные речи М. Горбачева и его коллег о необходимости говорить правду, как бы горька она ни была, об открытости, о гласности. Нельзя сказать, чтобы М. Горбачеву не верили. Несколько дней Чернобыля покончили со всем этим. Как сказал один из читателей в письме в редакцию газеты "International Herald Tribune": "От Горбачева, как от чеширского кота из "Алисы в стране чудес", осталась лишь висящая в воздухе улыбка, за которой ничего нет и, видимому, никогда и не было".

М. Горбачев мог бы превратить Чернобыль в свою победу, победу государственного руководителя. В конце концов, не при нем строилась злополучная АЭС, не он разрабатывал советскую ядерную программу, а его предшественники. Он мог лично приехать в Чернобыль и возглавить спасательные работы. Он мог выступить по телевидению с чем-то вроде сталинского "Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!", — может быть, единственной сталинской искренней фразы за всю его преступную жизнь. Мог объявить траур и отменить непристойные первомайские празднования. Мог широко открыть двери для иностранных наблюдателей, призвать иностранных специалистов-добровольцев, принять предложенную помощь и запросить еще (и он бы ее получил!). Популярность и уважение, которые бы он снискал, работали бы на него еще многие годы.

Ничего этого М. Горбачев не сделал. Лишь 14 мая он выступил по телевидению с 26-минутной речью. Но время уже было упущено, да и сама речь лишь повторяла тезисы, уже многократно высказанные советской прессой: о злорадстве империалистических кругов и о том, что главной задачей современности является запрет ядерного оружия. У человека, провозгласившего "новый стиль" руководства — открытость и самокритику, не нашлось слов, чтобы дать оценку своего собственного позорного поведения.

Репутация М. Горбачева, которая при других обстоятельствах лишь медленно подтачивалась бы годами, не выдержала испытания каленым железом и рухнула буквально на глазах. Перед миром остался голый и незащищенный секретарь провинциального обкома, ум, широта взглядов и мужество которого, возможно, соответствовали уровню ставропольских проблем, но который мгновенно спасовал, столкнувшись с кризисом государственного масштаба. Что ж, теперь, по крайней мере, ни у Запада, ни у советских людей нет сомнений в том, с кем им приходится иметь дело.

*

Чернобыльская трагедия еще не окончена. Между временем, когда эта статья сдается в печать, и временем выхода журнала в свет наверняка многое произойдет, появится дополнительная информация. Наш журнал будет еще обращаться к этой теме в дальнейшем. ●

Кронид Любарский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

В марте—апреле президент Рейган попытался обезвредить (с помощью сильнодействующих средств) главного возмутителя спокойствия на международной арене. Ливийский лидер полковник Каддафи своей открытой поддержкой международного терроризма давно уже вызывал всеобщее возмущение. Даже те, кто его поддерживал, вроде Горбачева, были обеспокоены его "инициативами".

Сначала американцы провели пробу сил — военно-морскую демонстрацию в заливе Сидра (Большой Сирт). Рейган взял под защиту принцип международного права, который ограничивает территориальные воды любой страны 12-мильной (22-километровой) зоной. Каддафи же зарвался, провозгласив весь залив Сидра собственностью своего государства.

Утверждая принцип свободы мореплавания, Рейган провел в заливе маневры Шестого флота. Поскольку свобода мореплавания важна для любых судов, под каким бы флагом они ни ходили, Вашингтон мог рассчитывать на поддержку государств региона, многие из которых в глубине души давно ждут, чтобы кто-нибудь проучил Каддафи. Технически дело было проведено почти безупречно: Шестой флот потопил катера противника и уничтожил его ракетную базу, не понеся потерь.

Правда, операция в заливе Сидра не обошлась без политических потерь, в особенности в арабском мире, — даже враждующий с Каддафи президент Египта Мубарак выразил свою солидарность с ним.

Ливийский лидер не успокоился. В ответ на американскую акцию Каддафи обещал искоре-

нить империализм янки и нанести удары по американским интересам во всем мире.

Действительно, очень скоро он осуществил еще несколько террористических акций, и ливийское участие в них было доказано. Для человека демократического государства столь безответственная готовность проливать кровь представляется чудовищной.

Тогда американцы решились на вторую операцию, короткую, но еще более эффективную, чем первая. Бомбовый удар был нанесен по кварталам Триполи, где находилось командование Каддафи и где сам полковник жил со своей семьей. Но полковник пережил удар. Жертвы среди мирного населения сослужили ему хорошую службу. Каддафи из возмутителя спокойствия превратился в мученика.

Из европейских союзников лишь Великобритания безоговорочно поддержала акции Вашингтона. Конечно, деятельность Каддафи распространяется на весь мир: и на Америку, и на Западную Европу, и на арабские страны. Никто бы не пожалел, если бы ливийский режим рухнул. Без всякого ханжества администрация Рейгана высказалась о желательности свержения Каддафи.

Для большинства стран Европы отсутствие энтузиазма в отношении американских акций можно объяснить также и опасением попасть под ответный террор. Убийство британских заложников в Ливане доказывает, что такие опасения небезосновательны. Во всяком случае, самое большее, на что решились европейцы — это косвенные санкции: сокращение персонала ливийских представительств, удаление ливийских

граждан из европейских стран, ограничение торговых связей с Ливией.

Борьба с террором была одной из главных тем встречи руководителей семи наиболее развитых стран в Токио. Европейская "дюжина" также могла бы выработать общую политику в этом вопросе. Но на трех совещаниях, проведенных ЕЭС, непримиримая позиция Великобритании столкнулась с позицией умиротворения Каддафи, которой придерживается глава правительства Греции.

Во Франции проблемы обострились еще больше после выборов в Национальное собрание, прошедших 16 марта. Создалась беспрецедентная ситуация: правое большинство в парламенте должно сосуществовать с президентом-социалистом. В ходе выборов правые обязались проводить свою политику в случае прихода к власти. Согласно конституции страны президент обладает рядом особых полномочий, главным образом, во внешней политике и национальной обороне. Во время предвыборной кампании правые взяли под обстрел "примиренчество" социалистов и провозгласили более жесткую "идеологию безопасности". Рейд на Триполи создал первую серьезную трещину в отношениях между Миттераном и премьер-министром Ж.Шираком. Однако вскоре они предпочли выработать совместную позицию: осудить терроризм, поддерживать Каддафи, но не разрешить американским самолетам пролет над французской территорией по пути к цели.

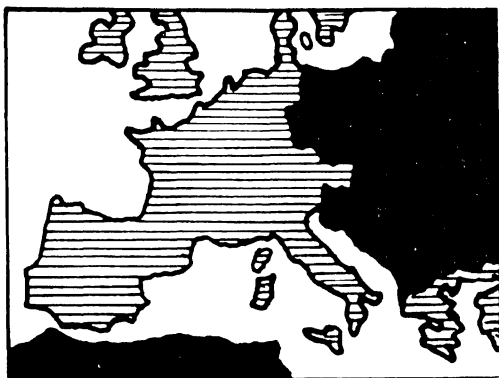
В другой стране Западной Европы социалисты борются за сохранение за своим кандидатом поста президента. Правда, в Австрии эта должность носит скорее церемониальный характер, и глава государства после избрания должен покинуть выдвинувшую его партию и стать беспартийным. Однако выборы президента являются индикатором для парламентских выборов, в ходе которых формируется правительство. Много лет социалисты руководили страной. На этот раз извечные оппоненты социалистов — Австрийская народная партия — выдвинули кандидатом в президенты бывшего генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма. И тут разразился скан-

дал. Всемирный еврейский конгресс опубликовал документы, в которых высказываются подозрения в возможном соучастии Вальдхайма в репрессиях против югославских партизан и в уничтожении евреев Греции. Из опубликованных документов очевидно только, что К.Вальдхайм, в годы войны — молодой лейтенант, служил на Балканах офицером разведки в подразделении, которое проводило аресты и казни. Он фигурирует среди адресатов, которым направлялись отчеты о репрессиях, и он явно не мог не знать, что происходит. Есть и другие серьезные материалы, подкрепляющие обвинения против Вальдхайма. Можно ли считать его "простым солдатом", как это пытаются утверждать другие бывшие военные в аналогичных случаях для самооправдания? Сомнительно.

Даже если документы не дают оснований для окончательного суждения, сам персонаж не представляется безупречной, заслуживающей доверия личностью. Выяснилось, что его биография отнюдь не совпадает с мемуарами опубликованными несколько лет назад, где он описывает себя как выходца из антинацистской семьи (что соответствует действительности), которому после оккупации Австрии нацистской Германией пришлось вступить в гитлеровскую студенческую организацию, чтобы получить возможность учиться. В американских архивах сохранилось югославское дело 1947 г. на К.Вальдхайма, где он квалифицируется как "нацистский преступник, находящийся в бегах". Дело Вальдхайма имеется также и в архивах ООН. И все же против его выборов на руководящий пост в ООН не протестовали ни США, ни СССР, ни Югославия. Не хотелось ли кому-то поместить во главе международной организации человека, которого можно было бы шантажировать его прошлым? История эта полна загадок.

Можно, конечно, спросить, зачем вообще нужно было раскапывать историю сорокалетней давности. Во всяком случае, Вальдхайм имеет заслуги и потому достоин снисхождения. Однако никакое милосердие не может позволить забыть о бедах, которые принесла и может принести коричневая чума. ●

Г. Ферон

МАЛЬТА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Небольшое островное государство Мальта (территория — 316 кв.км, население — 333 тыс.чел.) занимает важное стратегическое положение на Средиземном море между южной оконечностью острова Сицилия и побережьем Туниса и Ливии. Небольшой архипелаг из пяти островов, из которых практически заселены только Мальта и Гозо, в течение веков, если не тысячелетий, находился на перекрестке мировых культур. Здесь были римляне и готы, византийцы и арабы, норманны, французы и англичане. В 1530—1798 гг. Мальта была центром ордена Мальтийских рыцарей (они же госпитальеры и иоанниты). Орден существует и поныне, занимаясь благотворительностью и медицинской помощью во многих странах. В столице Мальты Валлетте до сих пор находится штаб-квартира ордена, расположенная во внутреннем старинном дворце—крепости.

Мальтийское население считают потомками древних финикийцев, а поскольку местный язык в VIII—XI вв. подвергся сильному влиянию арабов-завоевателей, мальтийцев относят к семитским народам. Пожалуй, это единственный семитский народ мира, исповедующий католицизм, причем исповедующий рьяно: недавно, в середине 70-х гг., попытка правительства изъять земли католической церкви и ввести свои порядки в католических школах привела к волнениям на острове.

Хозяйство Мальты всегда было связано с ее географическим положением. Обслуживание судов, транзит грузов и пассажиров стали особыми важными статьями доходов в период британского правления (1800—1964), в особенности после открытия Суэцкого канала. Великобритания

создала на острове, в Валлетте, крупнейшую военноморскую базу, которая успешно отразила все атаки войск Гитлера и Муссолини в ходе Второй мировой войны. Обслуживание базы давало заработок тысячам мальтийцев. Других источников дохода было мало — в стране нет полезных ископаемых, не хватает пресной воды, земля безмерно дорога: Мальта, вероятно, самое густонаселенное государство в мире: в среднем 1000 чел. на кв.км. В послевоенные годы свыше ста тысяч мальтийцев покинули страну в поисках работы.

После получения Мальтой независимости и окончания действия мальтийско-британских соглашений база в Валлетте была закрыта к радости британских налогоплательщиков. Однако мальтийской экономике это принесло большой ущерб. Чтобы возместить его, правительство начало усиленно развивать туризм. Мальте есть, что показать, и поток туристов в страну стал расти, достигнув полумиллиона в год. Однако для привлечения туристов на целый ряд товаров и услуг были установлены заниженные цены, почти на демпинговом уровне, и правительству пришлось субсидировать владельцев гостиниц и пансионатов. Субсидии съели немалую часть довольно значительных доходов от туризма, достигших в последние годы около 150 млн. долларов (это примерно десятая часть валового национального продукта страны.)

Важную роль в формировании политического климата на Мальте сыграл Дом (Доминик) Минтофф — глава правительства республики в 1971—1984 гг. Д.Минтофф получил инженерное образование в университете Мальты и совершенствовался в английском языке в Оксфорде, где ему была предоставлена весьма почетная стипендия имени Сесила Родса. Эта стипендия предъявляет высокие требования к умственным и физическим данным кандидатов, а главное — к их готовности распространять "британские имперские идеалы". Талантливый и циничный политик, прозванный мальтийским Макиавелли, Д.Минтофф по существу создал и многие годы возглавлял лейбористскую партию Мальты.

В середине 50-х гг., став руководителем местного самоуправления, он предложил Лондону осуществить полное слияние Мальты с Великобританией. Однако британское правительство не решилось взять на себя такую обузу, и Д.Минтофф со своей партией перешел в ряды борцов

за независимость. Правда, провозгласил Республику Мальта не он, а его противник — лидер националистической партии, но искусно играя на антибританских настроениях избирателей, Минтофф победил на выборах 1971 г. После этого он в течение 13 лет находился на посту премьер-министра и 10 лет — на посту министра иностранных дел Мальты.

Д.Минтофф повел шумную борьбу за ликвидацию военной базы в Валлетте, что по существу было игрой в поддавки: ни Великобритания, ни командование НАТО против закрытия базы не возражали. После ликвидации базы в 1979 г. Д.Минтофф заявил, что он обратился с просьбой к Италии, Франции, Ливии и Алжиру стать гарантами нейтралитета Мальты. Совместных гарантий он добиться не смог, но двухсторонние переговоры с каждой из перечисленных стран о нейтралитете дали Минтоффу возможность помогать у них подачки или хотя бы обещания.

В середине 70-х гг. в зените могущества ближневосточных экспортеров нефти Минтофф сделал ставку на антизападные силы. В 1976 г. он одним из первых глав правительств приветствовал на своей земле ливийского полковника Каддафи. В то время Каддафи как раз начинал осуществлять и экспорт капитала и экспорт своей революции. На Мальте, в частности, намечалось строительство ретрансляционной станции ливийского радио, была куплена земля под строительство туристских комплексов, даны заказы на обслуживание судов Ливии. Правда, в 1980 г. между Ливией и Мальтой возник конфликт: полковник оказался слишком напористым и предъявил права на морскую экономическую зону Мальты, то есть на рыбную ловлю и поиски нефти на акватории, которую Мальта считала своей.

Конфликт вызвал временное охлаждение отношений, но отнюдь не их прекращение. Уже 6 декабря 1984 г. между Мальтой и Ливией был подписан договор о дружбе и сотрудничестве. Договор практически превращает Мальту в ливийский протекторат: в случае, когда Каддафи сочтет, что Мальта находится под угрозой, он имеет право вмешаться.

Сейчас у Каддафи есть "свой человек" непосредственно в мальтийском правительстве — министр общественных работ Лорри Сент. Ливийское присутствие можно наблюдать и невооруженным глазом — прямо напротив дворца гротескмейстера мальтийского ордена расположено

здание ливийского культурного центра, значительно большее по размерам и вообще самое большое здание в Валлетте.

Советский Союз начал проникновение в страну через местную микрокомпартию, влияние которой намного больше, чем можно было бы судить по числу носителей партбилетов (по оценкам — не более сотни). У нее есть, по-видимому, прочные, хотя и глубоко законспирированные связи в руководстве правящей лейбористской партии и во Всеобщем союзе рабочих Мальты (ВСРМ). Много лет местный вождь А.Вассало (не будем злословить по поводу фамилии) работал генсеком лишь по совместительству, продолжая трудиться в британской администрации колонии, а затем — на верфях. Потом он не только перешел на полную партийную ставку, но и построил для партии весьма дорогостоящий комплекс, способный обслужить значительно более массовую организацию. Это произошло почти одновременно с открытием аэрофлотовского маршрута на Касабланку (Марокко), который включал посадку в Валлетте. На Мальту хлынул поток литературы советского производства на итальянском, английском и мальтийском языках. Позднее советской средиземноморской эскадре специальным соглашением были разрешены заходы в мальтийские порты и бункеровка в них.

СССР выступил инициатором расширения торговых связей с Мальтой, обязался построить в стране завод хирургических инструментов, заказал местной верфи несколько небольших судов. Впрочем, до выполнения соглашений пока еще далеко: через два года после подписания соглашения строительство завода еще не начато, товарооборот между двумя странами намного отстает от намеченного уровня. Болгария уже построила на Мальте (совместно с местным капиталом) фабрику деталей для электроинструментов, которую намечено расширить. Чехословакия взяла на себя подготовку кадров профсоюзных работников для ВСРМ. Ежегодно группы активистов ВСРМ, входящего формально в Международную конфедерацию свободных профсоюзов, будут теперь приезжать на семинары в пражскую профшколу, которая обслуживает прокоммунистическую Всемирную федерацию профсоюзов.

Но, пожалуй, самым большим дипломатическим успехом СССР в отношении Мальты было подпи-

сание 8 октября 1981 г. соглашения о нейтралитете Мальты. Через пять дней после этого Минтофф объявил о том, что Северной Корее предоставляется участок в Валлетте для строительства посольства, а Мальта получает такой же участок в Пхеньяне. С тех пор КНДР находится в числе немногих стран, где Мальта имеет послов: даже в Вашингтоне и Париже она обходится лишь поверенными в делах.

Правительство Мальты даже афиширует свои особые отношения с КНДР. Восхваления Ким Ир Сена то и дело слышны по мальтийскому государственному радио — наряду с Каддафи, Кастро и сандинистским президентом Ортегой. Общество дружбы Мальта—КНДР несоразмерно велико, и в его руководстве находятся виднейшие деятели правительственного пропагандистского аппарата и лейбористской партийной печати. Между Мальтой и КНДР происходят непрерывные обмены разного рода делегациями. Начало этому положил Минтофф еще в 1975 г., посетивший тогда Пхеньян. Последняя северокорейская делегация побывала в Валлетте в прошлом году. Ее возглавлял заместитель премьер-министра.

Очевидно в угоду Северной Корее, отношения Мальты с Южной Кореей практически прекращены: еще в мае 1984 г. Минтофф распорядился закрыть южнокорейское консульство на острове — шаг, который радио КНДР восторженно одобрило.

В 1981 г. просоветски настроенный министр иностранных дел Мальты Алекс Шеберрас Тригона, сменивший тогда на этом посту Д.Минтоффа, посетил Москву в поисках военной помощи. Учитывая чувствительность Запада к советскому присутствию в Средиземноморье, московские собеседники мальтийского гостя рекомендовали ему обратиться к руководителю Северной Кореи, зная, что тот в таких просьбах не отказывает. В июле 1982 г. между Мальтой и КНДР был заключен договор, текст которого позднее попал в руки оппозиции и был оглашен лидером националистической партии Эдди Фенеком Адами на массовом митинге в декабре 1983 г.

Выяснилось, что договор представляет собой почти точную копию договора заключенного в свое время КНДР с марксистским правительством Гренады. Договор был предан гласности после высадки американских войск на эти острова. Оказалось, что договор направлен вовсе

не на обеспечение безопасности Мальты от мифических внешних врагов (этим, как известно, занялся Каддафи), а на защиту правительства от внутренней оппозиции. КНДР обязывалась вооружить и обучить мальтийскую полицию, в особенности методам разгона демонстраций и допросов задержанных. Не случайно в договоре имелся специальный пункт о его особой секретности.

Вскоре после "утечки" содержания договора обнаружилось, что раз в 4—6 недель северокорейский "Туполев" приземляется по ночам в аэропорту Валлетты и разгружает оружие и боеприпасы. Чтобы сохранить тайну, северокорейскому экипажу даже не разрешают ступить на землю. Но можно ли сохранить тайну в маленькой стране? Есть основания полагать также, что северокорейцы используют Мальту и как промежуточную заправочную станцию на воздушном мосту, по которому они переправляют оружие своим африканским клиентам.

Не остался равнодушным к Мальте и Китай. В 1982 г. Д.Минтофф посетил Пекин и получил там заем в сумме 35 млн. долларов. Китайские специалисты осуществляют строительство порта и волнолома на юго-восточном побережье острова Мальта. В счет оплаты китайского кредита Мальта построит Китаю два небольших судна.

Казалось, что в 1981 г. наступит конец политической карьере мальтийского Макиавелли. На очередных парламентских выборах оппозиционная националистическая партия получила больше голосов, чем лейбористы (51% против 49%). Однако путем различных махинаций результаты выборов были фальсифицированы так, что лейбористы получили 34 места в парламенте, а оппозиция — только 31. Минтофф сохранил власть. С тех пор оппозиция часто бойкотирует заседания парламента, отдавая страну в бесконтрольное управление партии Минтоффа. В ходе выборов впервые стал известен публике Кармело Мифсуд Бонничи — заместитель лидера партии. Именно он был главным режиссером фальсификации выборов, за что и был вознагражден. В 1983 г. он стал заместителем премьер-министра, министром труда и социальных дел, министром образования. Тем временем сенсационные эскапады Д.Минтоффа не прекращались. Два месяца Мальта задерживала принятие заключительного документа Мадридского совещания по проблемам безопасности в Европе, требуя рас-

смотрения вопроса о безопасности в Средиземном море. Минтофф денонсировал соглашение о нейтралитете с Италией, после чего только СССР и арабские государства остались гарантами нейтралитета Мальты.

В декабре 1984 г. Минтофф решил удалиться с политической сцены, видимо, намереваясь управлять страной из-за кулис. Он сам назначил себе преемника: им стал его соратник по фальсификации выборов Бонничи. В 1981 г. Бонничи даже не баллотировался на выборах и был позднее в обход всех законов, "кооптирован" в парламент. Преемник Минтоффа во всех слоях мальтийского населения известен под кличкой "доктор Нуль", подчеркивающей ничтожность его личности и слабость характера. Полагают, что именно эти его качества сказались в ходе печальной истории с захватом террористами самолета египетской авиакомпании в аэропорту Валлеты в ноябре 1985 г. Правительство Мальты не решилось солидаризироваться с захватчиками, получив предупреждение от США, и разрешило египетскому спецподразделению атаковать самолет. Однако оно полностью отказалось сотрудничать с египтянами и не позволило группе американских специалистов, оснащенной необходимым оборудованием, принять участие в операции. В ходе штурма погибли 57 пассажиров и членов экипажа.

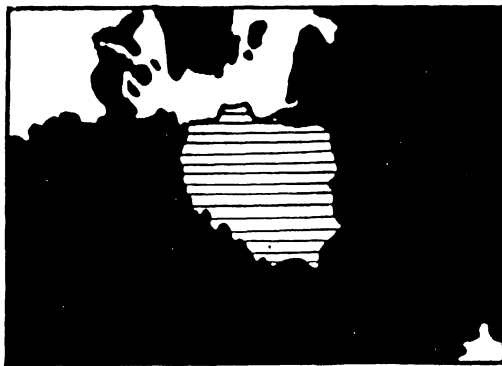
В последнее время международная общественность все ближе и ближе присматривается к происходящему в стране. Международная Хельсинкская федерация и американский Госдепартамент в своих отчетах по правам человека отметили нарушения прав церкви на Мальте, судебный произвол и преследования независимой печати. "Дом Свободы" в Нью-Йорке, ежегодно публикующий так называемые карты Свободы, в своей последней публикации объявил Мальту "полусвободной" страной.

В нынешнем году (или в начале будущего года) в стране должны пройти очередные парламентские выборы. Уже прошлые выборы показали, что большинство населения настроено в пользу возврата Мальты к прозападной политике. Посмотрим, удастся ли "доктору Нулю" вновь повторить свой "успех" 1981 г., а если удастся, — не ускорит ли это его падение, которое не смогут предотвратить и тренированные северокорейские полицейские силы. ●

РОБЕРТ МУЗИЛЬ И КГБ

Выдающемуся советскому писателю и переводчику Соломону Константиновичу Апту присуждена государственная литературная премия Австрийской республики за вышедший два года назад в Москве перевод двухтысячестраничного романа Р.Музиля "Человек без свойств". С.Апт, которому в этом году исполняется 65 лет, переводил на русский язык древнегреческих авторов (Платон, Феогнид, Эсхил, Аристофан, Менандр), произведения Ф.Кафки, Г.Гессе ("Степной волк", "Игра в бисер"), М.Фриша ("Назову себя Гантенбайн"), Т.Манна ("Доктор Фаустус", "Избранник", "Иосиф и его братья"). Он автор биографической книги о Томасе Манне и сборника статей о нем.

За торжественным вручением премии в Вене должна была последовать поездка С.К.Апта по Австрии. В последний момент, однако, все было отменено: Апту не дали выездную визу. Власти в Москве объяснили это тем, что австрийцы не заказали вовремя С.Апту билет на самолет. Премию получил вместо Апта советский "культурный" атташе в Вене. ●

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

В середине марта—начале апреля были повышены цены на основные продукты питания (кроме мяса и мясoproдуктов), а также на уголь, электричество, газ, центральное отопление и проезд на городском транспорте. В августе намечено повысить цены на мясо (при сохранении карточек), а осенью — за проезд на междугородном транспорте. Продовольствие подорожало на 8–10%, что примерно соответствует росту цен,

намеченному в плане на 1986 г. Это немало по сравнению с уровнем инфляции в Западной Европе, значительно снизившемся за последние два года, но не так уж много по сравнению с ростом стоимости жизни в Польше за те же годы. Однако цены на уголь, газ и другие названные выше товары и услуги выросли гораздо больше — на 20–50%.

Следует обратить внимание на две важных особенности Во-первых, — дальнейшее ограничение компенсаций за повышение цен. Раньше компенсации имели своей целью смягчить политические последствия повышения цен. Теперь их роль свелась к социальному обеспечению лишь низкооплачиваемых слоев общества (что с экономической точки зрения более целесообразно). Во-вторых, нынешнее повышение цен на продовольствие, в отличие от прежних, было осуществлено без предупреждения и так называемого обсуждения в печати. Это напоминает период до создания "Солидарности" — в 1970, 1976 и 1980 гг., когда подобная политика привела к волнениям трудящихся.

В середине апреля "Тыгодник Мазовше" так комментировал происходящее: "Все прошло по схеме, уже разыгранной в последнее пятилетие: сначала крупные повышения зарплаты на наиболее опасных предприятиях и в аппарате власти, затем выплата тринадцатой и четырнадцатой зарплат, и наконец, повышение цен... Серьезных протестов не было. Видимо, если в Польше вновь вспыхнут волнения, причиной их уже не будет повышение цен". В самом деле, реакции населения не последовало, если не считать небольшой демонстрации протеста, возникшей стихийно после молебна в костеле св. Бригитты в Гданьске. Демонстрация разошлась без вмешательства полиции. Нельзя сказать, что повышения цен перестали волновать население. Ясно, однако, что власти приложили огромные усилия, чтобы нейтрализовать их взрывчатую силу.

Права человека нарушаются по-прежнему: важным событием явился приговор по делу активистов Конфедерации независимой Польши (КПН). Эта националистическая организация (называющая себя политической партией), существует с середины 70-х гг. и приобрела немалую популярность в период "Солидарности". Ее руководитель Лешек Мочульский и еще четыре активиста получили от двух до четырех лет.

Было пересмотрено дело сотрудников службы госбезопасности из Гданьска Адама Ходыша и Петра Седлиньского, арестованных вскоре после убийства священника Попелушко. Их судили по подозрению в связях с подпольной "Солидарностью". Суд первой инстанции приговорил их к трем и полутора годам тюрьмы соответственно, но по протесту прокурора Верховный суд увеличил сроки до шести и четырех лет. Столь суровые приговоры — несомненная месть со стороны органов. Осуществил ее заслуженный ветеран процессов сталинских времен судья Мирский.

Широко распространились сведения об избении в тюрьме Любска одного из героев недавнего скандального для властей процесса — Владислава Фрасынюка. Представитель правительства по связям с прессой Ежи Урбан и заместитель начальника исправительных учреждений полковник Врона отрицали факт избения: была лишь "применена сила" для перевода Фрасынюка в одиночную камеру за "нарушение режима".

Власти намекают на возможность амнистии. Об этом сообщил министр иностранных дел Ожеховский на встрече с представителями партии "зеленых" в ФРГ. Урбан также заявил, что перспективы амнистии зависят от позиции "дестабилизирующих сил. Ограничение их деятельности — лучший метод добиться гуманного отношения от правительства". Характерно, что на этот раз не выдвигается в качестве условия роспуск оппозиционных организаций, как это было раньше. А ограничение всегда можно "констатировать", если понадобится. О намерениях властей поступают противоречивые сведения. С одной стороны, ожидают амнистии к предстоящему X съезду ПОРП. С другой стороны, стало известно содержание выступления замминистра внутренних дел Пудыша на заседании комиссии сейма 28 января. Намечена широкая программа действий полиции по подавлению оппозиционных организаций, свободной прессы и "экстремистского" духовенства. За прошедшие месяцы служба безопасности не добилась особых успехов в выполнении этой программы.

Между тем польская независимая печать продолжает процветать. "Тыгодник Мазовше" довел тираж до 50 тыс. экземпляров. В последних номерах до четверти объема еженедельника занимают материалы об СССР. Сообщается о Сахарове, о национальных движениях, о преследова-

ниях религии, об использовании психиатрии для борьбы с диссидентами, о размерах современного "архипелага ГУЛАг". В № 162 "Тыгодника" помещен обширный комментарий о XXVII съезде под характерным заголовком "Все то же — лишь числом поболее". В № 165 помещен большой отрывок из книги "Петроград-Кронштадт: третья революция", изданной в 1982 г. Публикация посвящена 65-й годовщине рабочих волнений в Петрограде и восстания матросов в Кронштадте. В последнем номере журнала, издаваемого Комитетом общественного сопротивления (КОС), опубликовано открытое письмо рабочего Олега Алифанова в ЦК КПСС (за это письмо О. Алифанов был арестован). ●

В. Кучинский

АФГАНСКИЙ АНДРОПОВ

Тучи собирались над головой Бабрака Кармалы уже в течение нескольких месяцев. В феврале, во время XXVII съезда КПСС, Кармаль — в отличие от лидеров других зарубежных компартий — не получил аудиенции у М. Горбачева. После этого он надолго исчез из виду. Он не присутствовал даже на традиционном параде 27 апреля по случаю дня рождения революции — событие столь же необычное, как если бы Горбачев не появился на мавзолее 7 ноября. Ходили слухи, что у него плохо со здоровьем и он лечится в СССР. Тем временем, однако, в редакционной статье "Правда" подверглась жесткой критике неумение кармалевского руководства обеспечить режиму прочную социальную базу.

В начале мая Кармаль вернулся из СССР в Кабул, но лишь для того, чтобы заявить о своей отставке с поста генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана (НДПА).

Болезнь, от которой он лечился в СССР, оказалась, по-видимому, дипломатической — и неизлечимой. На место Кармалы был назначен 39-летний генерал-майор Мухаммед Наджибулла, который, однако, тут же предложил впредь называть его просто "товарищ Наджиб".

Смена марионеток в Кабуле оказалась не столь простой, как можно было ожидать. Кармалы не удалось полностью убрать с политической сцены. Его не только не пристрелили, как его предшественников, но даже оставили на почетном, хотя и церемониальном посту председателя Президиума революционного совета. Неожиданно выяснилось, что у Кармалы есть сторонники не только среди партийной верхушки, где образование группировок и коалиций естественно. В Кабуле прошли прокармалевские демонстрации, в которых участвовали преимущественно молодежь и женщины. Один из членов Политбюро был избит толпой, когда он распорядился сорвать со стен плакаты с портретом Бабрака Кармалы. На улицы Кабула были выведены советские танки, окружившие основные правительственные здания и казармы афганской армии. Однако до стрельбы дело не дошло.

Бабрак Кармаль, как и пришедший ему на смену "товарищ Наджиб", принадлежит к фракции НДПА, известной под названием "Парчам" ("Флаг") опирающейся преимущественно на представителей среднего класса, городскую интеллигенцию. Он — выходец из небольшого племени, говорящего на языке дари. В свое время, в 1978 г., после прихода к власти соперников парчамовцев — фракции "Халк" ("Массы"), Кармаль был удален в ссылку — послом в Прагу. Оттуда его и доставили срочно в Кабул в конце 1979 г., когда советские войска оккупировали Афганистан и убили тогдашнего лидера халкистов Хафизулла Амина. Предполагалось, что Кармалю предстоит всего лишь возглавить новое руководство страны. Неожиданно оказалось, что его задача гораздо сложнее. Необходимо было победить во вспыхнувшей после советской оккупации гражданской войне, раздавить почти всенародное сопротивление оккупантам.

Сейчас нельзя даже сказать: "мавр сделал свое дело — мавр может уйти", ибо Кармаль своего дела не сделал. Конца войны, длящейся уже шесть с половиной лет, не видно по-прежнему, и ясно, как никогда ранее, что из этого тупика надо найти выход. Может быть, не случайно Кар-

маль был изгнан как раз накануне нового раунда полусекретных мирных переговоров между Афганистаном и Пакистаном, которые недавно начались в Женеве при участии посредника ООН Диего Кордовеса.

Снимают портрет Кармалю

”Товарища Наджиба” готовили к его новой роли загоя. До декабря 1985 г. Наджиб занимал пост главы Хад — афганской секретной полиции, аналога КГБ. В декабре его неожиданно освободили от этого поста и назначили секретарем ЦК (правда, и в этом новом качестве он отвечал за государственную безопасность). Схема, удивительно напоминающая ту, по которой был совершен переход Ю. Андропова к вершине власти — от главы КГБ, через секретарский пост к должности всемогущего человека. Разница лишь в том, что ”всемогущество” Наджиба изрядно ограничено его московскими хозяевами.

Юношей Наджиб был ревностным мусульманином. Когда в 1965 г. была основана НДПА, один

из ее основателей, Сулейман Лайек (ныне министр по делам племен и национальностей) пытался привлечь в ее ряды и Наджиба, тогда еще 18-летнего ученика кабульского лицея Хабибия. Наджиб отказался. ”Это плохие люди, ибо они не верят в Бога”, — заявил он своим однокашникам.

Однако с поступлением на медицинский факультет Кабульского университета в Наджибе произошла разительная перемена. Он не только вступил в НДПА, но стал одним из ее ведущих активистов. Непременный участник всех коммунистических демонстраций, он выделился и как незаурядный оратор. Бурная партийная деятельность Наджиба привела к тому, что он должен был дважды задерживаться на очередном курсе на лишний год, прежде чем получил свой медицинский диплом. Дважды он попадал в тюрьму, но ненадолго.

С 1977 г. Наджиб — уже член ЦК НДПА. Как и Кармаль, он принадлежит к фракции ”Парчам”. В 1978 г., подобно Кармалю, был направлен халкистами в ссылку — тоже послом, но в Тегеран. С приходом парчамовцев к власти вернулся в Кабул. В 1981 г. стал членом Политбюро, был назначен главой Хад.

Наджибу принадлежит немалая заслуга в установлении мрачной репутации афганской тайной полиции. Она представляет собой удивительное сочетание традиций советского ЧК и восточной жестокости. Сам Наджиб, получивший кличку ”Бык”, несмотря на свой безукоризненный европейский костюм и диплом врача известен личным участием во многих пытках.

В противоположность Кармалю, Наджиб происходит из влиятельного пуштунского племени ахмедзай, из пограничной с Пакистаном провинции Пактия. Пуштуны составляют 55% афганского населения, правители Афганистана традиционно принадлежат к их числу. Крестьяне-пуштуны — основная социальная база халкистов. В то же время сам Наджиб, как уже говорилось, не халкист, а парчамовец. Его назначение на верховный пост, как полагают многие в Афганистане, — это попытка добиться примирения враждующих фракций, установить своего рода ”двухпартийный коммунизм”.

Другой ”социальный заказ” Наджибу — замирение пограничных с Пакистаном племен, прекращение поддержки, которую эти племена оказывают муджахиддинам в поставке оружия,

военного снаряжения и припасов из Пакистана. Здесь Наджибу должен помочь его долголетний опыт в Хад, его общепризнанное мастерство инфильтрации и подрывных действий. Хад в настоящее время располагает агентурной сетью в 60 тысяч человек — подлинная пятая колонна, которая может сыграть решающую роль в определении исхода войны. Еще одно преимущество Наджиба — его влияние среди пограничных племен. Если их удастся привлечь на сторону правительства, муджахиддины будут отрезаны от источников снабжения. Впрочем, для привлечения глав племен Наджиб использует не столько свое влияние, сколько подкупы. Многие полагают, что именно таким путем были достигнуты недавние успехи правительства, когда вожди некоторых пуштунских племен пытались перекрывать пути снабжения партизан, что привело к серьезным столкновениям.

Товарищ Наджиб

Наджиба считают не только более твердым правителем, чем Кармаль, но и более гибким. В частности, он с большим успехом использует в своих целях ислам — ему приписывают инициативу строительства нескольких мечетей, что должно исправить мнение о режиме, как об атеистическом.

Когда ситуация в стране становится кризисной, делают ставку на тайную полицию, — модель эта уже опробована в СССР. Правда, печальный исход советского эксперимента мог бы уже хоть чему-то научить! ●

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО США

Новейшая технология меняет структуру американской экономики. Если в 1960 г. в тяжелой промышленности было занято 25% всей рабочей силы США, то в 1980 г. эта доля составляла лишь 20%. По прогнозам ведущих американских экономистов к 1990 г. только шестая часть рабочей силы Соединенных Штатов придется на долю этих отраслей. Но даже в традиционную промышленность во все большей мере проникают компьютеризация, автоматизация и роботехника.

В то время как в традиционных отраслях промышленности наблюдается застой, а иногда даже свертывание производства, секторы обслуживания, непосредственно связанные с применением новейшей технологии (то есть с компьютеризацией и автоматизацией) бурно развиваются. Ныне работа в конторах, банках, страховых компаниях подвергается глубоким структурным изменениям.

Если в 1940 г. в обслуживании и торговле было занято 45% трудоспособных американцев, то в 1980 г. в этих секторах работало уже 70%. Особенно быстро растет число рабочих мест в производствах, связанных с автоматизацией и компьютеризацией бизнеса. Эксперты предполагают, что в 1990 г. 72% рабочей силы США, т.е. около 90 млн. человек, будет занято в сфере обслуживания.

За последние десять лет в электронном приборостроении и микроэлектронике произошла настоящая революция. Основа новейшего технического прогресса — компьютеростроение в широком смысле слова (сюда входят "hard-

ware", электронное устройство вычислительной машины и "software", компьютерные программы). Центры электронного приборостроения находятся в Силиконовой долине (штат Калифорния), в штатах Массачусетс, Северная Каролина и Колорадо.

В настоящее время в Соединенных Штатах применяются свыше двух миллионов компьютеров (не считая индивидуальных). Согласно прогнозам экономистов, через пять лет в США будут функционировать 20 млн. компьютеров.

Город Колорадо-Спрингс. Замечательный вид на горы, чистый воздух и девственная природа побудили в 1975 г. компьютерную фирму NCR приступить здесь к производству так называемых "чипс", основных структурных единиц электронно-вычислительной машины. Колорадо-Спрингс привлек и другие компьютерные фирмы. За десять лет город стал одним из компьютерных центров страны. Тут наладили производство 20 компаний, специализирующихся на технологии высшего уровня. Помимо них в Колорадо-Спрингс находятся также фирмы, занимающиеся сбытом компьютерной продукции. Население города выросло с 1975 г. на треть и достигает теперь 332 тыс. Благодаря компьютерному буму в Колорадо-Спрингс ежегодно возникают 6 тыс. новых рабочих мест. Мэр города предполагает, что до 2000 года число жителей удвоится.

Бум охватил все отрасли экономики, которые относятся к секторам обслуживания (компьютерные компании; фирмы, занимающиеся обработкой данных; банки, страховые компании и др.). Нынешнее деление на сферу обслуживания и промышленность, конечно, чисто условное. Производство ЭВМ, считается, например, в американской статистике сектором обслуживания, хотя по сути это производящая отрасль.

В связи с такого рода сдвигами в экономике Соединенных Штатов исследователи стали пользоваться термином "постиндустриальное общество". Экономисты подчеркивают, что в США наблюдается переход от индустриального общества к обществу нового типа, в котором доминируют секторы обслуживания.

Благодаря интенсивному экономическому росту вновь возникшие рабочие места компенсируют убыль рабочих мест в традиционных отраслях промышленности. Однако вследствие

пополнения рынка труда женщинами и молодежью безработица все же составляет 6,7%.

Немаловажную роль в экономике США за последние пять лет играл крепкий доллар. Хотя курс доллара в прошлом году снизился, он по-прежнему ценится высоко и привлекает иностранных вкладчиков и экспортеров. Повышение курса доллара (в 1980–1985 гг.) оказало огромное структурно-экономическое влияние на разные секторы хозяйства Соединенных Штатов и европейских стран, Японии, Южной Кореи и др.

Крепкий доллар привел к усиленному импорту заокеанских товаров и уменьшению экспорта товаров американских. До сих пор считалось, что иностранному экспортеру чрезвычайно трудно продать товар в такой богатой разнообразными изделиями стране, как США. Но в последние годы предприимчивые иностранные бизнесмены добились в этом отношении больших успехов. Лишь немногие потребительские товары, продающиеся в крупных универмагах Нью-Йорка, произведены в США. Доминируют более дешевые импортные товары: фотоаппараты, телевизоры, стереоаппаратура, фарфор и т.д. — японского производства, обувь — в основном из Италии и Бразилии, мужские сорочки — из Тайваня, Гонконга, Сингапура, традиционные ковбойские сапоги — южнокорейские.

Даже провинциальные западногерманские пивоваренные заводы вышли на американский рынок. Так, например, Кульмбахский пивоваренный завод экспортирует свой товар в Америку. Четвертьлитровая бутылочка этого пива продается в США за один доллар, т.е. 2,2 марки. В ФРГ розничная цена этого пива много ниже.

Что касается крупных западноевропейских компаний, то экспорт в Соединенные Штаты дает им огромную прибыль. По официальным данным, германский автомобильный завод Мерседес-Бенц продает в Америке свой автомобиль за 154 тыс. немецких марок, т.е. на 40 тыс. марок дороже, чем на западногерманском рынке. Таким образом возник внешнеторговый дефицит, достигший в 1985 г. 117 млрд. дол.

Большинство американских экономистов обеспокоены, однако, не столько внешнетор-

говым дефицитом, сколько судьбой промышленных отраслей США в условиях нынешних структурных изменений. Опасаются, что американской промышленности не удастся — даже если стоимость доллара несколько снизится — снова отвоевать рынки сбыта. Многие американские фирмы приступили теперь к импорту запасных частей из-за океана. Другие компании США пошли еще дальше: они перевели производство за границу. Фактически происходит "экспорт рабочих мест", процесс, который тревожит американских рабочих.

Известный американский экономист, гарвардский профессор Л.Тууроу предупреждает, что слишком дорогостоящий доллар может уменьшить потенциал экономического роста. Предсказание это пока не сбывается. Наоборот, за последние два года наблюдался значительный рост экономики Соединенных Штатов. В 1984 г. валовой национальный продукт США вырос почти на 7%. Такой стремительный экономический рост в США наблюдается впервые за 20 лет. Несмотря на структурные изменения в американской экономике, на чрезмерно сильный доллар, на внешнеторговый дефицит и экспорт рабочих мест, американская экономика процветает. Как же это происходит? Оказывается, именно усиленный импорт товаров способствует подъему экономики. Выгодные для американских фирм низкие цены импортируемых товаров оказали непосредственное влияние на общий уровень цен. 1985 г. также оказался для Америки годом бурного экономического роста.

Экономисты будущего будут, вероятно, сравнивать технологическую революцию, происходящую ныне в Соединенных Штатах, с промышленной революцией XIX в. Америка — первая из индустриально развитых стран проходит через технологические изменения и перераспределение труда. Не подлежит сомнению, что рано или поздно другие индустриальные державы столкнутся с теми же проблемами, которые сегодня решаются в Соединенных Штатах. В Японии и ФРГ также намечаются сдвиги в сторону роста сектора обслуживания.

* * *

В то же время в США закрывается ряд предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности. Для страны часто дешевле импор-

тировать сталь, например, из Южной Кореи, чем производить ее на месте.

Считают, что использование компьютеров, микропроцессоров, роботехники и т.п. приведет к такому расширению производства, что компенсирует рабочие места, которых лишились американцы. Сторонники этих взглядов исходят из того, что за счет экспорта продуктов новейшей американской технологии Соединенные Штаты смогут не только сохранить, но и расширить свои позиции в международной торговле.

Подобные оптимистические взгляды оспариваются представителями Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ—КПП). В недавно изданной АФТ—КПП брошюре "Будущее труда" подчеркивается, что невмешательство государства в структурные изменения американской экономики, в конечном итоге, грозит хозяйству США тяжелыми последствиями. Бесконтрольное развитие компьютеризации, микропроцессоров и роботехники может подорвать стабильность американской экономики.

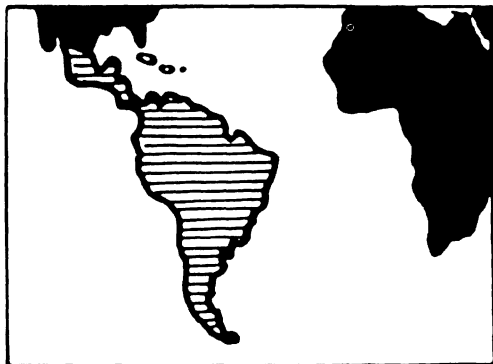
Профсоюзные деятели США требуют смягчения отрицательного эффекта технологической революции. Для достижения этой цели АФТ—КПП предлагает ряд мер: более ранний уход рабочих и служащих на пенсию; переквалификацию, которая даст им возможность освоить новую технологию; выплату дополнительного пособия по безработице.

По инициативе АФТ—КПП уже проводятся в жизнь многочисленные программы, направленные на предотвращение конфликтов, обостряющихся в связи с американской технологической революцией. Среди этих мер следует назвать: рабочее управление некоторыми заводами; участие рабочих в прибылях предприятия (таким путем рабочие становятся акционерами); создание специальных комитетов, в которых участвуют представители рабочих и администрации; создание автономных рабочих бригад и т.п. В числе предлагаемых американскими профсоюзами мер, особое место занимает план уменьшения числа рабочих дней в году.

Размышляя над положительными и отрицательными последствиями развития новейшей технологии на ближайшие 10—15 лет, некоторые экономические эксперты полагают, что для стабильности американского хозяйства, возмож-

но, понадобятся некоторые элементы государственно-экономического контроля. Находятся, однако, и решительные противники контролируемой экономики, напоминающие о печальной участи социалистических стран. ●

К. Фриман (Нью-Йорк)

КАСТРО И РЕЛИГИЯ

В кубинских книжных магазинах появился бестселлер — 379-страничный том "Фидель и религия". Очереди за книгой выстраивались на несколько кварталов. За короткое время было продано 300 тысяч экземпляров — рекордное число во всей истории кубинской книготорговли.

Книга имеет подзаголовок: "Беседы с о. Бетто". В основу ее положены интервью (общей длительностью 23 часа), которые в мае прошлого года Фидель Кастро дал доминиканскому монаху из Сан-Паулу (Бразилия) о. Бетто, в миру Карлосу Кристо. 40-летний о. Бетто — приверженец теологии освобождения (см. "Страна и мир", № 2, 1986 г.). Он провел четыре года в бразильской тюрьме за то, что укрывал антиправительственных повстанцев.

Огромный интерес к книге Кастро — не просто издательский успех, но и социологический феномен. Нужно иметь в виду, что религия (имеется в виду, естественно, католичество) никогда не имела на Кубе особенно глубоких корней. Хотя до революции 90% населения номинально считали себя католиками, это была скорее дань традиции. После революции, а особенно после вторжения в залив Свиней, влияние религии в стране достигло своей низшей точки. Тогда с

Кубы были высланы сотни священников, несколько епископов, закрыты семинарии. Католикам был закрыт доступ в компартию и автоматически — на любые государственные посты. Практически запрещены Рождественские праздники — они совпадают с периодом уборки сахарного тростника и, следовательно, мешают трудовому энтузиазму. Сейчас в стране с населением 10 миллионов человек всего 20 тысяч посещает церкви. Даже доля людей, номинально считающих себя католиками, сократилось с 90 до 41% в общей численности населения. В стране всего 215 священников — вчетверо меньше, чем до революции.

Сам Кастро, как мы узнаем из книги, никогда не был верующим. Детство его прошло в провинции Ориенте, в районе, где даже не было постоянного священника, однако мать Кастро была ревностной католичкой, которая ежедневно молилась и зажигала свечи Деве Марии и святым. У отца же, преуспевающего фермера, "времени на религию не оставалось". Фидель был формально крещен только в пяти-шестилетнем возрасте. Ни школа, ни университет религиозности ему не прибавили.

Тем не менее, оказывается, что Кастро — по крайней мере сейчас — отнюдь не воинствующий безбожник. "С тех пор, как я себя помню, — пишет, точнее, говорит он, — имя Иисуса Христа было одним из имен, чаще всего произносившихся в нашем доме и в школе во времена моего детства и отрочества. Я никогда не видел противоречия между идеями, которые питали мой дух, и идеями этого символа, этой выдающейся личности". Кастро не соглашается со словами Карла Маркса о том, что "религия есть опиум народа". Все зависит от того, на чьей стороне церковь, — богатых или бедных. Христианство, по его мнению, полезно для дела революции. "Между христианством и коммунизмом в 10 тысяч раз больше общего, чем между христианством и капитализмом", — заявляет Фидель (простим ему несколько странное толкование капитализма как идеологии). Большие надежды возлагает Кастро на латиноамериканские церкви, переместившие центр тяжести своих забот с богатых на бедных. "Теология освобождения, — заявляет Кастро, — это возвращение христианства к своим корням, к его самой прекрасной, героической и славной истории. Это — одно из самых важных событий, происшедших в нашу эпоху".

Кубинский архиепископ Хайме Ортега высказался в том смысле, что Фиделем, делающим религии авансы, движут моральные соображения. Маловероятно все же, что в седеющем майоре, приближающемся к своему шестидесятилетию, пробуждается Жан Баруа из известного романа Роже Мартена дю Гара. Скорее всего за всем этим стоит весьма прозаическая вещь — политика.

Кастро очень нужно исправить напряженные отношения с латиноамериканскими церквями, а через них — с правительствами стран этого региона.

Действительно, на протяжении последних двух лет наблюдалось некоторое потепление в церковно-государственных отношениях на Кубе. В 1985 г. Гавану посетила без особого шума группа американских епископов. Ответная делегация кубинских епископов позднее совершила поездку по США и даже встречалась в Вашингтоне с сотрудниками госдепартамента. В конце 1985 г. Кастро имел две продолжительные встречи со всеми семью епископами страны — встречи, которые сам Кастро назвал началом длительного диалога с церковью. Архиепископ Ортега специально обсуждал эти чрезвычайные события с папой Иоанном Павлом II во время последнего синода епископов в Ватикане.

На III съезде кубинской компартии в феврале этого года Кастро открыто призвал латиноамериканских католиков использовать свою силу для осуществления политических перемен в своих странах. "Немарксистские движения могут сыграть положительную роль в Латинской Америке, — сказал он. — Многие христиане в соответствии со своей верой хотят построить мир, в котором господствовали бы братство, равенство и справедливость".

Кастро пошел даже так далеко, что в беседах с о. Бетто выразил надежду, что в 1987 г. "выдающийся политик" папа Иоанн Павел II посетит Кубу. "Я абсолютно убежден, — сказал Фидель, — что этот визит будет полезен и для церкви, и для Кубы, и для Третьего мира". Сейчас, когда церковь на Кубе занимает только оборонительные позиции и не представляет никакой угрозы для режима, Кастро, по сути дела, мало чем рискует.

"Соавтор" книги о. Бетто явно симпатизирует Кастро. Кубу он считает "гораздо более справедливым" государством, чем большинство стран мира, в сказанном Кастро не находит ничего еретического. Интервьюируя Кастро, он явно не хотел ставить его в трудное положение, поэтому многих вопросов, которые могли бы ему не понравиться, о. Бетто не задавал. "Я не хотел прерывать его вопросами (?)", не хотел заставлять его становиться в оборонительную позицию", — поясняет он. Поэтому о. Бетто не касался таких чувствительных современных тем, как дискриминация католиков при приеме на работу и т. п.

Тем не менее, Кастро сам, по своей инициативе, то и дело пытается согласовать свои реверансы в сторону религии с открыто антицерковными правительственными мерами. Открытые нападки на церковь в прошлом объясняются тем, что священники "укрывали контрреволюционеров". В заслугу себе он ставит, что священников на Кубе "не пытали и не убивали". Дискриминацию католиков он признает, как "нечто, что нам еще предстоит преодолеть", но утверждает, что это "не государственная политика". Кастро заявляет, что "свобода религии — неотъемлемое право индивидуума", но одновременно защищает исключение католиков из компартии (а это автоматически приводит к их дискриминации при приеме на работу).

"Пока мы слышим лишь слова, — заявил недавно представитель Ватикана. — Мы ждем дел". Дел, однако, нет. Кроме рекомендации уважать права верующих, включенной в проект новой программы кубинской компартии, нет никаких признаков крутого поворота в политике режима по отношению к церкви. В феврале национальная конференция епископов в Гаване высказала робкую надежду, что церкви удастся получить доступ к средствам массовой информации (все они находятся, естественно, под контролем государства). Эта просьба даже не рассматривается. Кажется, единственная реальная уступка, сделанная режимом церкви — разрешение передавать по радио рождественские песнопения.

И все же... Триста тысяч кубинцев стояли в очередях, чтобы узнать, что их вождь думает о религии.●

Газета выходит с марта 1917 года

ИЗВЕСТИЯ

СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

ОСТАТОЧНЫЙ ПРИНЦИП В ДЕЙСТВИИ

В науке это бывает. Число фактов растет, факты сталкиваются, громоздятся, противоречат друг другу. И вдруг наступает ясность: теория объясняет их, группирует, расставляет по своим местам.

Совсем недавно, на XXVII съезде КПСС Михаил Сергеевич Горбачев четко объяснил нам, откуда происходят все беды "материальной базы социально-культурной сферы страны". Оказывается, от остаточного принципа! Суть этого принципа в том, что министерства и ведомства сначала вкладывают деньги в производственные объекты, а уж что останется (если, понятно, останется) тратят на жилье, магазины, детсады, бытовые службы...

Теперь, с одной стороны, все понятно, а с другой — не вполне. Хозяйство у нас плановое. Так что вложения в производство теми же министерствами и ведомствами, наверно, планируются, а значит, как ни крути, планируется и этот "остаточный принцип". Тогда, может, дело не в принципе, а в том, что остаточных средств мало, и их просто не хватает на все сразу: на жилье, школы, кинотеатры, магазины, детские сады?

Похоже, что так. Недавно, например, "Известия" привели кое-какие данные. Оказалось, что только в жилье нуждается 11—26 миллионов семей, то есть от 30 до 80 миллионов человек. А ведь, кроме жилья, нужно строить еще магазины, ясли, клубы и прочее. Или мы что-то путаем?

Нет, все верно — подтверждает в "Правде" (от 24 марта) такой авторитетный человек, как Б. Шубин, директор новосибирского отделения ГИПРОНИИ АН СССР. Средств на строительство жилья действительно мало, а уж на культурно-бытовые объекты и вовсе не хватает.

Не станем задавать глупых вопросов — почему не хватает, а задумаемся над тем, что же делать. В свое время Никита Сергеевич Хрущев выдвинул формулу, согласно которой семье из "n" человек полагалась квартира из n+1 комнат.

Об этой формуле давно нет речи. Теперь нам еще и объясняют, что существующие нормы жилой площади слишком велики. Разве это порядок, когда молодая семья получает двухкомнатную квартиру, "хотя вполне могла бы до достижения ребенком пяти-шестилетнего возраста пожить в однокомнатной"?

Слава Богу, Шубин не уверяет нас, что это будет прогресс и новый шаг на пути к сияющим вершинам. Все проще и печальнее: такова суровая необходимость. Иной возможности удовлетворить жилищный голод и строить параллельно с жильем, магазины, ясли, ремонтные мастерские, парикмахерские и прочее, просто нет.

"По росту ли инструкции", — спрашивает автор в заголовке. И отвечает: нет. Запускать в космос бесчисленные разведывательные спутники, воевать в Афганистане, снабжать оружием авантюристов всего мира — это да, это по росту. А дать семье двухкомнатную квартиру или жилье из расчета восьми квадратных метров на человека — нет, это не по росту. Таков "остаточный принцип" в действии. ●

С ЧЕГО БЫ ЭТО, ИЛИ ФЕНОМЕН БОЛЬШОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Мы живем в стремительную эпоху. На наших глазах уносятся в межпланетное пространство космические корабли. Наука все ближе подходит к раскрытию тайн жизни. Создается новый фольклор: неожиданный, смелый, парадоксальный — об овощных базах. Рождаются песни ("Автобусом до Сходни добирайтесь"), анекдоты (о профессорской визитной карточке в пакете с картошкой), сказания. Например, Сказание об Александре Григорьевиче Сафонове, опубликованное в "Известиях" от 17 марта под скромным заголовком "Курганский натюрморт".

Да, Александр Григорьевич не рыцарь и не герой в привычном смысле слова, он всего лишь директор горовощеплодоторга. Но пусть это вас не смущает. Героизм измеряется не должностью, а подвигом. И по этому главному показателю А. Г. Сафонов стоит в том же ряду, что Прометей, Геракл, Роланд. Судите сами: "Курган, кажется, единственный город, где рабочие и служащие, инженеры и ученые не разгружают картошку, не перебирают капусту".

Скажите, преувеличение — при чем тут Геракл? Но вот в каком состоянии был овощной мир до Сафонова: "А базу помните? Только в сапогах и пройдешь. Корова в яму упала — штраф платили..."

И враги Александра Григорьевича ничем не уступали льву или дракону. "Я его дубиной заставлял", — вспоминает бывший мэр города. И уголовное дело против него возбуждалось. И даже теперь, когда он вроде бы победил ("Такие соленые огурцы в Москве на рынке по три рубля килограмм. Такой капусты в столичных магазинах я вовсе не видывала"), Государственной премии Сафонову не дали — враги не простили ему победы. И вот Александр Григорьевич, которого ценят в городе, которого знает вся страна, ушел со своей должности и собирается на пенсию. Не из-за премии, конечно, а, как говорят юристы, "по совокупности". Геракл совершил двенадцать подвигов — ему их хватило на всю жизнь, а А. Г. Сафонов вынужден был совершать их ежедневно. Это ведь только со стороны подвиги смотрятся эффектно, сам-то герой от них устаёт. "Восемнадцать лет света божьего не видел, — признался он журналисту, — а чего добился? Кому это надо?.."

Размышляя над природой "курганского феномена", корреспондент "Известий" спрашивает себя: "А может быть, вопрос обеспечения города овощами — вопрос кадровый? Ведь дай каждому городу по Сафонову — и Курган не "феномен".

Может, и так. Только герои и подвижники рождаются, увы, не каждый день. Да и нужны они, наверное, не в одном лишь овощном хозяйстве. И тут невольно ловишь себя на всяких странных мыслях. Конечно, в Советском Союзе Курган — единственный город, где удалось решить вечную проблему овощных баз. Но есть же другие страны, иные обитаемые миры в Большой Вселенной. Неужто и там?..

Нет, не похоже. Вроде всюду, где нам случилось быть, лежат на лотках и в магазинах совершенно свежие овощи. И не слышно, чтобы профессоров или хотя бы студентов мобилизовывали. Да и попробуй их мобилизовать: они нахально рассмеются тебе в лицо и такую забавостку отгрохают... И в здешних газетах что-то не видно статей о брюссельских, лионских или тюрингенских феноменах. С чего бы это? ●

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Сельская ЖИЗНЬ

НА ОЧЕРЕДИ
ВСПАШКА ОГОРODOB

"Беда, коль пироги начнет печи сапожник," — сказал классик. Прогресс человечества, как объясняет наука, связан с разделением труда. Однако представим себе, что у сапожника не ладится с сапогами, а у пирожника из рук вон плохо с пирогами. Какой-нибудь ученый педант начнет докапываться: как да почему, а может, условия не созданы? Человек инициативный и смелый решит вопрос кардинально: изготовление пирогов возложит на сапожника, а освободившийся пирожник получит возможность тачать сапоги.

Не секрет (один из многих "несекретов"), что по части бытового обслуживания мы занимаем пока не самое высокое место: получше, чем в Эфиопии, но много хуже, чем на Соломоновых островах. Что касается сельского хозяйства, то успехи тут тоже скромные.

И вдруг — зврика! О замечательном опыте, который позволит решить все проблемы, поведала нам газета в номере от 10 ноября. Заметка невелика, процитируем ее почти полностью. "Увеличению числа домашних ферм содействуют работники службы быта. Нынче они позаботились о пастыбе крупного рогатого скота, принадлежащего жителям села. Опыт оказался удачным, решено этот вид бытовых услуг распространить шире... На очереди — вспашка огородов..."

Легко представить себе и следующий шаг: обработка полей. А для полноты картины останется лишь перебросить крестьян в город — в парикмахерские, ремонтные мастерские и прочие звересты бытового обслуживания. ●

ВЕСТИ ИЗ СССР

Наследники Октябрьской революции консервативны: с них вполне достаточно той великой импровизации, что имела место около семидесяти лет назад. Ныне любое событие — будь то партийный съезд, женский праздник 8 Марта или хождение в народ генерального секретаря — проходит по заранее разработанному сценарию. Генсек еще только укладывает чемоданы, а сценарист уже знает, с кем из народа вождь встретится, что он скажет народу и что ответит народ. Просто и удобно.

Недавно М. С. Горбачев совершил путешествие в Куйбышев. На аэродроме провожали. В Куйбышеве встречали. Возложил цветы к памятнику В.И.Ленину. Цветы легли и к монументу Славы над Волгой — символу трудовой и ратной доблести. Состоялись деловые и откровенные беседы с трудящимися. Начались они прямо на одной из главных магистралей Куйбышева и продолжались на металлургическом заводе. Засим генеральный секретарь прибыл в Тольятти, осмотрел Волжский автозавод и вечером обратился с речью к трудящимся города.

Рецепты парадных речей на местном уровне давно отработаны. Много восторгов ("Ах, какой большой город! Ох, какой прекрасный завод!"), легкая критика, немного здорового юмора ("Смех. Аплодисменты"). Нечто о происках американских империалистов. М.С.Горбачев нарушил традиции. Речь в Тольятти не только далеко выходит за рамки местной темы, но и носит явно программный характер. Чувствуется, что генеральный секретарь искал повод высказаться. Встреча в Тольятти — повод не лучше, но и никак не хуже других.

Собственно, кое-какие отклонения от традиционного сценария можно было заметить уже в Куйбышеве. Беседы на улице — ладно, о поряд-

ке есть кому позаботиться. Но М.С.Горбачев не просто обменялся парой слов со случайно оказавшимся на месте передовым тружеником, а произнес целую речь. Надо думать, людей собралось немало, движение было остановлено, нашелся и микрофон. Это что же — уличный митинг? Странно.

Не совсем обычно и то, что генсек сказал на митинге. Начал он с того, что напомнил собравшимся, что живут они в "истинно русском краю, ведь вокруг Волги сформировалось русское государство". Это еще куда ни шло; даже модно. Но затем Горбачев перешел к проблемам, которые "в первоочередном порядке надо сейчас решать". Что же это за проблемы? Прежде всего, жилье, продовольствие, качество товаров. "Речь идет о том, что нам надо подтянуть всю социальную сферу, она отстала".

Как отстала, почему? Вот, к примеру, в Куйбышеве заметно увлечение тяжелой промышленностью, строим новые мощности, заводы, цеха, а результата желаемого не достигаем. А потому что забываем: новые цеха и заводы без глубокой заботы о человеке — мертвое дело. Чтобы человек мог успешно трудиться, нужна система обслуживания, быта, торговли, здравоохранения, нужны хорошие школы, места отдыха. Все это определяет настроение человека, отношение его к делу, короче, производительность общественного труда в целом.

Разумеется, это не ново и известно всем, кроме советских вождей: у них-то никогда не было оснований жаловаться на обслуживание, быт, торговлю и прочее. С чего же вдруг они прозрели? Оказывается, "вопросы социальной сферы сегодня обострились, приобрели в какой-то мере определяющий характер".

А вот это уже нечто новое, заслуживающее вни-

мания. Десятки лет на сферу обслуживания просто плевали. Были бы ракеты и танки, были бы спецбольницы и спецраспределители, а к очередям и вечным нехваткам народ привык. Теперь же выясняется, что привык, да не совсем. Митингов и восстаний народ, правда, не устраивает, но работать не хочет. А без этого, увы, новые цеха и заводы — мертвое дело...

"Перестраиваться надо всем, — сказал генсек. — Вы, наверное, почувствовали, что мы и в Центральном Комитете работаем по-новому, перестраиваемся, и довольно критически". Выясняется, однако, что перестраиваются не все. И если на улице в Куйбышеве М.С.Горбачев лишь упомянул об этом, то его речь в Тольятти была почти целиком посвящена этой теме. Собственно, ради того она и была произнесена.

Конечно, начал генсек с достижений. И на сей раз это не просто дань традиции. Чувствовалось, что Горбачеву важно показать, что он отнюдь не порывает со всем предшествующим периодом советской истории, что напротив, именно достижения последних 25 лет создали предпосылки для того, чтобы "выдвинуть грандиозные, но реалистические планы ускорения социально-экономического развития страны". Нетрудно догадаться, кто и в чем подозревает генерального секретаря.

Но если нынешний курс есть лишь естественное, закономерное продолжение прежнего, то из-за чего весь этот сыр-бор, почему необходим крутой поворот и в каком направлении нам следует перестраиваться? Оказывается, хотя в общем все и раньше было замечательно, имело место "заметное отставание в развитии экономики". Это касается и темпов, и производительности труда, и показателей эффективности, и внедрения достижений научно-технического прогресса. Иными словами, всех основных критериев характеризующих экономику страны.

Хорошо бы, конечно, во всем этом обвинить кого-нибудь со стороны, подняв "ярость масс" против евреев, меньшевиков или американского империализма. Но дело в том, что жизнь продолжается. И если не сказать "о серьезных недостатках в деятельности партийных и государственных органов, многих кадров", то какой же перестройки от них можно требовать?

Перестройка необходима — это вроде бы теперь признают все. "Сейчас редко можно услышать, что кто-то не согласен с тем, что мы пошли

по пути перестройки всех сфер жизни общества, — отметил М.С.Горбачев. — Скажу больше: подавляющее число людей искренне считает, что действительно настало время для перемен". Тогда за чем остановка?

Беда в том, что есть некое меньшинство, которое ведет себя не совсем искренне: поддерживая новый курс на словах, на деле противится ему, ожидая, что после съезда "все войдет в старую колею".

Надо думать, меньшинство это весьма могущественно, если генеральный секретарь вынужден занять довольно странную для марксиста позицию, уверяя нас, что "начинать надо не с экономических реформ, а с перестройки в мышлении и психологии, в организации, в стиле и методах работы". Потому что "если мы сами не перестроимся, я глубоко убежден в этом, то не перестроим и экономику, и нашу общественную жизнь".

Вот теперь уже почти все ясно. "Мы сами" — это, понятно, партийное руководство — те, кому принадлежит реальная власть в стране. Было бы смешно, если бы генеральный секретарь ЦК КПСС не понимал, что именно от них, а не от "подавляющего числа людей" зависит и успех перестройки и его собственное положение.

Нелепая, а если подумать, то и глубоко трагическая ситуация. Человек, которому с высоты его положения ясно, что перемены необходимы — и прежде всего с точки зрения интересов сохранения власти выдвинувшего его класса, искренне стремится объяснить тем, кто его выдвинул, в чем состоят их классовые интересы. Они не понимают? Есть, конечно, и такие. Но большинство, несомненно, понимает. Просто привычка к власти и привилегиям сильнее доводов разума. И еще, может быть, действует уверенность: на наш век хватит. Семьдесят лет стоит государство, и конца ему не видно. Но конец никогда заранее не виден: в январе 1917 года ни царь Николай II (Романов), ни Владимир Ульянов (Ленин) февральских событий не ожидали.

Разумеется, ситуация сейчас иная, да и вообще аналогия — не доказательство. Тут интересно другое: сам факт возникновения коллизии в эшелонах высшего руководства. А в том, что коллизия существует, сомнений уже нет. Об этом свидетельствует вся речь М.С.Горбачева в Тольятти. Вот только один пример. Советские

люди, подчеркнул генеральный секретарь, поддерживают решения съезда, требуют продолжать новый курс и заверяют, что пойдут за партией, только бы партия... не сворачивала с избранного пути.

Что это: понимание опасности, апелляция к народу, угроза тем, кто не желает перестраивать сознание, ибо оно вполне соответствует их бытию? Трудно сказать. Бесспорно одно: в стране идут интересные и сложные процессы. А то, что идут они подспудно и лишь немного выплескивается на поверхность, нас не смущает — привыкли. Спасибо и за это. ●

А.Б.

ПРИГОВОР КИРИЛЛУ ПОПОВУ

18 апреля Московский городской суд вынес приговор, который, пожалуй, составит этап в развитии советского правосудия: инженер-химик Кирилл Попов приговорен к 6 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки.

Кирилла Попова судили по ст. 70 УК РСФСР за "антисоветскую агитацию и пропаганду". Первые пункты приговора были довольно обычными для такого рода судов: сотрудничество в самиздательской "Хронике текущих событий" и других бюллетенях, публиковавших информацию о нарушениях прав человека в Советском Союзе, о положении политзаключенных и т. д.; "распространение" изданных за рубежом книг, например, книги Р. Конквеста "Большой террор" (о сталинском терроре 30-х гг.) — говоря обычным языком, Попов давал их кому-то почитать.

Но последнее обвинение, предъявленное К. Попову, уникально для послесталинских политических процессов: оказание моральной и материальной помощи политическим заключенным и их семьям — с целью, как сказано в приговоре, укрепления в них антигосударственных настроений.

Под этим чутунным выражением подразумевается, что Кирилл Попов писал в лагеря письма и открытки, посылал семьям узников посылки, иногда помогал деньгами. Короче говоря, занимался тем, что называется хорошим русским словом "благотворительность". Впрочем, в нашем современном языке даже слово это приобрело теперь какой-то уничижительный оттенок: все мы со школы усвоили, что поскольку "человек — это звучит гордо", то "жалеть его не надо" ("не унижать его жалостью").

Но Кирилл Попов жалел людей (что совсем не исключало уважения к тем, кого он жалел, скорее наоборот). В своем последнем слове на суде он сказал, что "не преследовал цели "подрыва советского строя", а лишь действовал в соответствии с велением своей совести. Я, — продолжал Павлов, — вступал в конфликт с законом только тогда, когда закон противоречил моим моральным и религиозным убеждениям. Будучи воспитан в традициях русской интеллигенции и русской классической литературы, я всегда считал себя обязанным быть с гонимыми, а не с угнетателями, и потому оказывал помощь политическим заключенным вне зависимости от их политических убеждений".

Кирилл действительно вырос в типичной московской интеллигентной семье. Он всегда был немного книжным мальчиком, может быть, еще и потому, что с детства был слаб здоровьем. Мать его была хорошей знакомой Бориса Пастернака, в доме был культ его поэзии. Маленький мальчик знал наизусть "Высокую болезнь". В семье хранилось письмо, которое Борис Леонидович прислал семилетнему мальчику в ответ на поздравление с днем рождения:

"Дорогой мой Кирюша, от души благодарю Вас за поздравление. Как хорошо Вы уже пишете! И очень хорошо рисуете: Вы — молодец. Но меня Вы страшно прикрасили, я никогда таким красивым в жизни не был.

Кирюша — Вы прелесть, и доставили мне большую радость. Желаю Вам в жизни много успехов, радости и удач. И чтобы бабушка, мама и все в доме долго-долго жили и были здоровы. Кланяйтесь им. Целую Вас крепко.

Ваш Б. Пастернак."

Если в жизни Кирилла Попова и были "успехи, радости и удачи", то совсем, наверное, не те, что имел тогда в виду Пастернак.

Кириллу едва перевалило за двадцать, когда он активно включился в правозащитное движение, которое тогда только что зародилось. По религиозным убеждениям католик, он стал посещать, например, собрания московских пятидесятников, чем привлек особое внимание сотрудников КГБ. Пятидесятники были тогда (как, впрочем, остаются и поныне) одной из самых преследуемых групп верующих, и К. Попов пришел к выводу, что единственное, что может обеспечить им какую-то защиту, это гласность, публикация све-

дений о репрессиях, которым они подвергаются.

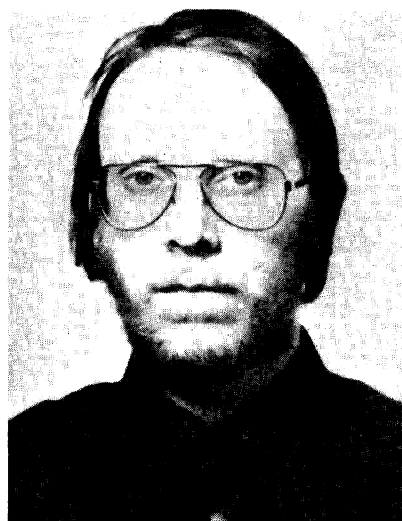
Постепенно Попов становится одним из самых активных соавторов сначала "Хроники текущих событий", а потом и других правозащитных информационных бюллетеней. От сбора информации о политзаключенных логичным был и следующий шаг — оказание им помощи, простой человеческой помощи. Почти все свое свободное время тратит он на письма людям, знакомым и незнакомым, находящимся в лагерях, тюрьмах и психиатрических больницах за свои политические убеждения.

На собственные средства и средства, собранные среди друзей, он собирает посылки с одеждой или продуктами для семей политзэков. В этом, собственно, и проходит его жизнь, — личной жизни как таковой у Кирилла просто не было. Из родных к тому времени у него осталась лишь тяжело больная бабушка.

Несколько раз К. Попова принудительно госпитализировали в психиатрическую больницу, а убедившись, что "предостережения" не действовали, — арестовали. Решено было, однако, на этот раз не "пускать его по психиатрической линии", а вывести на суд, причем суд особого рода: приговором впервые было закреплено, что оказание политзаключенному материальной помощи есть преступление.

Стоит здесь напомнить, что даже в сталинское время, вплоть до середины 30-х гг., существовал в Советском Союзе "Политический Красный Крест", во главе которого стояла жена М. Горького Екатерина Пешкова. В 20-е годы этой организации даже удавалось много сделать. Позднее, конечно, работать "Политическому Красному Кресту" приходилось в более трудных условиях. Постепенно его деятельность свелась лишь к личным ходатайствам самой Е. Пешковой в пользу отдельных политзаключенных, а потом и вообще прекратилась. Тем не менее, преступной эту организацию никто не объявлял, даже в то время.

В постсталинский период возрождение гуманитарной помощи политзаключенным было связано сначала с именами нескольких героических одиночек, таких, как находящийся ныне в лагере В. Альбрехт, и с небольшими организациями (например, "Группа 37"). В 1974 г. А. Солженицын создал "Русский общественный фонд помощи политзаключенным", заслуги которого в возрождении гуманной традиции помощи гонимым

невозможно переоценить. Первый распорядитель Фонда А. Гинзбург был арестован, других вынудили к эмиграции. Последнего распорядителя С. Ходоровича тоже арестовали.

Однако и А. Гинзбурга, и С. Ходоровича обвиняли в чем угодно, но не в благотворительности: вставить этот пункт в обвинение попросту не решились, хотя на словах и следователи, и судьи достаточно откровенно говорили, в чем подлинная вина арестованных.

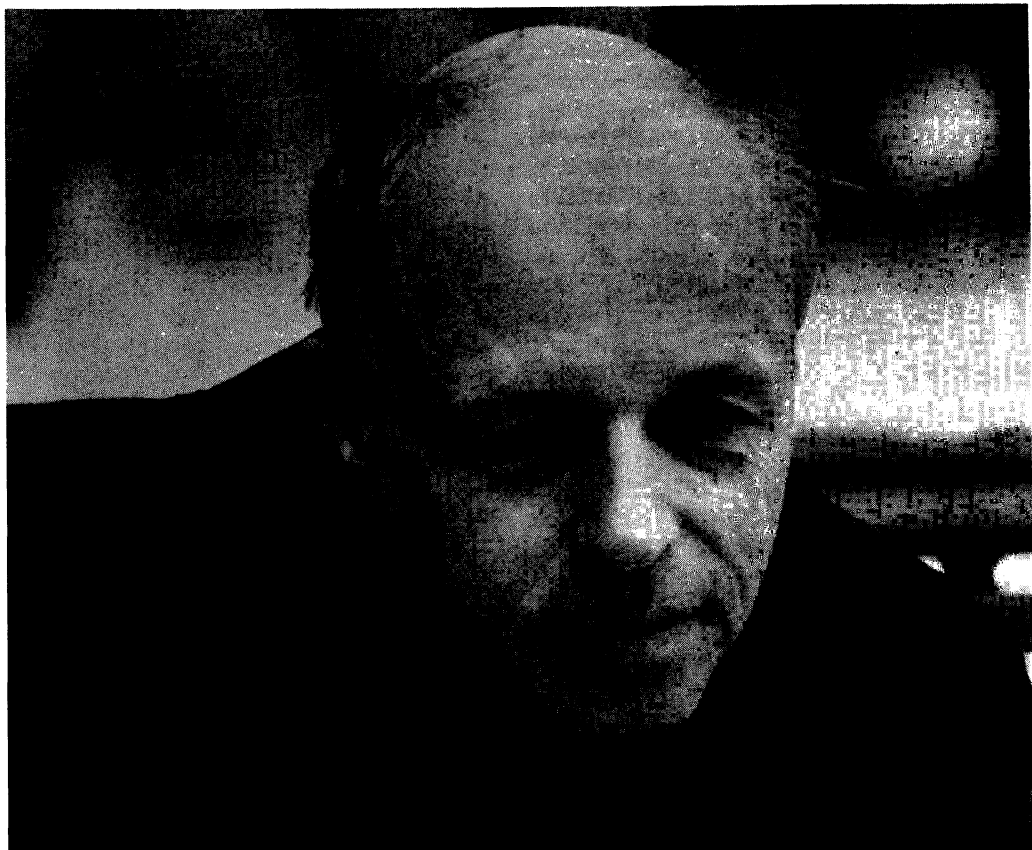
Теперь больше не стесняются. Прокурор Н. Фунтов потребовал наказания и прямо сказал, за что. Судья Л. Лаврова вынесла обвинительный приговор — "учитывая степень опасности совершенного преступления".

Еще несколько лет назад в ст. 70 УК РСФСР было введено дополнение, согласно которому считается отягчающим вину обстоятельством, если "антисоветская пропаганда" проводится с использованием помощи из-за рубежа — пусть даже от отдельных лиц. Сейчас новых дополнений в ст. 70 вносить не стали. Просто приговором было зафиксировано, что и оказание помощи само по себе преступно, даже если это помощь не из-за рубежа.

Кирилл Попов сказал, выступая в суде: "С квалификацией моих действий по ст. 70 УК РСФСР я согласен. Однако в принципе само существование такой статьи я считаю незаконным, так как глубоко убежден, что в нормальном обществе самое наличие такой статьи невозможно и что суд надо мной есть еще одно подтверждение верности моих убеждений". ●

ЧЕЛОВЕК, ЕГО МЫСЛЬ И ЕГО ДЕЛО

К 65-летию академика Сахарова

Двадцать первого мая Андрею Дмитриевичу Сахарову исполняется 65 лет. Эту дату он встречает в полном одиночестве, в изоляции от семьи, друзей, от всего мира. Невежливо, но не во времена Средневековья, не в эпоху костров и гильотины, а на пороге ХХІ века, в эру спутников и суперкомпьютеров, истязают выдающегося ученого, мыслителя и гуманиста. На наших глазах медленно убивают человека, которого цивилизованное общество с редким единодушием признает голосом разума, мира, живой совестью человечества.

Каждому, кто отдает себе отчет в трагизме сложившейся ситуации, хочется кричать, протестовать, каждый из нас хотел бы чем-нибудь помочь Андрею Сахарову. Но каким бы страстным ни было в эти дни наше возмущение, трудно отказаться от желания обобщить, осмыслить то, что он сделал для мира и человечества. Быть может, и совсем не дано нам, его современникам, в полной мере оценить влияние Андрея Сахарова на ход мировых событий, на прогресс в области прав человека, на состояние умов в нашей стране и во всем мире. И все-таки уже сегодня можно сказать о многом...

1963 год. Советский Союз и Соединенные Штаты Америки подписывают Московский договор о прекращении испытаний ядерного оружия в атмосфере, на земле и под водой. Приостановлено радиационное заражение воздуха, почвы, воды, предотвращены десятки и сотни тысяч заболеваний, появление на свет неполноценных младенцев, гибель

животных и растений. В наши дни такое решение советских властей может показаться логичным, естественным.

На самом деле все обстояло совсем не так просто.

Приблизительно к концу 50-х годов Советский Союз догнал Америку в области ядерного оружия. Дальнейшие испытания проводились не столько ради усовершенствования этого оружия, сколько с целью демонстрации силы. Призывы западных правительств и мирной общественности прекратить ядерные испытания отвергались. Именно поэтому большой неожиданностью было то, что советское руководство согласилось вести переговоры по этому вопросу и в конечном счете пришло к соглашению с Америкой. Никто не знал тогда имени человека, оказавшего огромное влияние на решение советского правительства.

Этим человеком был выдающийся физик, академик А. Д. Сахаров. Еще в середине 50-х годов Сахаров, один из создателей советского термоядерного оружия, начал борьбу за прекращение ядерных испытаний. В письмах к министру Е. Славскому, ответственному за производство атомного оружия, и непосредственно Н. Хрущеву он указывал на бессмысленность дальнейших испытаний с научно-технической точки зрения и катастрофические последствия этих испытаний для всех людей на Земле.

В ответ Хрущев с присущей ему грубостью оскорбил академика Сахарова и потребовал от него не вмешиваться в политику. Тем не менее предостережения "своего" физика произвели на диктатора сильное впечатление и, как мы теперь знаем, оказались чрезвычайно важными для исхода переговоров с правительством США. Публично высмеяв Сахарова, Хрущев, однако, вел переговоры в соответствии с планом, который предложил Андрей Дмитриевич Сахаров.

Борьба за прекращение ядерных испытаний оказалась не просто конфликтом Сахарова с властями. Фактически она была его первым серьезным столкновением с советской действительностью.

Дело в том, что его предыдущая жизнь в значительной мере проходила в своеобразной тепличной атмосфере. Он родился в культурной и обеспеченной семье. Его детство протекало без каких-либо потрясений, в юные годы он учился в Московском университете, мечтая о большой науке и не встречая, в сущности, препятствий на своем пути. Мировоззрение Андрея Дмитриевича было сформировано главным образом его семьей, сохранившей высокие традиции русской культуры. Однако и фундаментальные идеи социализма, и советский патриотизм не были ему чужды. Не следует упускать из виду, что молодость Сахарова пришлась на предвоенные и военные годы, когда человечеству угрожал фашизм. Между прочим, много лет спустя Андрею Дмитриевичу будет высказано немало нареканий по поводу его участия в работах по созданию термоядерной бомбы. Но при этом забывали, что пропаганда тех лет непрерывно трубила о немецком реваншизме и американском империализме, о врагах, устремивших жадные взоры на богатства страны Советов. Сочетание пропаганды, репрессий и прежде всего память о миллионах жертв военных лет, о разрушенных городах и сожженных деревнях заставляла людей идти на жертвы и лишения, мириться с полуголодным существованием и вместе с тем верить, что все это — ради предотвращения новой войны. Верил в это и Сахаров.

В 1945 году А. Д. Сахаров становится аспирантом Физического института имени Лебедева. Его руководителю, известному физiku Игорю Евгеньевичу Тамму не нужно было много времени, чтобы убедиться, сколь талантливого ученика он получил в лице Сахарова. И когда в 1948 году Тамма назначают начальником теоретического отдела Центра разработки термоядерного оружия, он включает в число своих ближайших помощников Андрея Сахарова.

"Последующие 20 лет — непрерывная работа в условиях сверхсекретности и сверхнапряжения сначала в Москве, затем в специальном научно-исследовательском центре.

“Все мы были тогда убеждены в жизненной важности этой работы для равновесия сил во всем мире”, — пишет Сахаров в своей автобиографии.

Поразительно, что при всей огромной нагрузке Сахаров и Тамм начали тогда же исследования в области управляемого термоядерного синтеза, поиск, который не имел отношения к войне, но обещал открытие и освоение неисчерпаемого источника энергии для человечества. Сегодня наука в области термоядерного синтеза ушла далеко вперед, однако фундаментальные идеи, основные расчеты и одна из наиболее перспективных схем реализации управляемой термоядерной реакции принадлежат Андрею Сахарову.

В 1953 году, тридцати двух лет, он был избран действительным членом Академии Наук СССР.

Но работа в сверхсекретном центре, научное признание и принадлежность к научно-технической элите способствовали дальнейшей изоляции Андрея Дмитриевича от реальной действительности. Прекрасная квартира в Москве, загородный дом в Жуковке, спецмагазины, спецбольница, круглосуточное дежурство “духов”, — так А. Д. называл приставленных к нему охранников, — все это не способствовало общению с рядовыми людьми.

И вот наступил 1956 год. Двадцатый съезд партии. Хрущев выступил с разоблачением “культа личности”. Начался новый этап советской истории. Приоткрыв занавес над преступной деятельностью и самой личностью Сталина, торжественно обещав блюсти в дальнейшем закон и порядок, распустив лагеря и ослабив многообразные запреты и ограничения, Хрущев способствовал появлению новых сил на общественной арене. Конечно, преобразования, проведенные сверху, — реабилитация жертв сталинщины, пересмотр законодательства, ограничения полномочий карательных органов, реформы в области социального обеспечения, жилищного строительства и экономики — были весьма значительны. И все же мыслящей и наиболее ответственной части общества они казались недостаточными. Чтобы навсегда исключить возврат к сталинизму и вывести страну из экономического тупика и международной изоляции, нужны были более глубокие перемены, основанные на переоценке всего прошлого страны, на качественно новом подходе к разрешению ее проблем.

Среди тех, кто пытался внести свою лепту в обновление страны, был и физик Сахаров...

Результатом пересмотра основных принципов советского общества и непредвзятого анализа ситуации в мире явилась его работа “Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе”, увидевшая свет в 1968 году.

Многие друзья и даже единомышленники, не говоря уже о недоброжелателях, поспешили упрекнуть автора в политической наивности. Сам Андрей Дмитриевич, однако, никогда не соглашался считать “Размышления” наивной, утопической книгой. И сегодня, спустя почти два десятилетия, картина мира, нарисованная Сахаровым, представляется в основных чертах адекватной действительности.

Мир разделен на два блока, раздираем двумя сверхсилами; “разобщенность человечества угрожает ему гибелью”. Можно ли преодолеть эту разобщенность? Марксизм утверждает, что смена социальных формаций неизбежна, что гибель капитализма и торжество социализма предreshены ходом истории. Сахаров выражает: “Любая проповедь несовместимости мировых идеологий и наций — безумие, преступление”. Спасение человечества он видит на путях конвергенции двух мировых систем и считает, что их постепенное сближение должно происходить в условиях интеллектуальной свободы: люди вправе сами решать свою судьбу. Конвергенция социализма и капитализма, по мнению Сахарова, должна не только спасти человечество от катастрофы, но и способствовать всемирному прогрессу — ликвидации голода и болезней, регуляции прироста населения и охране среды, решению многих других сложнейших проблем.

Позднее, в работах "Мир, прогресс, права человека", "О стране и мире", "Тревога и надежда", "Тревожное время", в многочисленных выступлениях и интервью Сахаров значительно углубил и уточнил свои положения. Уже не абстрактные и как бы равнозначные силы — капитализм и социализм — противостоят друг другу. Вот как видит теперь Сахаров свою страну: "Наиболее рафинированная, развитая форма тоталитарно-социалистического общества сформировалась в СССР... Возникло кастовое, глубоко циничное и, как я считаю, опасно больное общество..., под застывшей поверхностью которого скрывается массовая жестокость, беззаконие, бесправие рядового гражданина перед властями и полная бесконтрольность властей — как по отношению к собственному народу, так и по отношению ко всему миру, что взаимосвязано".

С другой стороны, "капиталистическая система доказала свою способность к развитию и трансформации... В странах Запада обеспечены невиданный в истории человечества уровень и "качество" жизни, произошли большие сдвиги в социальных областях". Сахаров ожидает от Запада дальнейшего прогресса в этих сферах. Он надеется, что "это и будет движением Запада в направлении сближения с социалистическим миром". Однако, пишет он, "гораздо более проблематично движение тоталитарного социализма к плюралистическому". Причину этого Сахаров видит в "закрытости тоталитарно-социалистического общества", в грубом попрании прав личности, отдельных групп населения и целых народов, находящихся под контролем СССР либо в сфере его влияния.

Сахаров приходит к выводу, что коренной проблемой сохранения мира и гарантий прогресса является повсеместное соблюдение прав человека. Именно права и свободы рядовых граждан обеспечивают открытость общества, которая, в свою очередь, служит гарантией мира и стабильности. Сахаров по-прежнему считает, что приоритет в мировой политике должен принадлежать вопросам разоружения, ликвидации арсеналов ядерного оружия во имя сохранения цивилизации на Земле.

Прав ли он, не утопичны ли его идеи?

Обратим взгляд на Европу. Бесчисленное множество договоров о мире было подписано на протяжении последних столетий между европейскими странами. Почти все пакты и конвенции заканчивали свое существование в корзине для мусора. И если сегодня, к примеру, война между Францией и Италией или между Германией и Англией абсолютно немыслима, если удалось ликвидировать главный европейский конфликт — веками раздиравшую старый континент распря между немцами и французами, то вовсе не потому, что правительства подписали еще один мирный договор. Надежной гарантией мира между демократическими странами является полная и неограниченная свобода граждан этих стран и, как следствие, абсолютная открытость демократических обществ.

Итак, Сахарову удалось найти важнейшую причину нестабильности современного мира. Не борьба за источники сырья и рынки сбыта, не территориальные споры, не национальная или религиозная вражда, а господство диктаторских режимов ведет к агрессиям и войнам. Опыт послевоенного развития мира показывает, что как только на политической арене появляется сколько-нибудь мощная диктатура, тотчас возникает угроза миру и стабильности. Попадет ли власть в руки Фиделя Кастро или к аргентинским генералам, к Иди Амину или к Муамару Каддафи, результат не замедлит себя ждать.

Главная же угроза миру по-прежнему исходит от Советского Союза. Господство "тоталитарно-социалистического режима", грубое подавление прав собственных граждан и, как следствие этого, непроницаемая для внешнего мира закрытость советского общества — вот истинная причина советской агрессивности, вот где скрыта потенциальная угроза новой мировой войны.

Найти формулу мира А. Д. Сахарову удалось не только благодаря его высокому интеллекту. В 1968 году, после опубликования сахаровских "Размышлений", автора лишили допуска к секретной информации и перевели в Физический институт Академии

Наук на относительно скромную должность старшего научного сотрудника. Неизбалованный, нетребовательный в быту, он безболезненно перенес отлучение от привилегий. Кажется, он был даже горд тем, что теперь он "как все". Но более всего сближением с новым миром, с новыми людьми — будь то старые политзеки, молодые диссиденты или неподцензурные писатели, — Андрей Дмитриевич был обязан Елене Георгиевне Боннэр.

Удивительно различны жизненные пути этих двух людей.

С молодых лет Люся Боннэр находилась в гуще жизни. Ей пришлось испытать немало горя: ее отец погиб в годы "великих чисток", мать провела 17 лет в тюрьмах и лагерях. Во время войны молодая медсестра Елена Боннэр видела бездну человеческих страданий, да и сама не раз заглянула в глаза смерти. Сострадание к людям, органическое чувство справедливости, редкая терпимость, открытость, непредвзятость — эти черты, в равной мере свойственные Елене Георгиевне и Андрею Дмитриевичу, стали основой их духовной и жизненной близости.

Елена Георгиевна — человек действий. Она спешит на помощь людям сейчас же, немедленно, без оглядок и оговорок. Ее энергия и энтузиазм увлекают многих, в том числе и Андрея Дмитриевича. Но он не просто увлечен стихией, — воплощать свои мысли в реальные дела полностью соответствует его цельной, гармонической натуре.

Невозможно перечислить все, что сделал Сахаров-правозащитник, начиная с ноября 1970 года, когда он вместе с В. Чалидзе и А. Твердохлебовым основал Комитет прав человека.

Сотни писем, обращений, заявлений, пресс-конференций, встречи с общественными и политическими деятелями, с журналистами. Сахаров требует провести амнистию политзаключенных, привлекает внимание мира к положению узников психиатрических больниц. Сахаров призывает отменить смертную казнь, пишет о свободе эмиграции. Сахаров защищает крымских татар и поволжских немцев, литовских католиков и евреев-отказников. Сахаров требует прекратить репрессии против польских рабочих, проявить гуманность к палестинским беженцам, к иранским курдам.

Сахаров пытался пройти в залы судов и выступить на процессах над правозащитниками — это было в Омске, в Вильнюсе, в Москве. Сахаров посещал политических ссыльных и молчаливо демонстрировал на Пушкинской площади в день Прав человека. Сахаров протестовал перед ливанским посольством против убийства израильских спортсменов на Мюнхенской олимпиаде. Видя, что его призывы не достигают цели, он объявлял голодовки...

Что бы ни делал Сахаров-правозащитник, он руководствовался одной мыслью, единой целью — помочь людям. Не обязательно единомышленникам, не обязательно людям известным. Кто только не обращался к Сахарову! И не было случая, чтобы Андрей Дмитриевич отказался помочь.

По этому поводу тоже будет высказано немало упреков: дескать, академик разменивается на мелочи, занят третьестепенными делами, уходит от фундаментальных проблем. Но в этом-то и весь Андрей Дмитриевич Сахаров, в этом его величие, ибо Сахаров-мыслитель неотделим от Сахарова-гуманиста. Проблемы человечества неотделимы для него от конкретного человека.

Сахаров менее всего пророк и идеолог. Но, желая того или нет, он создал новую мировую гуманистическую систему идей — Идеологию Прав Человека. И от того, насколько глубоко укоренится в мире эта идеология, зависит будущее цивилизации на нашей планете. ●

Эйтан Финкельштейн

Комментирует *Г. Бахтатов*

I.

Рисунки Т.Кофьян

Теоретическое вступление: край зеленых яблок. — Что изменилось за один год. — Констатация факта. — Прав был Владимир Ильич. — Лозунг, который не следовало понимать буквально. — Идеология серпа и молота. — Пример с бревном. — Уже и неловко вспомнить. — Искусство лавировать. — Многоликая Великая цель.

Маркс с детства любил парадоксы. Интересно, как понравился бы создателю исторического материализма этот перевертыш: экономика как функция политики?

Нас, живущих в XX веке, парадоксами не удивишь. Классический марксизм исходил из того, что основу общественного строя составляет производство. Уровень производства определяет все: государственное устройство, право, политику, идеологию. В этой жестокой и по-своему стройной системе социалистической революции отводилась роль сборщика спелых яблок. Яблок нового общественного строя, которые созрели при капитализме.

Конечно, сбор урожая всегда требует некоторых усилий (если угодно, насилия): яблоню, например, нужно трясти. Однако по самой своей природе эта операция не может быть ни трудной, ни длительной, ибо зрелым плодам свойственно падать.

В экономическом отношении Россия семнадцатого года была краем зеленых, очень зеленых яблок. Сошлюсь на авторитет В.И.Ленина. "Для социализма, — писал он в 1916 году, — созрели лишь передовые страны Запада и Северной Америки... Социализм осуществляют объединенными усилиями пролетарии не всех, а меньшинства стран, дошедших до ступени развития передового капитализма".

Что же изменилось за год? Понятно, не экономика страны. Изменилась политическая обстановка: неожиданно большевики получили возможность захватить власть. Быть может, некоторую роль в решении Ленина сыграло властолюбие. Несомненно,

однако что у него была идея. Смысл идеи был в том, чтобы сорвать зеленые яблоки и уже потом дать им созреть. Власть в руках пролетариата, партии, самого Ленина и призвана была создать предпосылки (своего рода оранжерею) для ускоренного созревания плодов.

Таким образом, Великая Октябрьская социалистическая революция была перевертышем. В самом этом определении нет ни хорошего, ни худого, — это лишь констатация факта. Думаю даже, что исходную позицию В.И.Ленина следует признать разумной, а доводы его критиков — несостоятельными.

С тех пор как я заинтересовался этим вопросом (а случилось это лет сорок назад), я бесчисленное множество раз слышал рассуждения о том, что плоды Великого Октября потому и оказались горькими, что не созрели. Вот если бы все делалось "по науке", если бы революция совершилась в экономически развитой стране, тогда...

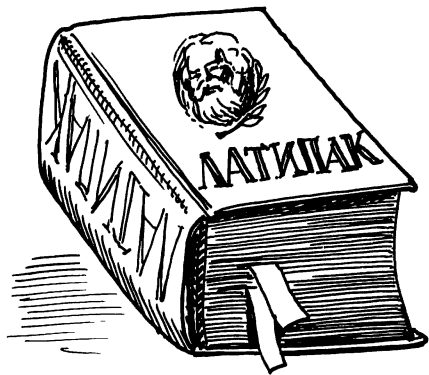
На это много чего можно возразить. Например, что прошедшие семьдесят лет были годами весьма бурного экономического роста, но ни в одной развитой стране социалистической революции почему-то не произошло.

Но главное даже не это. Главное, что уровень производства не есть что-то застывшее, раз навсегда определившееся. Производство развивается, причем темпы и качество его развития зависят прежде всего от совершенства экономического механизма. Хороший механизм и отсталую страну быстро сделает передовой (как некогда произошло с Японией), плохой — и передовую со временем выведет в отсталые. Так что Владимир Ильич был прав. Либо социалистический механизм хозяйствования окажется эффектив-

ным — тогда разрыв удастся быстро преодолеть; либо нет — и тогда никакой исходный уровень не поможет. Строго говоря, в передовой стране возможности количественного роста почти исчерпаны, и развитие идет преимущественно за счет перемен качественных, то есть куда более тонких и сложных.

Итак, экономика как функция политики. Но почему политики, а не идеологии? Откуда вообще могла взяться политика у небольшой группы эмигрантов, разбросанных по всему свету — от Швейцарии до Швеции и от Франции до Соединенных Штатов — и занятых не столько проблемами революции, сколько внутренними распрями? Зато идеология у них действительно была. Она и разъединяла их, и объединяла, помогая держаться в том чужом и враждебном мире, где люди жили чем угодно, но только не идеями коммунизма.

И вдруг — революция! Уникальное стечение обстоятельств позволило эмигрантам вернуться в Россию и, что совсем уже невероятно, стать хозяевами страны. Но знали ли они, что с этой страной делать, как вывести ее на путь социализма? Иначе говоря была ли у них разработана экономическая политика? Нет, конечно.

Все, чем они располагали, — была идея, а вернее, нечто весьма расплывчатое и неопределенное: пестрая мозаика светлого будущего, составленная из высказываний классиков — случайных, отрывочных, противоречивых. Классиков, в сущности, интересовала цель, а не средства. Предполагалось, что развитие производительных сил подведет человечество к самому порогу социализма. Останется — войти.

Строгий и дотошный анализ позволяет отыскать у Маркса и Энгельса всего два основополагающих принципа будущей социалистической экономики: общественную (государственную) собственность на средства труда и распределение продуктов потребления между производителями в соответствии с затраченным временем. Не слишком много, да и не слишком конкретно, не правда ли?

Разумеется, эти идеологические принципы полагалось немедленно провести в жизнь. Однако лозунг, с которым большевики шли к власти, звучал иначе: "Землю — крестьянам, заводы и фабрики — рабочим". Не станем придирается к тому, что первая часть лозунга заимствована у эсеров, — это не так уж важно. Гораздо важнее, что лозунг, чрезвычайно удобный и выгодный политически, явно противоречил идеологии: земля, как и все прочие средства производства, должна была, по Марксу, сразу же перейти в общественную (государственную) собственность. Похоже, что замещение идеологии политикой началось еще до революции.

Впрочем, у этого чужого и чуждого лозунга было то достоинство, что он имел реальный экономический смысл: землю помещиков можно было поделить и раздать крестьянам. Поделить заводы и фабрики между рабочими было никак невозможно. Значит, вторую часть лозунга не следовало понимать буквально. Речь шла, видимо, о рабочем самоуправлении, рабочем контроле и иных формах коллективного руководства.

Надо полагать, какое-то (очень короткое) время сам Владимир Ильич верил, что каждая кухарка сможет управлять государством, а токари и слесари, сообща — заводами и фабриками. Очень скоро, однако, от этой идеологической установки пришлось отказаться. Ее заменила другая: да, специалисты, "господа интеллигенты, сохранившие капиталистические замашки", пока нужны, но они будут работать под таким "универсальным, всеобщим, всенародным" контролем, от которого никак нельзя будет уклониться. Что касается самих рабочих, то для них "необходимость" соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой. И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе".

Согласимся, с первой задачей — контроль за "господами интеллигентами" — победители справились успешно. Кто именно осуществлял этот контроль и какими методами — вопрос особый. Факт, что весьма значительная часть специалистов (и военных, и гражданских) добросовестно выполняла свои служебные обязанности. Это обстоятельство во многом определило сначала победу большевиков в гражданской войне, а затем и восстановление хозяйства.

Нет, основной удар по идеологии нанесли не интеллигенты и даже не капиталисты. Это сделали трудящиеся: крестьяне и, что особенно прискорбно, рабочие. Те самые рабочие, которым надлежало "осуществлять контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных хранителей традиций капитализма". Беда не в том, что рабочие плохо контролировали (с этим отлично справлялась ЧК); гораздо хуже, что они сами не желали работать.

Ильич их призывал, совестил, стыдил, честил последними словами. Даже личный пример показывал — с бревном. Не помогало. Национализация заводов и фабрик, постепенное упразднение денег, продразверстка (Ленин определил ее как "непосредственно коммунистический подход к задачам строительства в городе") — все эти идеологически безупречные меры почему-то привели совсем не к тем результатам.

Голод, всеобщее разорение, закрытие предприятий, катастрофическое падение производительности труда, крестьянские восстания, мятеж в Кронштадте... Короче, именно в тот период (1917–1921 гг.), когда коммунистический эксперимент производился в наиболее чистом виде, беспомощность Великого Учения, его

полнейшая оторванность от жизни проявилась с особенной, прямо-таки исторической наглядностью. Однако в те же годы проявилась и живучесть большевизма: его способность лавировать, приспосабливаться, жертвовать догмами во имя вполне конкретных политических целей.

Конечно, процесс вытеснения идеологии политикой не был ни простым, ни легким. С непривычки любое отступление от принципов вызывало сомнения и споры. Даже такой дальновидный и трезвый человек, как Ленин, долго не желал мириться с фактами. Практика противоречила идеологии — это он видел. Но виновата в этом была, разумеется, не идеология, а те, кто проводили ее в жизнь: партийные бюрократы, малоопытные наркомы, гнилые интеллигенты, зараженные мелкобуржуазным духом крестьяне, несознательные рабочие...

Сейчас уже и неловко вспоминать, что идею нэпа впервые выдвинул Л.Троцкий. Уже в самом начале 1920 года он предложил отменить военный коммунизм, легализовать частную торговлю, отказаться от продразверстки. (Об этом можно прочесть, в частности в книге Л.Фишера "Ленин") Владимир Ильич с гневом отверг это предложение, назвав идею свободной торговли "преступлением". Но и после того, как сам он весной 1921 года понял, что иного выхода нет, вождь несколько месяцев тянул: все надеялся, что как-нибудь обойдется. Лишь в октябре нарастающая волна крестьянских восстаний вынудила его уступить.

Однако именно Ленин оставил своим наследникам замечательные образцы лавирования. Лозунг мира без аннексий и контрибуций — и Брестский мир. Союз с левыми эсерами — и их уничтожение. Призывы к ликвидации враждебных классов — и мобилизация в Красную армию царских генералов. Многолетняя война с крестьянством — и нэп. Собственно, сам вождь и не скрывал этого основного принципа своей политики: "Мы научились... необходимому в революции искусству — гибкости, умению быстро и резко менять свою тактику... выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным".

Понятно, что речь шла о Великой цели. Беда, в том, что сама эта цель менялась: от торжества коммунизма во всем мире — до сохранения власти класса, партии, вождя в одной, отдельно взятой стране. Последняя цель постепенно подчинила себе все. В том числе, разумеется, и экономику.

II.

Расстановка сил. — Пусть скромные, но руководящие. — Азбука классовой борьбы. — Даже и помыслить не мог. — Об убийствах докладывать в Политбюро. — В 99 случаях из 100. — Момент помазания благодати. — Закономерность. — Кто знает, о чем бы я писал сейчас.

Гражданская война длилась три года и окончилась полной победой большевиков. А уже через год стало очевидно, что "на экономическом фронте, с попыткой перейти к коммунизму" победители потерпели сокрушительное поражение. Прежде всего, идеологическое. Система, которой надлежало открыть невиданный простор развитию производственных сил, привела к их невиданному развалу. Надо было отступать, перестраиваться, заменять идеологические абстракции реальной политикой.

Нам, воспитанным на экономическом детерминизме Маркса и хорошо знающим конечный результат, трудно отрешиться от представления, будто сформировавшаяся в Советском Союзе система хозяйствования не имела альтернатив, и следствием Октябрьской революции могла быть только та же экономическая модель.

Но коль скоро экономика все равно строилась не на идеологии, а на политике, то Ленин и его последователи объективно отнюдь не были прикованы к одному единственному "варианту". Гитлер и Муссолини тоже были диктаторами и вождями своих партий, однако экономические модели национал-социализма и фашизма существенно отличались от советской. Все, очевидно, определялось политикой, которая в свою очередь зависела от конкретных условий борьбы или, как говаривал Ильич, "от расстановки сил".

Среди вождей революции были разные люди: образованные и не очень. Но среди тех, кто примкнул к революции по дороге и кого ее волна вынесла на командные посты в армии, в бесчисленных ревкомах и ревтрибуналах, в местных ЧК и продотрядах, почти не было людей образованных, имевших конкретную специальность или опыт хозяйственной деятельности. Зато они умели командовать и знали вкус власти. Вкус не к привилегиям и материальным выгодам, которые дает эта власть (это придет потом), а к самой власти — возможности почти бесконтрольно принимать решения, распоряжаться жизнью других людей.

Весь этот средний командный состав революции надо было устроить в мирной жизни, найти им пусть скромные, но руководящие посты. И потому, что они

завоевали это право. И потому, что они (а может быть, только они) составляли опору власти. Обеспечить эту огромную массу людей командными должностями могла лишь экономика. Разумеется, государственная.

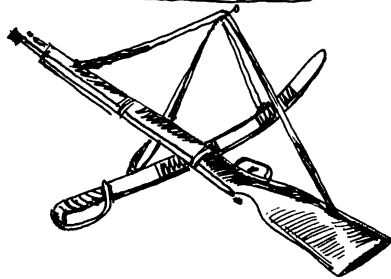
Уже по одной этой причине сферу деятельности свободного предпринимательства необходимо было ограничить. Но не только поэтому. Владимиру Ильичу и его соратникам, воспитанным на азбуке классовой борьбы, постоянно мерещились ужасы контрреволюции. К примеру, в крестьянах они видели не людей, тяжким трудом обрабатывавших землю и мечтавших лишь о том, чтобы прокормить семью, а стихию, грозящую захлестнуть утлое суденышко власти. С момента введения нэпа эта боязнь еще усилилась.

Идеология себя не оправдала; ни строить, ни давать новая власть не умела. Она умела лишь брать. Кому и зачем нужна была эта власть?

Но другой возможности предотвратить экономическую катастрофу (а значит, и сохранить власть) не было. Лишь нэп мог вытянуть страну из трясины, в которую завел ее военный коммунизм. Ну, а раз нэп был неизбежен, надлежало выделить ему некоторую площадку и обеспечить минимум условий, чтобы он смог выполнять свои задачи: накормить страну, дать средства для подъема тяжелой промышленности.

Нэп, предупредил Ленин, "это проверка соревнования государственных и капиталистических предприятий". Кажется, о каком соревновании могла идти речь, если в руках у одной из сторон все козыри: власть, законы, государственные финансы, основные средства производства. А что у другой? Всего лишь старый, заржавленный, списанный за непригодностью еще Марксом и Энгельсом механизм свободного рынка.

Но Ленин был совсем не так наивен, каким хотел иногда казаться. Он трезво оценивал силу свободного рынка. Силу, основанную на экономических, то есть естественных, изначальных отношениях между людьми. И от иллюзий касательно руководящих талантов "каждой кухарки" он давно излечился. Самый темный крестьянин, самый тупой нэпман знал свое дело. Про советских руководителей этого никак нельзя было сказать. Главное тут было не в личных качествах, а в системе. Благополучие крестьянина или нэпмана прямо зависело от результатов его деятельности; положение советского хозяйственника определялось его преданностью власти и множеством иных фактов, среди которых умение работать играло подчиненную роль.

Сам Владимир Ильич, регулярно метавший громы и молнии по адресу всего аппарата — от собственного секретаря до наркомов — даже и помыслить не мог о замене их специалистами. Разумеется, специалистов тоже использовали: без них аппарат просто не смог бы функционировать. Но права "спецов" (в том числе самые обычные, гражданские) были урезаны до предела, каждая их рекомендация вызывала недоверие, их презирали и ненавидели.

Когда инженер московского водопровода В.Ольденборгер, затравленный партийными коллегами, покончил с собой, Ленин вынужден был вмешаться. Характерен текст распоряжения: "Обо всех случаях убийства инженеров (и спецов) на советских предприятиях докладывать в Политбюро".

Впрочем, специалисты сами по себе мало интересовали Ильича: они ничего не решали. Решали другие. "У нас сплошь и рядом, — элегически замечает он, — во главе учреждения ставится коммунист — человек заве-

домо добросовестный, испытанный в борьбе за коммунизм, прошедший тюрьму, но такой, который торговать не умеет, и по этому случаю он поставлен во главе гостреста." Или еще категоричнее: "Надо сознать и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны сейчас учиться".

В рассуждениях вождя больше всего поражает сочетание трезвой оценки с простодушием. Для тех, кого Ленин призывал учиться, главным содержанием жизни была власть. Умением захватить ее и даже удержат они владели неплохо, хотя и тут были готовы учиться еще и еще. А вот учиться умению строить, торговать, хозяйствовать, учиться у побежденных ими капиталистов, купцов, приказчиков... Да во имя чего? Во имя какого-то абстрактного народного хозяйства, враждебных крестьян, несознательных рабочих, презренных "господ интеллигентов"? Нелепо. К тому времени победители вполне усвоили, что их положение (а значит, власть и скромные пока привилегии) зависят от чего угодно, но только не от экономического положения страны.

Уже в этот, начальный, период проявилось то поразительное свойство советской системы управления, которое со временем станет определяющим. Свойство это настолько важно, что я позволю себе процитировать довольно большой отрывок из выступления Троцкого — не изгнанника, а второго тогда человека в государстве. "Основой успехов в мирное время является специализация. Специализация, которая состоит из обучения деталям и мелочам определенной профессии... Это есть основа всего!.. Каждый хозяйственный вопрос сложен. Но сплошь и рядом считается, что если этот сложный вопрос внести в Губком или в Оргбюро, или в Политбюро, он сразу станет простым. Считается, что тот самый хозяйственник, который не справился со своей хозяйственной работой, когда заведовал Губсовнархозом, в случае его назначения секретарем Губкома получает помазание благодати... В результате такого отношения к хозяйственным вопросам Губком становится недифференцированным, нерасчленным, неспециализированным аппаратом, вечно спешащим, торопливым советским аппаратом... Более упрямый, более твердый работник на своем посту знает, что Губком этот практический вопрос перерешит, и — у него опускаются руки."

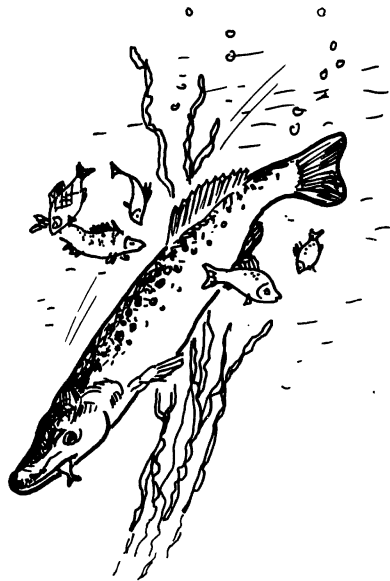
Надо ли удивляться, что очень скоро стало ясно: всемогущая государственная машина не выдерживает соревнования с бедным, притесняемым, ограниченным в правах частником. "Мы хозяйствовать не умеем, — констатировал Ленин. — Это за год доказано." Конечно, вождя это беспокоит. Но сильнее, неизмеримо сильнее беспокоит его усиление позиций свободного рынка: "Теперь я перейду к вопросу об остановке отступления... Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно!"

И все-таки, как ни странно, итоги соревнования между двумя системами не были для государства убийственными. Если сельское хозяйство приблизилось к довоенному уровню производства в 1925 году, то промышленность достигла аналогичных результатов всего двумя годами позже. Достаточно быстро росла и реальная заработная плата рабочих: правда, в 1923 — 1924 гг. она составляла лишь 69,1% от уровня 1913 года, но уже в 1926—1927 гг. — 108,4%, при этом рабочий день сократился до 7,5 часов.

Любителям схем эти итоги могут показаться неожиданными. Между тем все тут закономерно. Во-первых, самый термин "соревнование" условен, ибо сферы действия частного и государственного сектора практически не пересекались. Сельское хозяйство было почти исключительно крестьянским (совхозы и колхозы, вместе взятые, дали в 1927 году менее 2% общей зерновой продукции и обработали менее 1% всей посевной площади); тяжелая промышленность полностью принадлежала государству. Так что "конкуренция" распространялась лишь на мелкий кустарный промысел и розничную торговлю.

Вторая причина глубже и сложнее. В мире, где одни хромые, хромота не заметна. Но стоит появиться в компании здоровому человеку, как изъян сразу же бросится в глаза. Любое частное предприятие вынуждено жить по естественным экономическим законам, — иначе оно обанкротится, перестанет существовать. Нельзя, например, представить себе хозяина, который руководствовался бы не соображениями конкретной выгоды, а какими-то абстрактными показателями, сочиненными кем-то другим. Скажем, держал бы на предприятии лишних людей — потому что это благоприятно отразится на фонде зарплаты; не использовал полезное изобретение — из боязни увеличить план; расходовал средства на покупку заведомо ненужного оборудования — под угрозой уменьшения ассигнований на будущий год... Вообще экономика реального социалистического абсурда возможна лишь в условиях политического вакуума, то есть при отсутствии внутри системы какого-либо инородного материала, допускающего сопоставление. В этом (и только в этом) смысле левые теоретики Пятаков и Преображенский были правы, утверждая, что одновременное существование государственного и частного сектора невозможно.

Однако в начале 20-х годов социалистической системы хозяйствования еще не существовало. В тот период казалось само собой разумеющимся, что в своей деятельности государственные предприятия должны исходить в общем из тех же принципов, что и частные. Иначе говоря, руководствоваться по преимуществу критериями экономическими. На этой почве и были созданы гостресты — предприятия, "свободные от прямого государственного контроля и управлявшиеся на независимой коммерческой основе."

Как и все советские учреждения, тресты были весьма далеки от идеала. Но построенные на здоровой основе, они постепенно становились на ноги. Лишние люди отсеивались; неопытные руководители либо приобретали опыт, либо уходили; полезные изобретения внедрялись — действовал простой, но эффективный механизм всеобщей личной заинтересованности. И кто знает, о чем я писал бы сейчас, если бы в стране сохранилась смешанная экономика. Увы.

III.

Операция КИ и другие злоключения отечественной экономики. — В силу примера. — Консолидация. — Тем и отличается. — Шершавым языком плаката. — Наступление. — Нет таких крепостей, и нет таких законов. — Фундамент политической экономики. — Будем объективны.

Леонард Шапиро, автор капитального труда "Коммунистическая партия Советского Союза", называет период 1929—1934 гг. новой социальной революцией. Слово "революция" призвано, очевидно, подчеркнуть неожиданность и крутизну перемен, отказ от эволюционного пути нэпа и возвращение к методам гражданской войны.

Если это и верно, то лишь применительно к политике. В экономике перестройка началась гораздо раньше и всегда шла в одном направлении. Сталинская операция КИ (коллективизация и индустриализация), думается мне, ничего не изменила, она лишь ускорила процесс и довела его до логического конца.

Что лежало в основе этого процесса? Во-первых, конечно, страх, несколько даже мистический ужас перед крестьянством — этой мелкобуржуазной стихией, которая, как известно, рождает капитализм ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. Во-вторых, объявив публично, что социалистический сектор экономики постепенно вытеснит частный "просто в силу своего примера: большей эффективности и лучших результатов", Ленин и его наследники в глубине души опасались, что эффект будет прямо противоположным — и как раз в силу примера.

Однако оба эти соображения, при всей их весомости, никак не исчерпывают проблемы. Третьей и, может быть, основной причиной было стремление к **к о н с о л и з а ц и и** (или "консолидации", не знаю, как выразиться) то есть к построению идеального конуса власти, характерного для тоталитарного режима.

Неверно думать, что тенденция эта шла только сверху. Нет, она проявлялась во всех эшелонах власти. Октябрьская революция тем и отличалась от других революций, что во главе ее стояла партия, добивавшаяся **а б с о л ю т н о й** власти и сама построенная по принципу строжайшей **и е р а р х и и**. Победа партии лишь усилила эту иерархическую систему. Владимир Ильич, например, не только отечески журил своих помощников, но и запросто отправлял их под арест, и никого это не удивляло. Самый мелкий партчиновник был готов рабски исполнять любые указания "партии" (а конкретно: вышестоящих товарищей) при условии, что такая же абсолютная власть будет дана ему над нижестоящими. Нет необходимости объяснять, что в последнюю категорию автоматически зачислялись все беспартийные.

Любопытно, что Маяковский, раз и навсегда наступивший на горло собственной песне, однажды все-таки не выдержал. Для его партпомпадура беспартийная масса — шлюта, и "кажется ему, что навсегда дано ему над нами владеть и княжить".

Существование крестьянских хозяйств, частной промышленности и торговли, вообще любых форм частной, независимой от государства, деятельности, — противоречило идее абсолютной власти партии. Но с тех же позиций представлялось недопустимым и существование независимых гострестов, руководствующихся соображениями коммерции. Всем в стране — и людям, и предприятиям — надлежало руководствоваться только одним: указаниями вышестоящих партийных инстанций, а в идеале — вождя. В логическом завершении этого принципа и состоит, собственно, смысл "новой социальной революции".

Подготовка к ней началась давно. "Отступление" прекратилось еще при Ленине, началось наступление. Если в 1923—1924 гг. доля частного сектора в промышленности составляла одну треть, то через три года она сократилась до одной пятой, а затем стала уменьшаться еще стремительней. Частный сектор в торговле, который в 1923—1924 гг. выполнял свыше половины всего объема операций, сократился и того быстрее и к 1931 г. был практически ликвидирован. Не вытеснен, а именно **ли к в и д и р о в а н** — с помощью судов, законодательных мер, милиции.

И наступление на крестьянство началось раньше. Уже в 1927 году, на XV съезде партии, было решено повысить налоги на зажиточных крестьян, ограничить аренду земли, расширить власть местных советов. В апреле 1928 г., на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, прозвучал последний звонок: пленуму был представлен для обсуждения проект закона о земле. В проекте предлагалось лишить крестьян права неограниченного пользования землей, которую они обрабатывали, сохранив эту привилегию лишь за теми, кто вступит в колхоз.

Параллельно шло наступление на гостресты. Из года в год их права урезались, самостоятельность ограничивалась, они становились лишь звеном в общей цепи государственного управления экономикой. В начале 30-х гг. решено было их вообще ликвидировать: самое название звучало для властей крамольно.

Последствия сталинского "большого скачка" известны: голод, невыполнение первого пятилетнего плана, террор. Однако западные исследователи (например, тот же Л. Шапиро) признают, что "в течение десятилетия, охватывающего две пятилетки — с 1929 по 1937 год, — Советский Союз набрал поразительный темп промышленного развития" (действительно, к 1937 г. общий объем производства вырос по сравнению с 1928 г. в четыре раза). Правда, Леонард Шапиро оговаривается, что "если принять во внимание разруху, вызванную чрезмерно

быстрой индустриализацией и коллективизацией, то не будет слишком поспешным заключение, что та же степень развития промышленности могла быть достигнута к 1941 г. и без драконовских мер".

Думаю, автор глубоко заблуждается. Достичь этой же степени развития промышленности иными средствами было невозможно — ни к сорок первому, ни к любому другому году. Я понимаю, что автор имеет в виду количественные показатели, но еще Маркс учил нас, что эпохи различаются не тем, что производится, (и не тем, сколько, — добавим мы от себя), а тем, как производится, какими средствами (и методами) труда.

Суть новых методов труда — и это действительно было революцией — заключалась в полном отказе от экономического подхода к производству, в превращении экономики в прямую функцию политики. Академик Г.Струмилин (выполнявший в экономической науке те же функции сталинского рупора, что и Лысенко в биологии) выразил эту мысль весьма красочно: "Наша задача не изучать экономику, а менять ее. Мы не связаны никакими законами. Нет таких крепостей, которых не могут взять большевики. Вопрос темпов — дело решения людей".

Мотив знакомый: покорение природы, покорение экономики. И результаты знакомые — ибо законы имеют прискорбное свойство мстить за себя. "Поразительный темп" был достигнут ценой отказа от экономических критериев. Конкретно, ценой

перехода с интенсивного пути развития на экстенсивный. Катастрофического снижения качества продукции. Расхищения природных ресурсов. Работы людей, оборудования, инструмента на износ. Резкого замедления темпов технического прогресса. Полнейшего пренебрежения производством предметов потребления, строительством жилья, сферой бытового обслуживания и множеством других вещей.

Именно тогда (а отнюдь не в начале семидесятых годов) был заложен фундамент политической экономики — экономики расточительной, малоподвижной, неэффективной. Если кто сочтет эту цену не слишком высокой — пускай его. Считает ли так Михаил Сергеевич Горбачев, которому предстоит всю эту кашу расхлебывать. Не думаю.

Нужно отдать справедливость покойному вождю и учителю: он загнал экономику богатейшей страны в тупик. В такой глухой, такой безнадежный тупик, что ни одному из его преемников (а некоторые из них старались) до сих пор не удалось ее оттуда вытянуть. "У меня нет готовых рецептов", — чистосердечно признался Ю.В.Андропов. Будем объективны: их нет не только у него.

IV.

Основное противоречие нашей эпохи. — В некотором смысле великий человек. — Кому что положено. — Разговор с высоким собеседником. — Может быть, теперь наоборот? — Пустое занятие. — Только бы партия не сворачивала. — Нечто об аксиомах. — В таких делах я материалист.

Мы не знаем, какая комбинация фигур на шахматной доске власти возвела на вершину Михаила Горбачева. Но в конце концов это теперь не так уж и важно. Главное то, что определенные партийно-государственные круги сделали ставку на человека,

которого (основательно или нет — покажет время) считали реформатором. Это значило, что перемены действительно назрели, что политическая экономика в ее нынешнем виде перестает удовлетворять даже тех, в чьих интересах она была создана. Конечно, перемены опасны. Однако с некоторых пор, кажется, стало еще опаснее ничего не менять.

Дело не только в том, что на американскую программу "звездных войн", (довольно дурацкий термин) советской системе нечем ответить. Похоже, что и внутри страны происходят скрытые от глаз, но грозные процессы. Характерно, что о резком обострении социальных проблем говорили на съезде как раз деятели, наиболее близкие к генеральному секретарю, — Е.К.Лигачев и Б.Н.Ельцин.

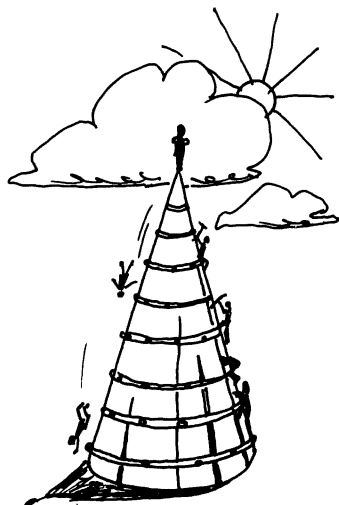
Но коль скоро необходимость перемен очевидна, что мешает их осуществить? Если политика завела экономику в тупик, то она, наверно, может ее из этого тупика и вывести. И тут мы сталкиваемся с удивительным противоречием. Те самые люди, которые, безусловно, заинтересованы в экономической мощи государства, ибо могли бы сказать о себе словами Людовика XIV: "Государство — это я", всеми силами противятся переменам. Почему? Потому что панически боятся: перестройка затронет их социальный статус тот самый статус, который позволяет им отождествлять себя с государством.

Надо признать, что покойный Иосиф Виссарионович в некотором смысле был действительно великий человек. Мало того, что он построил идеально правильный конус власти. Он еще и скрепил его от основания до вершины стальными кольцами прав и привилегий, своих — для каждого уровня.

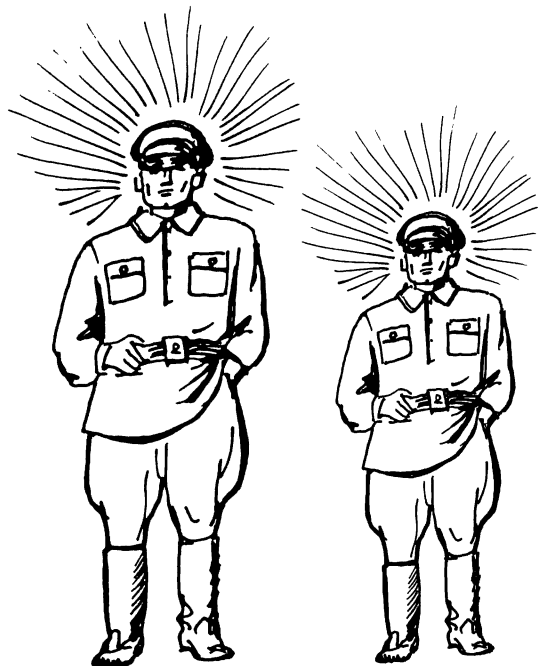
Иностранцы часто удивляются: чего это какой-нибудь замзав так держится за свое место и за всю систему в целом, ведь дает она ему не так уж много — меньше, чем имеет на Западе хороший врач или преуспевающий адвокат. Может, это и верно. Сила системы, однако, не в том, что функционер имеет много благ, а в том, что он имеет блага, которых у других нет и быть не должно, ибо им не положено.

Говорят, что в Советском Союзе отсутствует конкуренция. Неправда. Даже на сравнительно низких ступенях партийно-государственной лестницы конкуренция острейшая. Каждая следующая ступенька добывается ценой огромного напряжения сил, бесчисленных унижений, постоянного самоограничения. И естественно (увы, естественно), что человек держится и за лестницу, и за эту ступеньку, и за все, что отличает его положение от положения других. Нет, он совсем не консерватор, он сознает необходимость перемен и даже готов чем-то поступиться. Но только не правами и привилегиями, которые выделяют его среди других.

В шестьдесят шестом году, вскоре после начала известной косыгинской реформы, я случайно попал в один московский дом. Хозяева ходили в либералах (это тогда было модно), но охотно поддерживали связи на высоком уровне. Особенно гордились они дружбой с неким Н. Этот Н. считался блестящим специалистом, восходящей звездой в той таинственной сфере которая граничит сразу и с внешней политикой, и со шпионажем. По этой причине его известность опиралась не столько на собственные труды (работал он в полужакрытом институте), сколько на родственные связи. Все знали, что он приходится зятем некоему весьма высокопоставленному деятелю, чьи портреты-иконы исчезли только при Хрущеве.

Хозяева предупредили меня, что почетный гость речист, часто высказывает весьма смелые суждения, и попросили по возможности не спорить. Я обещал вести себя как следует.

Н. оказался человеком довольно молодым, но уже невероятно вальяжным. Он с удовольствием выпил, со смаком закусил и, удобно разместившись в персональном кресле, приступил к лекции. Лекция была посвящена реформе. Начал он спокойно, даже академически. Но через несколько минут его понесло. Он кинулся на реформу, как бык, бил ее рогами, топтал копытами. Особенно возмущала его предусмотренная реформой премия за результаты работы, так называемая тринадцатая зарплата.

— Она возрождает буржуазную страсть к накопительству! — заявил он. — А отсюда прямой путь к реставрации всей системы капиталистических производственных отношений...

Хозяева, которые совсем недавно ругали Косыгина и его проект как раз за недостаточную смелость, были смущены. Кто-то из гостей пробовал возразить:

- Но ведь это должно привести к росту производительности труда...
- Только не такой ценой, — отрезал гость.
- Простите, — сказал я. — Насколько я знаю, размер годовой премии никак не превышает месячного заработка. А средний месячный заработок рабочего 120 рублей. Значит, в пересчете на месяц, прибавка составит десять рублей. Именно эта несчастная десятка и вызовет бурный рост буржуазных страстей?
- Дело не в сумме. Дело в принципе.
- Простите, а сколько вы получаете?
- Ну... — Он колебался всего секунду. — Допустим, рублей пятьсот.
- А сколько у вас в квартире комнат?
- Точно не помню. Шесть или семь.
- И это не порождает страсть к накопительству, не угрожает реставрацией?
- Почему же?
- Во-первых, потому, что это справедливо: мы живем при социализме. Во-вторых, предрасположенности к буржуазному образу жизни, к этому самому накопительству у меня нет, а у рабочих, это я знаю точно, есть.
- А вы не допускаете, что эта страсть в какой-то мере обусловлена размерами зарплаты рабочего и тем, что квартира у него, э... поменьше?
- Конечно, нет!
- Пьем чай, — прервала спор хозяйка.

Вы скажете, что это было давно и неправда. Да, давно (хоть и правда). Но характерно, что Михаил Сергеевич, как щенков расшвырявший начальственных особ, крайне осторожен во всем, что касается сути перестройки, прав и привилегий должностных лиц.

Да, реформа необходима; да, в коренной перестройке нуждаются все сферы жизни. Но в чем же все-таки должна состоять эта перестройка? И почему начинать ее следует с психологии? До сих пор считалось, что бытие определяет сознание. Может быть, теперь все наоборот?

А кто должен проводить в жизнь перемены, внедрять новый стиль? Оказывается, партийные органы. Это, видимо, надо понимать так, что с некоторых пор партийные вожди разного ранга и сами перестанут вмешиваться в дела предприятий и учреждений, и другим закажут. Но с чего бы это вдруг? Что же будет делать тогда со своей властью этот огромный, всеохватывающий аппарат? И за какие заслуги ему будут положены льготы и привилегии?

Вопросов много, ответов на них нет. Похоже, и сам генеральный секретарь понимает, что ожидать от имущих власть добровольного от нее отказа — занятие сомнительное, а то и вовсе пустое. Не случайно значительная часть его апрельской речи в Тольятти посвящена тем, кто на словах поддерживает реформы, а на деле их саботирует, ожидая, что все войдет в старую колею... "Но ведь, товарищи, — наивничает генеральный секретарь, — старая колея куда ведет? Совсем не туда, куда призывают решения съезда".

Дошло уже до того, что высокий начальник апеллирует к массам. Оказывается, "рабочие и крестьяне, молодежь и ветераны, мужчины и женщины всей душой поддерживают решения съезда, приветствуют намечаемые меры". Мало того, они "в один голос требуют продолжать выработанный курс" и заявляют, "что они пойдут за партией, только бы партия не сворачивала с избранного пути".

То есть как, неужто это может случиться!? Еще задолго до нас один умный человек заметил, что аксиомы давно были бы отвергнуты, если бы они затрагивали чьи-то интересы. Перестройка советской экономики затрагивает интересы многих людей, целого сословия, и притом сословия, в руках которого сосредоточена вся полнота власти. Что для этих людей важнее: экономические аксиомы или их собственные интересы? Не знаю, как вы, а я в таких делах пошлый материалист. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

ПОВОРОТ РЫЧАГА —

И ПЫЛАЮТ ВОССТАНИЯ

Завтра в музее Революции открывается выставка Коминтерна. Пять зал будут насыщены боевым содержанием. Мировая работа Коминтерна "в разрезе современности".

Некоторые стены уже вышли из хаоса творчества. Ясен революционно-художественный умысел монтажного построения выставки. Каждый щит скомпонован так, чтобы со сгущенной и стройной силой дать образно изображение работы Коминтерна в отдельных странах, на отдельных конгрессах. Выделяется щит Второго конгресса. Ленин в движении, в порыве, говорящий, одухотворенный. Содержание щита с пламенно призывающим Лениным наверху, лозунгами, фотоснимками демонстраций спускается на земной шар красным клином, разрывающим опутывающие его цепи.

Конец выставки — карта: "Европа после войны". Электрические эффекты. Поворот рычага. Слева наверху огненная надпись: "Буржуазные революции", а по разным странам вспыхивают накренившиеся короны. Новый поворот рычага: пылает надпись: "Восстания". И в разных местах огневые язычки восстаний. "Основания Коминтерна" — огненно красные флажки во всех частях Европы с цифрами года основания. "Советские республики" — огненные серп и молот, красная звезда.

"Известия", 22 мая 1926 г.

ТРЕТИЙ — ЛИШНИЙ

"Слов из песни не выбросишь", — утверждает пословица.

Зря утверждает. Уж на что, казалось бы, "песня номер один" — Гимн Советского Союза, — а и то: слова ее менялись и переделывались. Потому как раньше в ней что-то такое про "великого Сталина" содержалось. А в последние годы вообще одна только музыка и осталась, без слов. А ведь автор их, помнится, — знаменитый Сергей Михалков, современный наш Лафонтен, создатель многочисленных басен и Гимна Советского Союза. За него, кстати, он и награждался дважды (помимо всех прочих наград, разумеется): за слова со Сталиным и за слова без Сталина. А теперь гимн почему-то молча исполняется. Обидно, небось, Михалкову, создателю этой самой главной своей басни.

Ну, гимн — он гимн и есть: со словами или без — все равно никто его не слушает. Зато в других песнях — что называется, "популярных" — даже самые незначительные изменения сразу заметны.

Недавно Центральное Телевидение предложило зрителям первой общесоюзной программы пятидесятиминутную передачу, посвященную песне композитора Баснера и поэта Матусовского "На безымянной высоте".

Дымилаь роща под горою,
И вместе с ней горел закат.
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят...

Песня моей юности, я хорошо ее помню. До сих пор она мне нравится. Среди огромного количества бездарных военных песен попадаются иногда удивительно лиричные — в основном, правда, военного времени. Но и эта ничего.

Подпеваю я, значит, телевизионному певцу и вдруг слышу, что он-то поет не "трое", а "двое"!

Постойте-постойте... Не может быть, я же прекрасно помню: "Нас оставалось только трое..." Трое, а не двое!

Да и вся передача какая-то странная. Песня ведь не сама по себе была написана: звучала она в фильме "Тишина", поставленном в 1964 году по одноименному роману Юрия Бондарева. В передаче об этом, конечно, сказали, но как-то вскользь, и можно было подумать, что фильм посвящен военной теме. А военного в нем — недавнее прошлое главного героя и эта песня. В остальном-то картина — как и роман — рассказывает о том, что теперь (правда, все реже и реже) называют "отдельными нарушениями, вызванными культом личности". А чаще всего — совсем уже никак не называют. Молчат, словно и не было ничего. Стесняются.

Вот и телевидение наше постеснялось. Тем более, что роман этот Бондарев еще в те времена написал, волонтаристские, отдал дань модному тогда поветрию. А нынче от того поветрия ничего не осталось, нынче ветры в другую сторону дуют. Фильм "Тишина", к примеру, давно уже с экранов снят. А вот песню из него — почему бы и не использовать? Она-то — о войне, не о "культе" а хороших военных песен у нас не так уж много...

Однако почему же все-таки — "двое"? Правда, показывает телевидение двух бывших солдат, отстоявших подобную безымянную высотку в 1943 году. Слушают они вместе с нами эту песню, вроде как про них написанную, на глазах у них слезы... Да оно и понятно: на таких высотках живых не оставалось. А если кто и выживал чудом, так те потом погибли: война была долгая, и это только в песне "смелого пуля боится". Как раз смелых в первую очередь очередь пули и настигали...

Так что слезы двух солдат-ветеранов вполне понятны. А вот изменение в песне — не очень. Напомню, что написана она была не о конкретных событиях, а к фильму, в котором война — всего лишь фон, к тому же не слишком обязательный. Но телевидение наше, в желании новый вариант песни затвердить окончательно, еще дальше пошло. Показали нам, как было объявлено ведущей передачу, "видеозапись 1967 года": песню

"На безымянной высоте" поет Иосиф Кобзон. Прибавил громкость, слушаю:

"Нас оставалось только двое..."

На следующий день я не поленился, съездил в библиотеку. И в сборнике Матусовского 1970 года ("Это было недавно, это было давно", издательство "Художественная литература"), и в нотном сборнике 1978 года ("Где же вы теперь, друзья-однополчане...", издательство "Советский композитор"), и в двухтомнике Матусовского 1982 года (Избранное в 2-х томах, издательство "Художественная литература"), всюду — "т р о е"! Как же умудрился Кобзон спеть "двое" еще в 1967 году? Тут уж, воля ваша, мистикой пахнет. Или мистификацией. Совсем недавно, в предновогодние дни, показывали Кобзона по телевидению (любит его наше телевизионное и всякое другое начальство, он у нас, по выражению Галича "россинант с аксельбантом"): пиджак на нем белый, рубашка красная и белый галстук — "бабочка" с полуметровым размахом крыльев. Ну, о вкусе кобзоновском рассуждать не берусь, вкус, как известно, — дело индивидуальное. Подивимся лучше постоянству кобзоновскому, не подверженному никаким колебаниям изменчивой моды. Кому, казалось бы, как не эстраднему певцу, чутко реагировать на ее прихоти? Ан нет! В так называемой "видеозаписи" предстает перед телезрителями Кобзон в той же униформе: неизменного покроя белый пиджак, красная рубашка, белая "бабочка". Даже рубашку — и ту за семнадцать лет не сменил! Да что рубашка!... Он и сам не изменился: такая же физиономия, круглая и блестящая, будто наманикюрная, животик... Ну, пусть не берут Кобзона годы, такой он, знаете ли, "вечный Иосиф". А костюм — тоже вечный?...

Странно. Зачем, спрашивается, понадобились все эти манипуляции? Песня, повторяю, написана была для фильма, история в ней — при всех внешне конкретных реалиях — абстрактная. Какая, поэтому, разница — двое или трое?...

Есть, оказывается, разница.

Телевизионная передача о песне "На безымянной высоте" должна была рассказать о солдатах, противостоявших фашизму на бесчисленных безымянных высотах. Конечно же она нуждалась в иллюстративном материале: конкретных человеческих судьбах. А с ними пришлось повозиться. Как я уже говорил, из таких людей с войны вернулись считанные единицы. А за последующие 40 лет и тех не осталось: кто от ран умер, кто от старости. И все-таки авторы передачи поставленную задачу выполнили. Выбились из сил, но разыскали... т р о и х ветеранов. Один из них совершил свой подвиг в 41-м, двое других (их-то и показывали по телевидению) — в 43-м. Тележурналистам, безусловно, повезло: все трое живы (хотя и не очень здоровы), и все трое защищали те самые "безымянные высоты"...

Все бы хорошо, за исключением одной незначительной детали: тот, кто защищал высоту в 41-м на подступах к Москве, подбил в том бою десяток танков и был удостоен звания Героя Советского Союза — он оказался е в р е м!

— Нет, — сказала телевизионное начальство авторам передачи, — в таком составе не пойдет. Вы это бросьте — сионистский шабаш на телевидении устраивать! Песню кто написал? Баснер Вениамин да Матусовский Михаил. А поет кто? Кобзон Иосиф. Ну, он-то наш, а все равно — кобзон. Да что, еще и герой этот — тоже из них, из кобзонов? Ни в коем случае! Есть же другие двое, фамилии вполне соответствующие, вот их и оставьте.

— Но в песне поется: "трое" — робко возразили авторы.

— Ну и что? Телевидение все может: было трое — станет двое!

И стало.

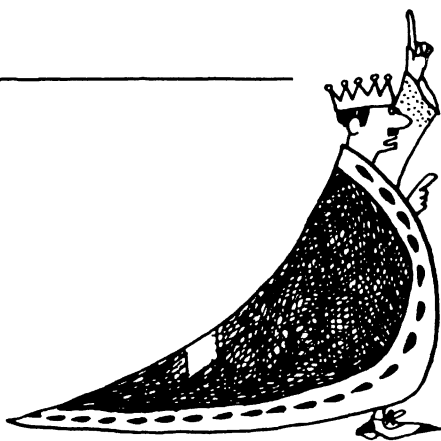
Хорошо еще, что поэта с композитором не убрали. Хотя, с другой стороны, роль у них мастеровая, подручная, — русских героев воспевать. К этому их допустить можно. Да и тому, "третьему", грех обижаться: как-никак — Герой Советского Союза, уважаемый человек... А в передачу — нельзя, и так соотношения все нарушены. Кобзон опять же... Нет, нельзя.

Такая вот история. Грустная, конечно, да что поделаешь: третий — он третий и есть. Лишний.●

Марк Дейч (Москва)

Лев АЛЬБУРТ (Нью-Йорк)

Л Ю Д И И Ш А Х М А Т Ы

1. Предыстория

В шахматы играют люди. Естественно поэтому, что в шахматном соревновании любого ранга (а в первенстве мира — особенно), кроме чисто шахматного сюжета, всегда присутствует сюжет человеческий: столкновение амбиций, характеров, темпераментов.

Гораздо труднее понять появление в шахматах политических мотивов. Все-таки шахматы — игра, и притом индивидуальная, даже в командных соревнованиях игра идет один на один. Тот факт, что, к примеру, кубинец Капабланка выиграл матч на первенство мира у немецкого еврея Ласкера, никак не свидетельствовал о преимуществе кубинского образа жизни над немецким. Равным образом и поражение Капабланки от Алехина означало лишь то, что один сильный шахматист уступил другому, еще более сильному.

Открытием политического смысла шахмат мы целиком обязаны Великому Октябрю. Этому способствовал ряд обстоятельств. Например, в шахматы играл В. И. Ленин — человек вообще не слишком спортивный. Страстным поклонником шахмат был Н. Крыленко — грозный нарком юстиции. Победы Михаила Ботвинника во второй половине тридцатых годов были для Сталина весьма кстати. Вкупе с полетами Чкалова, эпопеей "Челюскина", папанинцами они помогали ему заглушить эхо политических процессов и сформировать облик счастливой страны и ее мудрого вождя — лучшего друга летчиков, пионеров, мореходов, шахматистов.

Однако массовый выход советских шахматистов на международную арену совершился только после Второй мировой войны. СССР вошел в содружество Объединенных наций, советские спортсмены — в олимпийское движение, шахматисты — в международную шахматную организацию — ФИДЕ. Появилась возможность пропагандировать советский образ жизни уже не от случая к случаю, а глобально, так сказать, по всему фронту. Конечно, шахматы — сфера специфическая, локальная, но в идеологической борьбе нет мелочей. Шахматная федерация подчинена Спорткомитету СССР, комитет же входит в епархию сектора спорта отдела пропаганды ЦК КПСС.

Задачи советских шахматистов были определены четко. Во-первых, завоевать шахматный Олимп. Во-вторых, стать законодателями в ФИДЕ. Нет необходимости объяснять, что обе эти задачи были взаимосвязаны. Американский гроссмейстер Самуил Решевский, участник матч-турнира на первенство мира 1948 года и последующих турниров претендентов, деликатно заметил, что русские всегда играют как "одна команда". А как могло быть иначе, если на первой доске в этой команде всегда играют власти?

У экс-чемпиона мира Макса Эйве, когда он ехал на турнир в Москву, конфисковали в Бресте тетради с шахматными записями. Таможенники, видите ли, вообразили, что это шифр. По просьбе Михаила Ботвинника тетради потом вернули (Эйве был растроган и сердечно благодарил), но копии записей каким-то образом попали к советским гроссмейстерам. Власти провели свою партию в отличном стиле...

Казалось, все шло по плану. Чемпионский титул советские шахматисты завоевали, влияние их в шахматном мире стало весьма значительным, даже определяющим. И тем не менее было в системе слабое звено, деталь, которая внушала сомнения: облик чемпионов. Да, конечно, это были советские люди. И все-таки не то, типичное не то. Шахматному юноше, спрашивающему "делать жизнь с кого?", язык не поворачивался ответить четко и определенно: "Делай с Ботвинника, Талья, Петросяна, Спасского".

Ботвинник, хоть и основоположник, был Михаил Моисеевич, явный еврей. Таль, во внешности которого хитроумные корреспонденты обнаружили нечто индийское, тоже был, увы, еврей, к тому же человек несолидный, богема, анекдотчик. И Петросян не вполне свой, а для представительства за рубежом и вовсе малоподходящий: не речистый, прозаический, играет сухо, скучновато. Объявить, что именно таков советский шахматный стиль, было никак невозможно.

Люди, далекие от шахмат и политики, возлагали надежды на Спасского. И напрасно. Борис Васильевич в высшей степени независимый и смелый человек. Вот несколько фраз из его публичных выступлений. "У Кереса, как и у его родины Эстонии, — трагическая судьба". "Впрочем, и американский слесарь зарабатывает в десять раз больше советского". "Какому-нибудь мелкому чиновнику я отвечать не стану, а вам скажу..." (кстати, "мелкому чиновнику" относилось к персоне весьма именитой — заведующему сектором ЦК КПСС Бойкову).

Борис Спасский постоянно ходил по острию ножа и выручали его, по-видимому, лишь высокопоставленные поклонники, ценившие его талант и уважавшие его как человека. Кульминацией неподобающего поведения Спасского был его проигрыш на первенство мира Роберту Фишеру. Впрочем, главное — даже не сам проигрыш. Спасский не позволил включить в состав делегации спецов из КГБ и отказался, несмотря на приказы из Москвы, сорвать матч. Более того, он сделал все, чтобы судьба шахматной короны решилась за шахматной доской. Это был воистину матч века: играли не только величайшие шахматисты, но и крупные личности. Фишер победил и стал одиннадцатым чемпионом мира.

Взглянем на эту ситуацию с позиций Москвы. Как выразился один из номенклатурных товарищей: "Мы тратим на шахматы миллионы, а получаем чемпиона мира американца!" К тому же Фишер вовсе не был "тихим", аполитичным американцем. Он прямо говорил о советских махинациях в шахматах, начиная со сговора претендентов в Кюрасао. Публично рекомендовал Соединенным Штатам не давать Советскому Союзу в кредит американскую технику и зерно. А так как Фишер стал суперзвездой, его высказывания печатались на первых страницах газет, подрывая веру в мудрость и неизбежность детанта.

Фишеру необходимо было дать по рукам. И сделать это должен был не Ботвинник, Таль или Спасский, а действительно "наш" человек. Такой человек нашелся: спрос рождает предложение.

2. Карпов. Путь в номенклатуру

В начале 60-х годов Анатолий Карпов был всего лишь одним из многих талантливых молодых мастеров, соперничавших за место под шахматным солнцем: за стипендии, тренеров и, конечно, заграничные поездки. Не по годам рассудительный, он быстро понял, что путь наверх зависит не только от личных успехов в турнирах, но и от влиятельных покровителей.

Обстановка благоприятствовала его планам. В те годы партийное начальство делало ставку на молодых: "старики", разгромленные Фишером, уже не годились. Карпов, с его хорошей анкетой, солидный, основательный, надежный, был именно тем человеком,

на которого можно рассчитывать. Осознав это, он начал создавать себе облик примерно-го комсомольца-активиста: одевался в манере средней руки комсомольских вожakov — скромный костюмчик, светлая рубашка, галстук, выступал на собраниях, когда нужно, говорил то, что полагалась. Но главное, он изо всех сил налаживал полезные контакты.

В Ленинграде Карпов нашел себе тренера — "ходячую энциклопедию" Семена Фурмана; приобрел друга и наставника — умного и цепкого интригана Александра Баха, который более других способствовал появлению Карпова-чемпиона; наконец, нашел "партийную любовь" — секретаря райкома партии Анатолия Тупикина. Тупикин стал председателем шахматной федерации Ленинграда и ловко делал карьеру — в том числе и на Карпове. Но главным достижением Анатолия Карпова было знакомство, а потом и многолетняя дружба с могущественным партийным вельможей, в то время первым секретарем ЦК ВЛКСМ Евгением Тяжельниковым. Собственно, Тяжельников и сделал Карпова чемпионом мира. Помощь комсомольского вождя была многообразной, в частности, он предоставил Карпову независимость от федерации и Спорткомитета, а затем поставил его над этими организациями. Не сыграв ни единой партии за пределами СССР, Карпов получил право на матч с Фишером.

Анатолий Карпов всегда трезво оценивал свои возможности. Он знал, что не только выиграть у Фишера хотя бы одну-две партии, но и сделать с ним ничью почти невозможно. Единственный шанс состоял в том, чтобы сорвать матч. Был разработан целый репертуар трюков, которые должны были вывести из равновесия чувствительного и не привыкшего к таким методам американского чемпиона. Как говорил сам Карпов: "Этот матч нормально не закончится. Либо меня заберут в больницу (Анатолий весил тогда 48 кг и даже в конце московского матча с Корчным держался лишь на стимуляторах), либо его в сумасшедший дом".

В итоге СССР (и Карпов) получил желанный титул. Матч действительно кончился скандалом. Фишера возмутило, что ФИДЕ отвергло его предложение, чтобы при счете 9:9 в игравшемся до 10 побед матче чемпион сохранял свой титул. Дело тут было в принципе: Фишер требовал сохранения традиционной привилегии всех чемпионов. Федерация же явно поддерживала претендента. Интересно, что Карпов, став чемпионом, добился для себя значительно больших льгот.

Нужно отдать должное Карпову: королевский венец не вскружил ему голову. Он проанализировал ошибки предшественников и извлек из них надлежащие уроки. Например, чемпионы предпочитали турниры, которые можно было выигрывать без особых усилий и риска. Карпов заставил себя играть в турнирах сильных и нужных, так что его опыт и класс игры постоянно росли.

И все-таки Карпов — чемпион мира по шахматам — интересен не столько отводом своих слонов на исходные поля, сколько тем, что первым из шахматистов (а, возможно, и спортсменов вообще) сумел стать членом правящего класса, номенклатуры. Советские чемпионы мира по шахматам всегда были (по советским масштабам) людьми богатыми и привилегированными. Если следовать классификации профессора М. Восленского, они входили в категорию "декоративной знати" — вместе с космонавтами, знатными овцеводами, прима-балеринами, лауреатами сталинско-ленинских премий. Никакого реального влияния на общественную жизнь это сословие не имело и не должно было иметь. Власть и влияние чемпиона мира по шахматам никогда не выходили за пределы его области, да и там оставались далеко не безраздельными: председатель Спорткомитета СССР и его заместитель по шахматам оставались для чемпиона начальством. В разногласиях, если таковые возникали, последнее слово обычно оставалось за Спорткомитетом. Спорить же с заведующим сектором спорта ЦК было совершенно бессмысленно и даже опасно, ибо партия не ошибается.

Чемпион мира мог выпросить у великого покровителя, из ЦК или даже Политбюро, "Волгу" вне очереди или дачу, но если бы он рискнул заговорить о смещении зампреда Спорткомитета или желательности участия советских шахматистов в турнире

в Израиле, его мгновенно поставили бы на место. Используя свою исключительно благоприятную ситуацию — русский, коммунист, вернул шахматную корону в СССР — Карпов сумел преодолеть этот барьер и войти в число тех, кто назначает и смещает, принимает решения и распределяет блага, карает и милует. Из пешки в чужой игре он сам стал игроком.

Помогла еще одна счастливая случайность. Отслужив свой срок в ВЛКСМ, Евгений Тяжельников, друг и покровитель Карпова, стал заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС. Это крупный пост: всего одна ступенька вверх — и ты уже секретарь ЦК. Но для Карпова особенно важным было то, что Тяжельникову, среди прочего, подчинялся и сектор спорта. Естественно, что приятель Тяжельникова приобрел в глазах цеховских чиновников весьма ощутимый вес.

Для председателя Спорткомитета СССР (а им в те годы был бывший "румяный комсомольский вождь" Сергей Павлов) уже завсектором спорта ЦК был начальством. А тут друг "самого". Неудивительно, что и Павлов, и его заместитель Ивонин, курирующий шахматы, быстро оценили ситуацию. Шахматная федерация СССР, шахматные журналы, вообще советские шахматы стали сферой, где Карпов (а точнее, его люди — Рощаль, Батуринский) распоряжались практически бесконтрольно.

3. Поцелуй вождя

Прочно войдя в номенклатуру элиту, запасшись всеми ее внешними атрибутами (депутат, член ЦК ВЛКСМ, председатель Совета обществ дружбы) и вещественными благами (кремлевка, лимузин с шофером, Четвертое управление Минздрава), Анатолий Карпов, как и в шахматах, не почил на лаврах и не остановился на достигнутом. К этому времени его характер полностью сформировался: крайний цинизм, расчетливость, бездушие. Держаться на плаву ему помогало и отсутствие сильных природных страстей, кроме одной — любви и вкуса к власти.

Последовавшие в 1978 и 1981 годах матчи на первенство мира с Виктором Корчным еще больше укрепили его положение. Более того, открыли ему доступ в личное окружение Брежнева. В те годы впадающего в старческий маразм вождя не принято было обременять серьезными проблемами. И чем больше накапливалось таких проблем, тем меньше о них говорили. Но вождя надо было чем-то занять: отвлечь и развлечь, шахматы для этого подходили идеально. Леонид Ильич уважал спорт, а в матче Карпова с невозвращенцем Корчным отчетливо просвечивал классовый (и этнический) колорит: с одной стороны "наш хлопец", с другой — "изменник родины", нагло требующий освобождения семьи и осыпавший секретариат генсека издевательскими письмами.

По свидетельству очевидцев, маразматически-озабоченный Брежнев по несколько раз в день спрашивал: "Как там наш Толик?". Как-то раз я был в Центральном шахматном клубе, когда позвонил помощник генсека Цуканов — справиться о положении в отложенной четырнадцатой партии матча. Звонил и другой помощник Брежнева Александров-Агентов. В Спорткомитете, в приемной Павлова стоял шахматный столик, возле которого с утра до вечера дежурил кто-то из гроссмейстеров, так что Павлов всегда мог дать компетентную справку.

После победы, которая в буквальном смысле слова была победой не только Карпова, но и Советского Союза, посыпались высочайшие телеграммы, награды и лобзания вождя. Именно в ту пору Карпову удалось завязать личные связи с помощниками Брежнева. Имея огромное состояние, в том числе в валюте, постоянно бывая за границей, чемпион мог подарить детям начальства видеомагнитофон, жене — модное платье, самому — часы невиданного фасона. Конечно, все это можно было добывать и по другим каналам, но кругом враги, завистники, а Карпов человек свой, молчаливый, надежный.

Победа над Корчным в матче 1981 года в Мерано вознесла Карпова на вершину могущества. Лишь на дальнем горизонте маячило облачко — возможный соперник, 18-летний бакинец Гарри Каспаров. На очередной пресс-конференции предусмотрительный Карпов решил заранее обезвредить даже этого гипотетического соперника. На вопрос, кого чемпион считает наиболее вероятным противником в 1984 году, последовал лукавый ответ: "Нельзя забывать, что Корчной был участником всех турниров претендентов в течение последних двадцати лет..."

Дань запоздалого уважения только что разгромленному врагу и "изменнику родины"? Ничего подобного: предупредительный выпад против Каспарова. На прямой вопрос: "А как же Каспаров?" (по официальному рейтингу ФИДЕ Каспаров стал к тому времени вторым шахматистом мира), чемпион небрежно заметил: "Каспаров, конечно, один из сильнейших молодых шахматистов. Но (тут в голосе Карпова зазвучал металл) он зазнается, переоценивает себя, и это может ему серьезно повредить". На советском жаргоне такая характеристика означала, что Каспаров — всяческая бяка.

Как обычно, Карпов точно рассчитал момент для удара. В нормальных условиях редактор "Правды" или даже "Советского спорта" не пропустил бы подобную реплику. Но тут — победная пресс-конференция, обмен телеграммами с Л. И. Брежневым. Уже известно, что вручать чемпиону орден Ленина будет сам Ильич. В таких обстоятельствах Карпова нельзя было игнорировать.

А коль скоро слова эти появились в центральной прессе, ими следовало руководствоваться всем, кому надлежало. В частности, тем, кто работал с Гарри Каспаровым или подумывает об этом. Конечно, в то время Каспаров не представлял реальной угрозы и как будто не мог ею стать в обозримом будущем. Но специалист по "предупредительным мерам" понимал значение профилактики.

4. Каспаров. При дворе халифа

В отличие от Карпова, Гарри Каспаров едва ли мог рассчитывать на благоволение начальства. По натуре он артист, художник. Для Карпова шахматы — профессия и только. Живи он в США, он играл бы, вероятно, в нарды или в го, где призы куда выше шахматных. Должен признаться, что тут я Карпова хорошо понимаю, потому что сам играю в шахматы в основном для заработка, а в СССР играл еще и для того, чтобы иметь возможность выезжать на Запад: это была своего рода дверь к свободе.

Вообще представление непрофессионалов, что все мы, гроссмейстеры, влюблены в шахматы и прямо-таки жить без них не можем, далеко от истины. Но, конечно, есть среди нас и люди, влюбленные в шахматы и способные выразить себя именно в шахматах. Гарри Каспаров — один из них. Когда я впервые увидел пятнадцатилетнего Каспарова, это был живой, начитанный, быстро соображающий южный мальчик. И если ему суждено было стать чемпионом мира, то это должен был быть второй Таль: весельчак, любитель анекдотов с легким антисоветским душком, вина, карт, актрис. Словом, типичная богема.

В том, что этого не случилось, виноват Карпов. Уже в 12 лет Гарик знал, что за ним следит пристальный, усиленный многочисленными соглядатаями, недоброжелательный глаз чемпиона и многого, что легко сходит с рук другим, ему не простят. Карпов с раздражением воспринимал любые упоминания о вундеркинде из Баку. Тем более, что вокруг Каспарова стали группироваться поверженные враги Карпова: Никитин, которого он изгнал из Центрального шахматного клуба, Петросян, у которого он отобрал газету "64", наконец бывший учитель, а ныне враг Ботвинник. Разведка Карпова при-

стально следила за лагерем Каспарова, досье на него и его помощников росло и пухло. Так что, если Гарри хотел чего-то добиться, он должен был научиться сдержанности и расчетливости.

Постоянно ощущая над собой грозную тень Карпова, Каспаров стал подражать своему врагу. Так же, как за десять лет до него Карпов, он начал формировать свой образ: непосредственного, смелого молодого гения, но при этом искренне преданного партии, верящего в коммунистические идеалы, а потому позволяющего себе критиковать, невзирая на лица, "отдельные недостатки".

Искренность, даже поддельная, была не очень ко двору в брежневские годы, когда фальшь открыто соседствовала с коррупцией и цинизмом. К тому же Каспаров не сразу нашел верный тон: то стеснялся и не дожимал, то явно пересаливал. Но и он сделал ставку на "полезных людей". У него нашлись союзники и покровители в Баку — сначала в ЦК ЛКСМ Азербайджана. Известную роль тут сыграл местный национализм, по сути своей антисоветский, приводящий в национальных республиках к гипертрофированной гордости за успехи своих земляков в спорте, искусстве, науке.

Правда, в Азербайджане Каспаров был не вполне своим: еврей по отцу (отцовскую фамилию Вайнштейн ему своевременно заменили на более благозвучную), полуармянин-полуеврей по матери. В паспорте его записали армянином, но и это отнюдь не лучшая рекомендация в Азербайджане. Однако иных шахматных гениев в наличии не оказалось, а Гарри родился в Баку, говорил по-азербайджански, так что в конце концов его признали земляком.

Действительно могущественным человеком, обратившим на Каспарова свое благосклонное внимание, был первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиев. В лучшей традиции халифов, покровителей искусств, Алиев, например, дал Гарри и его матери Кларе Шагеновне (отец умер, когда Гарри был еще ребенком) трехкомнатную квартиру; прежде они жили в однокомнатной. Но неизмеримо важнее было другое: Гарри стал *лично* известен. Это означало, что просто так справиться с ним не удастся.

Как мальчик Маугли понимал, что когда-нибудь ему предстоит схватка не на жизнь, а на смерть с Шер-Ханом, так и Гарри готовился к борьбе с Карповым. Он не раз говорил друзьям: "Я буду бороться с Карповым его же методами". Поэтому никого не удивило, когда уже в 19 лет Гарри Каспаров подал заявление о приеме в партию.

Осенью 1982 года автор этой статьи играл за сборную США на шахматной олимпиаде в Люцерне (Швейцария). В это время умер Брежнев, и, конечно же, чиновники ФИДЕ вкупе с организаторами олимпиады решили почтить память усопшего минутой молчания. Я стоял рядом с советскими шахматистами и имел возможность их наблюдать. Для большинства из них перемены всегда свершались как бы в небесных сферах. Понятно, что им оставалось лишь с любопытством ожидать, что произойдет, уповая на то, что хуже не будет. Но Каспаров с трудом сдерживал ликование. Он только что не подмигивал: перемены в Кремле были явно ему на пользу. Стоявший тут же Карпов был, напротив, хмур и озабочен. Видимо, он перебирал в уме имена знакомых, которым стоит позвонить вечером и узнать, что происходит в Москве. Смерть вождя могла привести к ухудшению его статуса, как могла, впрочем, и дать толчок к новому взлету. Но, конечно, ни он, да и никто другой не могли предвидеть в тот момент грядущей катастрофы.

5. Мальчик становится мужем

Новый генсек Юрий Андропов сместил Тяжельникова с высокого поста заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Ушли в политическое небытие и многие личные помощники Брежнева; а те, кто успел зацепиться в номенклатуре, утратили основную часть своего влияния, не говоря уже о том, что у них появились куда более серьезные

заботы, чем Толик с его шахматами. Конечно, приятели в отделе пропаганды остались. Но теперь Карпов уже не мог отвечать на услугу услугой. Он мог лишь платить за услуги и, будучи человеком богатым и умным, платил.

Сложность ситуации усугублялась тем, что Каспаров внезапно приобрел покровителя в Москве. Давнишний союзник и протеже Андропова Гейдар Алиев был произведен в полные члены Политбюро. Готовилась чистка погрязших в коррупции и лени брежневцев, и генералу Алиеву, сделавшему карьеру на борьбе с коррупцией в Азербайджане, можно сказать, сам Бог велел руководить чисткой.

Конечно, шахматы — чепуха, мелочь. Но при случае, как знать, и сам Карпов мог стать подходящим объектом чистки. Со своей коллекцией марок стоимостью чуть ли не в несколько миллионов, с вкладами в западных банках à la Юрий Брежнев, с "Мерседесом" подстать папе Брежневу, Анатолий вполне мог сыграть роль козла отпущения. Тем более, что врагов у него хватало. Далеко не всем партийным чиновникам нравилось, что какой-то шахматист вхож в святая святых — приемную генсека, что, небрежно кивнув секретарше, он шествует прямо в кабинет заведомо пропаганды ЦК, минуя ждущих приема министров, редакторов центральных газет, ответственных сановников. Это раздражало, казалось каким-то декадентством, распутством и распутищиной.

Летом 1983 года на командном первенстве Европы, проходившем в Болгарии, Карпов выглядел неважно. Он нервничал, коллеги его избегали, хоть и по-прежнему побаивались. Каспаров, наоборот, сиял. С плохо скрываемым злорадством шахматисты пересказывали подробности недавнего развода Анатолия Карпова. В трудные минуты человек обращается к Богу, задумывается о вечных ценностях. Циник Карпов в трудный момент своей жизни поделился негодованием со знакомым эмигрантом. "Я вступил в партию, когда мне было 25 лет и я уже был чемпионом мира. Мне тогда ясно сказали — подавай. Этот же щенок сунулся в партию, когда ему еще и двадцати не было. И после всего меня считают карьеристом, а его чуть ли не диссидентом". Забавный ход мысли: оказывается, "диссидент" для Карпова вовсе не ругательство...

6. Пиррова победа в Пасадене

Впрочем, поначалу все обошлось. Умер Андропов, на престол взошел Черненко, и кампания против коррупции замерла. Однако люди Андропова, в том числе Алиев, сохранили свои посты. Между гроссмейстерами-соперниками установилось нечто вроде динамического равновесия. Конечно, патрон Каспарова был много выше по положению любого из тех, на кого мог рассчитывать Карпов. Но Карпов был куда более искушенным политиком и сохранил свое влияние в Спорткомитете СССР и в ФИДЕ.

В этой ситуации Карпов и сделал ход, который должен был выбить Каспарова из цикла розыгрыша первенства мира 1982–1984 гг. С помощью подставных лиц (прежде всего зампреда Спорткомитета СССР Ивонина, известного своей любовью к подаркам), используя давно налаженные контакты в шахматной федерации, Карпов добился срыва полуфинального матча претендентов Каспаров–Корчной.

Все было сделано так, что комар носа не подточит: советские власти не пустили Гарри Каспарова в калифорнийский городок Пасадену под предлогом, что это небезопасно. Тем самым Корчной почти автоматически попал в финал, где победа была ему практически гарантирована. Для Анатолия Карпова открылась заманчивая перспектива сыграть еще один матч на первенство мира с Корчными. Матч, где ему обеспечена ко всему прочему поддержка властей, — ведь он будет защищать интересы страны в борьбе против изменника-невозвращенца. Призовой фонд — полмиллиона долларов в валюте (матч-то на Западе) и возможность без шума получить еще по крайней мере столько же от телевидения и от компаний, рекламирующих на матче свои товары. Вдобавок это будет чувствительный удар по нервам Каспарова, удар, который надолго выбьет его из колеи.

Но триумфа не получилось. Каспаров отправился на прием к Алиеву и объяснил, какой вред нанес Карпов советскому спорту и советской пропаганде. Доказать это было нетрудно. Западные газеты кричали, что в СССР антисемитизм, что полуеврея Каспарова не пускают в США из боязни, что он может остаться, и что вообще неладно что-то в советском спортивном королевстве. Поведение Карпова привело к тому, что вместо отличного пропагандистского шоу, матча между двумя советскими шахматистами в Москве, состоится еще один матч на Западе с предателем родины. Матч, исход которого не гарантирован. А вдруг победит враг!

Алиев возмутился и начал действовать. Человек достаточно опытный, он, очевидно, заранее договорился с коллегами, ведающими идеологией. Рассказывают, что заместитель председателя Спорткомитета Ивонин, когда ему неожиданно позвонили из Политбюро, распекли и приказали все переиграть, пробормотал лишь: "Да, товарищ Алиев. Будет сделано, товарищ Алиев" — и потерял сознание. Представители советских посольств принялись усиленно обрабатывать шахматные федерации других стран, суля им золотые горы. В результате ФИДЕ проголосовала за "переигровку" матча Каспаров—Корчной. Корчной не возражал. Карпова он ненавидел. Остальное известно: Каспаров выиграл полуфинал, легко победил и в финале. Предстоял матч с Карповым.

7. Поединок с Шер-Ханом

Накануне состязания силы соперников были примерно равны. Но у каждого были свои сильные и слабые стороны, свои уязвимые места. Козыри Карпова: железные нервы, понимание логики борьбы, психологическая проницательность. Козыри Каспарова: фотографическая память, отличное здоровье.

В начале матча Анатолий использовал свои козыри много лучше. После девяти партий счет стал 4:0 в его пользу (ничьи не считались), оставалось выиграть всего две партии. Такого развития событий никто не ожидал. Это был форменный разгром. Между тем его можно было предвидеть. Каспаров слишком уверовал в пропагандируемую его штабом гениальность великого мастера атаки и решил разгромить Карпова в собственном, "каспаровском" стиле. Он не пожелал даже сделать на старте парочку ничьих, хотя было известно, что Карпов почти всегда прекрасно стартует, а Каспарову вредит стартовая лихорадка. Но разве подобная тактика к лицу новому Морфи? И Гарри не раздумывая ринулся в рукопашную. Результат был печальным. В острой игре решают нервы, а у Карпова они куда крепче.

Претендент вынужден был использовать последнее, не очень благородное средство. Говорят, Михаил Ботвинник сказал Каспарову: "Сделай двадцать ничьих подряд, Карпов выдохнется, и тогда возьмешь его голыми руками". Ботвинник оказался прав. Перебежавший от Карпова доктор Зухарь, зная о состоянии здоровья чемпиона и стимуляторах, которые он принимает, уверял, что силы чемпиона на исходе.

И все же Карпов вел борьбу изо всех сил. Он сумел еще выиграть 27-ю партию. Но это была его последняя победа. С момента, как в 32-й партии он потерпел первое поражение, ход матча был предreshен. После сороковой партии Карпов еле переставлял ноги и, как острили москвичи, выглядел хуже, чем умерший в эти дни Черненко. 47-ю и 48-ю партии чемпион мира провел на уровне шахматистов второго разряда. Счет стал 5:3, все еще в пользу Карпова; многим победа Гарри казалась очевидной и близкой.

Тут-то Карпов и воззвал к друзьям. Он остро нуждался в отдыхе: "Спасайте! Делайте все, что угодно, но остановите матч!" Последовали еще тайм-ауты, и, наконец, президент ФИДЕ Кампоманес, в то время друг и союзник Карпова, прервал матч "в интересах самих участников" и, конечно же, шахмат.

Чего хотел Карпов, понять нетрудно: передохнуть, а затем со свежими силами завершить матч. При равной силе партнеров счет 5:3 (игра шла до шести побед) давал ему чрезвычайно высокие шансы на успех. О трехмесячном перерыве просил Кампоманеса и федерацию еще до остановки матча председатель советской шахматной федерации Севастьянов. Но Каспаров тоже нажимал на педали и внутри страны, и особенно за границей. В мировой прессе поднялся крик о несправедливости, о сговоре Карпова и Кампоманеса, о том, что Каспарова лишают заслуженной победы. Поэтому Кампоманес, предоставив Карпову отдых, не захотел или не смог сохранить счет. Матч был аннулирован, новая встреча назначена на 2 сентября 1985 года.

8. Триумф

Итак, победа (оставалось выиграть одну партию!) ускользнула от Карпова. Все же он многого добился. Избежал разгрома, а может быть, и смерти от истощения и неумеренных доз стимуляторов; обеспечил проведение "своего" короткого (всего 24 партии) матча, получил право на реванш. Действовал он, повторяем, с помощью сторонников в Спорткомитете СССР и в ФИДЕ.

Гарри двинулся по другой, куда более крутой дороге. Помогла ему шумиха, вызванная скандальным прекращением матча, шумиха, которую он искусно подогревал выступлениями, интервью, звонками друзьям на Западе. Если Пасадена была ударом по престижу советского спорта, то сейчас дела приняли еще более серьезный оборот. Автор редакционной статьи в "New York Times" задавал читателям отнюдь не риторический вопрос: можно ли вести переговоры о контроле над вооружением с людьми, которые мошенничают даже во внутренних шахматных соревнованиях? "Washington Post" предоставила большой подвал шахматному обозревателю. Ссылаясь на мои статьи в консервативной "New York Tribune", автор пришел к выводу, что люди, утверждавшие, будто на матче в Москве не все честно и чисто, оказались правы. Теперь значительно достоверней становится догадка о том, что советская сторона приказала болгарам нанять турка и убить римского папу для того, чтобы замирить Польшу...

Обе эти авторитетнейшие газеты антисоветскими не назовешь, они за разрядку, торговлю, договоры, поэтому их необычно суровая оценка советской политики — и из-за чего? из-за какого-то шахматного матча! — отнюдь не обрадовала тех, кто читает в СССР "белый ТАСС". Надо думать, все эти факты Каспаров преподнес Алиеву. Похоже, наверху разлились всерьез. Полученное после Пасадены внушение не помогло, Анатолий Карпов продолжал ставить личные интересы выше государственных...

Не знаю, какая мера наказания была избрана. Быть может, чемпиону мира попросту приказали проиграть матч. Несомненно одно: Карпову сейчас совсем не сладко в родной стране. Безошибочный индикатор — от него бегут помощники. Видимо, Каспарова боятся сейчас больше.

Второй матч Каспаров выиграл. Борьба была внешне напряженной, но мне (и не только мне) эта напряженность показалась наигранной. Кое-кто и в СССР, и на Западе воспринял триумф Каспарова как торжество справедливости. По мнению же коллег-гроссмейстеров, Каспаров может учинить новую чистку шахматной федерации СССР, а это вряд ли доставит кому-нибудь удовольствие. Как сказал мне один из советских гроссмейстеров, одна мафия заменит другую мафию. К Карпову, по крайней мере, успели привыкнуть, вдобавок он рассудочен, а значит, "предсказуем". А тут...

Впрочем, будем уповать на добрые чувства в новом чемпионе. Каспаров любит шахматы и любит себя в них, — в этом нет ничего плохого. Можно надеяться, например, что он поможет уехать из СССР Борису Гулько и его семье — хотя бы для того, чтобы не

попадать в глупое положение на пресс-конференциях и показать всем, что он не такой циник, как Карпов. Он мог бы добиться прекращения бойкота бывших советских шахматистов, ныне живущих на Западе. От этого бойкота в первую очередь страдает и без того подмоченный престиж Советского Союза.

Замечу попутно, что я один из тех, кого Москва пытается бойкотировать. В частности, делается попытка исключить меня, а в случае удачи и других шахматистов-эмигрантов из планируемого матча США—СССР. Обо всем этом пишут газеты. Другими словами, те, кому угрожают бойкотом, получили отличную трибуну для публичных заявлений и протестов. Выгодно ли это для нашей страны?

9. Нечто вроде эпилога

Доминик Лоусон в лондонской газете "Financial Times" справедливо заметил, что Каспаров отлично вписывается в создаваемый советской пропагандой облик новой горбачевской России. Примечательно неожиданное портретное сходство: в описании немецкого еженедельника "Der Spiegel" Каспаров поразительно похож на Горбачева, каким его описывает американский журнал "Time". Оба — молодые, динамичные, хорошо образованные, уверенные в себе. Хорошо знают, чуть ли не любят Запад; откровенны, независимы в суждениях — и притом убежденные марксисты-ленинцы. При желании можно сравнить и уволенного замкнутого Карпова с уволенным мрачным Андреем Громыко, а экспансивного Каспарова — с улыбающимся Эдуардом Шеварднадзе, который, по слухам, побывал на последнем московском матче, пожал руку земляку-кавказцу.

Анатолию Евгеньевичу Карпову сейчас, вероятно, грустно. Говорят, что портрет Брежнева, на котором он обнимает Карпова, на видном месте висевший в Центральном шахматном клубе, недавно сняли. Предают друзья, отворачиваются недавние холуи-прихлебатели. Отобрали кремлевку, уже и билет в спальный вагон не всегда достанешь. Падать везде больно — а в Советском Союзе особенно. Но Карпов — боец, и я в него верю. Если ему дадут сыграть матч-реванш, он имеет серьезные шансы победить.

Гарри Каспаров сегодня на коне. Удастся ли ему совместить несовместимое, взять все лучшее от обоих миров — Запада и Востока?.. У меня в шкафу висит добротный, английской шерсти плащ. Мне подарил его гроссмейстер Леонид Шамкович, когда я остался на Западе. Начиналась осень, и плащ был весьма кстати. А Шамковичу этот плащ подарил лет за шесть до того известный шахматный мастер и журналист Эдуард Штейн. Плащ по-прежнему хорош, хоть и не очень моден. Я обещал Шамковичу и Штейну передать его как эстафету следующему невозвращенцу-гроссмейстеру. Глядя на плащ, я часто думаю, что Игорь Иванов в него бы просто не влез, Тане Лемачко, конечно, мужской плащ ни к чему. А вот Каспарову он был бы как раз, да, пожалуй, и Карпову тоже, если слегка укоротить. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НА ЗАД

И НАЗОВЕТ МЕНЯ

ВСЯК СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК...

Алма-Ата. Краевая газета "Социалды Казахстан" опубликовала новый перевод на казахский язык "Евгения Онегина", сделанный неизвестным казахским народным поэтом. Перевод сделан мастерски и поражает яркой образностью языка. До сих пор казахский народ знал Пушкина только благодаря известному казахскому поэту Абаю Кунанбаеву, который перевел отдельные главы из "Евгения Онегина". Опубликованный газетой новый перевод поэмы записан со слов колхозника Шарипова из артели имени Сталина Алмаатинской области. Редакция газеты выясняет, кто автор перевода.

"Правда", 20 мая 1936 г.

РАДИ БРАТСТВА ИЛИ РАДИ РАЗРУШЕНИЯ

Публикуемая статья известного польского философа Лешака Колаковского — ныне профессора Оксфордского университета — представляет собой своеобразный некролог анархизму, некогда популярному политическому течению, пришедшему сегодня к своему естественному концу.

Под термином "анархизм" объединяют ряд политических доктрин, провозглашающих, что правительство и другие государственные институты не только излишни, но даже вредны. Анархизм отрицает самые устои современного общества, основанного в той или иной форме на принципе власти, и провозглашает необходимость создания альтернативного общества, в котором принуждение заменено добровольным сотрудничеством его членов.

Впервые анархистские идеи — впрочем, без употребления этого названия — были изложены английским религиозным диссидентом (в первоначальном значении этого термина), лидером движения "диггеров" Дж. Уинстенли в 1649 г. Дж. Уинстенли был не только первым теоретиком, но и первым практиком анархических идей, пытаясь, хоть и безуспешно, вместе с группой своих последователей создать общину диггеров, построенную, в сущности, на анархических принципах.

Первым человеком, который открыто назвал себя анархистом, дав тем самым имя уже существующей политической доктрине, был Пьер-Жозеф Прудон. В своей книге "Что такое собственность?", опубликованной в 1840 г. он писал: "Как человек ищет справедливости в равенстве, так общество ищет порядка в анархии. Анархия — отсутствие власти — такова форма правительства, к которой мы каждый день приближаемся".

Идеи Прудона были подхвачены и развиты, в первую очередь, русскими революционерами Михаилом Бакуниным и князем Петром Кропоткиным. В трудах Кропоткина анархическое видение будущего свободного общества нашло свое наиболее полное и законченное выражение. Последующие писания мало что к этому добавили.

Анархистские идеи привлекли на свою сторону многих выдающихся деятелей культуры. Достаточно назвать имена Гюстава Курбе, Камилля Писарро, Поля Синьяка, Жоржа Сера, Октава Мирбо, Стефана Малларме, Оскара Уайльда.

Конец XIX в. ознаменовался становлением анархизма не только как доктрины, но и как политического движения. В Италии анархисты под влиянием своего идеолога Энрико Малатесты провозгласили "пропаганду делом", которая вскоре выродилась в терроризм. Среди жертв анархического террора — король Италии Умберто I, французский президент Карно, президент США Мак-Кинли и многие другие. Во Франции анархизм приобрел форму анархо-синдикализма, последователи которого провозглашали, что профсоюзы должны не столько бороться за улучшение жизни трудящихся, но, прежде всего, вести к разрушению капиталистического общества и государства как такового. В 1922 г. синдикалисты основали свой собственный интернационал — "Международную ассоциацию трудящихся". В момент основания она насчитывала около миллиона членов. "Ассоциация" существует и поныне (со штаб-квартирой в Стокгольме), хотя и влечет жалкое существование.

Вершины своего политического влияния анархизм достиг в 20—30-е гг. нашего века в Испании. Национальная федерация труда — объединение испанских профсоюзов — находилась под решающим влиянием анархистов. Последние в 1927 г. создали также свою собственную организацию — Иберийскую федерацию анархистов. В обеих организациях все больший и больший вес приобретали экстремистские вожди испанских анархистов — Б. Дуррути и Г. Оливер. Национальная федерация труда быстро росла — с 700 тысяч членов в 1919 г. до 2 миллионов в годы гражданской войны. Во всей этой гигантской орга-

низации был только один "освобожденный" работник — генеральный секретарь. Всю прочую работу делали сами рабочие — в свободное время на добровольных началах.

Кризис, разразившийся в стране с началом гражданской войны, анархисты восприняли как исторический шанс воплотить свои идеи в жизнь. В течение нескольких месяцев они держали практически под своим контролем всю восточную Испанию. Фабрики и железные дороги в Каталонии были поставлены под контроль рабочих комитетов. В деревнях Каталонии, Арагона и Леванта были созданы анархистские коммуны. Наблюдатели, посетившие такие коммуны, сообщали, что, по крайней мере, некоторые из них были весьма эффективными.

Испанский анархизм пришел к своему концу как в результате наступления Франко, так и в результате враждебных действий со стороны своих же союзников в гражданской войне — коммунистов. Решающую роль, однако, сыграло вхождение четырех ведущих анархистов в республиканское правительство Ларго Кабальеро — очевидное предательство самих принципов анархизма.

С тех пор анархизм уже не достигал таких высот. Почти повсюду он уступал место коммунистам. Однако определенное оживление анархистских идей — хотя и не анархизма как политического движения — произошло в 70-е гг. Анархистские группы и федерации вновь стали появляться практически везде, где они существовали ранее — за примечательным исключением Испании.

Новую популярность получили произведения американского писателя-анархиста Пола Гудмана, в Англии начал выходить ежемесячник "Анархия", развивавший анархистские идеи применительно ко всем областям общественной жизни.

Анархизм стал популярен среди бастующих студентов и новых левых, как некая ценность, противопоставляемая культуре индустриальных обществ Европы, Северной Америки и Японии. Новые бунтари, одинаково отвергая и капитализм, и коммунизм, искали новое в хорошо забытом старом. Впрочем, свою чистоту анархизм потерял. У нынешних его последователей классические анархистские идеи перемешиваются с элементами ленинизма, раннего марксизма, толстовства, необуддизма, мистицизма.

Идеи анархо-синдикализма начали снова ощущаться в движении за рабочее самоуправление, приобретшем за последние годы популярность. С другой стороны, ряд террористических групп вновь апеллирует к идеям анархистского насилия.

Однако, пожалуй, для большинства современных его последователей анархизм из политической доктрины превратился скорее в моральное и социальное учение. Он учит бдительности перед лицом все возрастающей роли всепроникающей государственной машины, предупреждает об опасности, столь ярко описанной в антиутопиях Джорджа Орвелла, Олдоса Хаксли и Евгения Замятина. Нынешний анархизм — это скорее диагноз болезни, чем лекарство для ее излечения.

Анархистский поэт Герберт Рид в своей книге "Культе искренности" (1968 г.) писал:

"Изучение истории культуры убедило меня в том, что идеальное общество представляет собой точку на удаляющемся горизонте. Мы постоянно движемся к ней и никогда ее не достигаем. Тем не менее мы должны со всей страстью включиться в борьбу за ее достижение..."

Насколько помнится, первая опубликованная мною в возрасте двадцати лет статья была посвящена этике Кропоткина. Будучи, разумеется, всеведущим, как все юные марксисты, я отнесся к патриарху анархистов весьма снисходительно, как к наивному, но исполненному благих намерений человеку, лишенному всякого понятия о реальной жизни. Теперь я не столь юн, и я пересмотрел бы эту оценку, хотя и не полностью. Как политическая программа, анархизм наивен, но, пожалуй, доза такой наивности нужна нам всем, хотя бы для того, чтобы подумать как сократить, а не расширить власть государства, даже признав, что отделаться от него полностью — невозможно. А бремя государства (в капиталистических странах, не говоря уже о коммунистическом крепостни-

честве) настолько тяжелее сейчас, чем до Первой мировой войны, что умеренная доза анархизма может пойти впрок.

Но какая доза? Нас не радует присутствие полицейского, когда мы превышаем скорость на шоссе, но мы не возражаем против его присутствия на темной улице, где нас могут ограбить; мы жалуемся, когда половину нашего заработка поглощают налоги, но бесплатное медицинское обслуживание и бесплатное образование не вызывают в нас возмущения; мы бы хотели путешествовать по всему земному шару, не думая о паспортах и визах, но совсем не приветствуем перспективу переселения миллионов иностранцев в нашу собственную страну. Мы возмущаемся государством и в то же время все больше и больше в нем нуждаемся, ибо привыкли считать, что государство обязано обеспечить нам счастье, материальные блага, здоровье, освободить нас от обязанностей и, в конечном счете, от самого себя — от государства. Поскольку вся идеология анархизма построена на анафеме государству, стоит рассмотреть ее предложения, пусть они и выглядят непрактичными.

Анархизм многообразен. Существуют (или существовали) анархо-коммунисты, анархо-индивидуалисты, анархо-кооперативники, анархо-синдикалисты и анархо-мистики (термин предложен, если память мне не изменяет, Эльдбахером), однако это разделение не пользуется всеобщим признанием. Центральный принцип анархо-индивидуализма — неприкосновенность личности и имущества; анархо-коммунизм делает упор на человеческой солидарности и дружбе. Индивидуалисты — или, по крайней мере, наиболее последовательные из них — выступали за полную свободу рынка и считали, что все общественные функции государства могут быть спокойно переданы в руки добровольных организаций и частных предприятий, в том числе полиция, суд, обеспечение помощи инвалидам, оборона и защита окружающей среды. Если в итоге какая-то доля этих функций останется невыполненной, это все-таки лучше, чем полагаться на государственную бюрократию. Но как достичь этого идеала? Не путем насилия, а скорее созданием альтернативных общественных институтов, которые могут соревноваться с государственными, и бойкотом государства — например, путем неуплаты налогов. Такой вид анархизма близок, конечно, к радикальному либерализму, который, преуспев, лишил бы государство всех полномочий за исключением функций обороны, полиции и, возможно, хотя и не обязательно, печатания денежных знаков (когда же монополия на печатание денег будет упразднена, каждый сможет выпускать деньги; я, например, смогу это делать, но единственная загвоздка в том, что никто не захочет их принимать, хотя не откажется от ассигнаций банка Ллойда: таким путем "настоящие" деньги будут установлены соревнованием).

Анархо-коммунисты, в том числе такие известные деятели как Э. Малатеста, П. Кропоткин и Э. Реклю, выступили против капитализма с позиций весьма близких к Марксу, но сильнее подчеркивали угнетающую роль государства как такового и проповедовали добровольный коммунистический экономический строй: все средства производства должны перейти к объединениям рабочих, товары будут распределяться по потребностям (неясным остается, кто будет определять, какие у кого потребности), деньги и торговля исчезнут. Программа эта зиждется на предпосылке, что все хотят именно этого, и, следовательно, когда государство будет упразднено, все радостно примкнет к новому порядку (или беспорядку). Преступность почти мгновенно исчезнет, и естественная человеческая солидарность будет восстановлена.

Что касается анархо-синдикалистов, то их взгляды не следует отождествлять с синдикализмом как таковым, хотя у них и есть общие черты. Проповедники синдикализма, в соответствии с догматами анархизма, отказывались от участия в партийной политике или в парламентской игре, не допуская интеллигенцию в свои ряды с целью сохранения классовой чистоты: в их глазах рабочие союзы были ядром общества, которое возникает после всеобщей забастовки на пепелище капитализма. Что касается анархо-синдика-

листов, то они рассматривали союзы лишь как полезное орудие своей деятельности, но не отождествляли себя с ними. Они не думали, что такого рода организации, привыкшие к ежедневной борьбе в капиталистическом обществе, смогут легко преобразиться в новое общество.

Не удивительно, что на протяжении почти всей своей истории, анархическое движение постоянно переругивалось с коммунистами, особенно с марксистами. Прудон предсказал, что государственный коммунизм неизбежно превратит людей в государственное имущество. Бакунин считал, что любая революция, в результате которой к власти придет партия рабочих, неизбежно превратит эту новую политическую элиту в привилегированную касту выскочек, которые возродят репрессии и деспотизм. Польский анархо-кооперативник Эдуард Абрамовский размышлял о возможном чуде — о появлении коммунистической системы в современном обществе, с его нынешними моральными устоями и нуждами: эта система была бы искусственным социальным чудовищем, построенным на жестоком классовом расслоении и использующим все возможные репрессивные меры для защиты правящих проходимцев. Единственная подлинная надежда на возникновение нового общества заключается, по его мнению, в длительном обучении, которое преобразит человеческий ум, в особенности путем развития кооперативного движения в рамках капиталистической экономики. Бенджамин Такер отмечал, что единственное "лекарство", известное марксистам против монополий, это замена их одной большой монополией.

Все эти критические замечания — да и многие другие — прозвучали в XIX веке, задолго до того как марксизм, несколько подправленный, но без фундаментальных изменений, стал рабочей идеологией тоталитарного государства. Его деспотический потенциал был замечен и проанализирован еще до того, как появились эмпирические доказательства, которые не заставили себя долго ждать. Это раздражает тех, кто продолжает настаивать, что советский строй — лишь случайное явление в истории доктрины, не имеющее ничего общего с марксистским наследием, что он возник из-за невнимательности муз, избравших неподходящее место для воплощения величайшей из гуманистических идей.

Но возражения коммунистов анархистам тоже не были лишены справедливости. Они указывали на экономическую неосуществимость чаяний анархистов. "Если совершенно независимые организации возьмут в свои руки все средства производства, — говорит марксист, — то они обязательно повторят все законы накопления, все неравенство, банкротство и кризисы, характерные для чисто либеральной экономики".

Анархист отвечает: "Нет, потому что не будет ни денег, ни обмена".

Марксист: "А как это обеспечить? Трудовыми деньгами Прудона? Без рынка? Это не экономика, а детский лепет, так как никакой обмен не может быть основан на предположении, что каждый честно даст отчет, сколько времени он потратил на выращивание фунта картошки, а среднее рабочее время невозможно установить без рынка".

Анархист: "Нам не надо обмена: каждый будет производить по возможности, а избыток отдавать братьям, которые с той же щедростью поделятся с ним своим избытком. Иными словами, это не будет меновая торговля примитивных племен: обмена не будет и экономики не будет, будет лишь братская помощь".

Марксист: "Как же, по-вашему, современная экономика, в которой большинство служащих не заняты в прямом производстве товаров и каждый завод зависит от тысяч других заводов по всему миру, может действовать по таким принципам? Предположим, Бог провел великую анархическую революцию. Но ведь останутся Лос-Анджелес и Токио, Лондон и Мехико; останется пустыня Сахара. Что же вы будете с этим делать?"

Анархист: "Как-нибудь справимся, все люди будут братья и легко найдут решение небольших технических проблем".

"Значит, — допытывается марксист, — вы хотите вернуть человечество в каменный век?"

Анархист: "Совсем нет. Современная техника останется, только излишние нужды будут упразднены и люди перестанут производить то, в чем они на самом деле не нуждаются".

Марксист: "А как же вы намереваетесь убедить их избавиться от всех этих лишних нужд?"

Анархист: "Это будет очень легко, так как революция всем откроет истину и, кроме того, все станут братьями. А разве вы, марксисты, не стремитесь тоже к упразднению рынка и лишних потребностей?"

Марксист: "Да, но у нас научный план, очень-очень научный. В отличие от вас, мы не мечтаем о возврате к средневековой швейцарской деревне. Все будет планироваться, производиться и распределяться государством, и государство будет решать, какие нужды настоящие, а какие лишь искусственно насаждены капиталистической рекламой".

Позиция анархистов сильнее всего, когда они критикуют марксизм как верный рецепт деспотизма. Марксисты же сильны критикой анархизма как пустой утопии.

Увы, оба правы. Оба правы, но значительная разница между коммунистической и анархической схемами всемирного счастья в том, что марксистская схема, в отличие от анархической, осуществима на практике. Рынок, пожалуй, полностью упразднить невозможно, он существует даже в концлагерях — и это, наверное, довольно точно соответствует тому, что представляла бы идеальная нерыночная экономика в современном обществе. Однако рынок возможно подавить до такой степени, что будут уничтожены все источники информации, которые создает только рынок, удушить новаторство, снизить эффективность производства и установить полицейское государство, которое будет единственным владельцем всех ресурсов, людей, средств сообщения, а также человеческих душ. Знаменательно, что все эффективные экономические реформы в коммунистических странах неизбежно основаны на частичном восстановлении рынка, то есть "капитализма". Одновременно в странах со смешанной экономикой марксисты объясняют недостатки национализированных предприятий или служб тем, что не вся еще промышленность национализирована. Недостатки в системе образования объясняются тем, что в стране существуют частные учебные заведения; народное здравоохранение работает плохо, конечно, только в результате того, что в стране все еще существует право на частную медицинскую практику, и т. д. Получается, что прогресс возможен только, если людям полностью запретить какую-либо общественно полезную деятельность, помимо указанной государством. Универсальное средство против всех общественных бед — больше полиции, больше бюрократии, больше контроля, больше доносчиков, больше запретов.

Анархисты, конечно, питают отвращение к таким идеям. К сожалению, они не сумели разработать приемлемую экономическую альтернативу этим двум существующим моделям — рынку и так называемому центральному планированию (которое, кстати, не столько планирование, сколько орудие, мешающее производству и удовлетворению нужд населения). Анархический идеал общества без государства, то есть без законности, может быть осуществим только в малых, закрытых, архаичных общинах (в которых мало индивидуальных свобод и строго соблюдаются традиционные ценности), но не в меняющемся, открытом и большом обществе, которое не может существовать без правовых норм. Нет оснований думать, что теоретически автономные общины сами по себе разработают одинаковые правила борьбы с антиобщественным поведением; между тем люди могут переходить из одной общины в другую. Даже если вопреки всему было бы создано анархическое общество, оно скорее всего находилось бы в состоянии постоянной войны. Не является ли на самом деле анархизм идеологией допромышленной эры?

Можно добавить, что успешная анархическая революция едва ли возможна еще по одной причине. Ее успеха можно ожидать только в случае, если будет выполнено весьма невероятное отрицательное условие, а именно: в обществе не должно быть какой-либо организованной силы, стремящейся укрепиться и извлечь для себя выгоду из отсутствия центральной власти, которая могла бы ей противостоять. Анархисты нередко заявляют, что революция в России оправдала их критику марксистского государственного социализма; попытка насильственно создать "новое общество" неизбежно приводит к полицейскому государству. Но тот же пример можно направить и против доктрины анархистов. Большевики не "сделали" революции, они лишь совершили октябрьский переворот. Революция была широким общественным движением, господствующей идеологией которого было не что иное, как анархическая утопия — советская власть (а не коммунистическое государство, управляемое партией меньшинства). Большевикам удалось взять под контроль анархически-революционный процесс, используя его в своих целях и насаждая свою деспотическую систему правления. Революция в своей анархо-утопической форме просто не смогла бы одержать победу; вернее, она смогла бы ее одержать только, если не было бы таких сил, как большевики, которые стремились к установлению своего монопольного государства. И нет никаких способов, которыми анархисты в подобных обстоятельствах — когда существующие институты рушатся и исчезают — могли бы помешать другим силам, стремящимся к власти, проявить себя и в конце концов насильственно покорить беззащитное общество. Анархистам следовало бы знать, что власть желанна уже сама по себе, а не только из-за тех благ, которые она приносит; что никогда не было недостатка ни в движениях, ни в отдельных лицах, готовых захватить власть, когда рушится общественная система. Поэтому на практике анархисты-революционеры могут всего лишь ненамеренно поддерживать тоталитарные силы, действующие в демократических обществах.

Надо признать, что некоторые анархисты осознали это и полностью отказались от самой идеи революции. Вместо этого они предлагали воздействовать силой примера, создавая альтернативные общины в рамках существующего общества. Увы, за одним исключением все такие попытки провалились. Однако, насколько мне известно, названное исключение весьма редко упоминается глашатаями "нового альтернативного общества", будь то марксисты или анархисты. Я имею в виду израильские киббуцы, которые действуют уже три поколения. Безусловно, они действуют в рамках рыночной экономики, и требования рынка определяют их производительность; неизвестно, сколько они просуществуют. Тем не менее, киббуцы представляют собой единственный успешный пример добровольных, экономически рентабельных объединений, организованных по традиционным принципам социализма-анархизма. Марксисты и анархисты всех оттенков весьма отрицательно относятся к киббуцам по ряду причин. Эти общины — добровольные, а не навязанные государством и его карательными органами, как советские колхозы; следовательно, само их существование является "антимарксистским". Более того, эти общины состоят из евреев: непростительный грех, поскольку львиная доля антисемитизма нашла укрытие под ярлыком антисиионизма и легко была воспринята проповедниками Прогресса, Нового Социалистического Общества и Счастья для Человечества (я не утверждаю, что все антисиионисты автоматически являются антисемитами, но все антисемиты находят удобным величать себя антисиионистами).

Сколько бы ни насчитывалось разновидностей анархической идеологии, анархисты делятся на две основные категории. Просто-напросто есть сторонники любви и сторонники ненависти. Сторонники любви мечтают о человеческом братстве и готовы личным примером осуществлять свои мечты вопреки всем неудачам. Сторонники же ненависти стремятся к уничтожению мира, который они ненавидят — по каким бы там ни было психологическим причинам. Сторонники любви в какой-то степени дают оправдание анархизму, поскольку человечество не может существовать без идеала всемирного брат-

ства, пусть даже неосуществимого; их усилия нельзя считать целиком тщетными. Но та же идея человеческого братства становится вредной и опасной, если ее носители решают, что они нашли "технический рецепт" для ее претворения в жизнь. А именно это и движет сторонниками ненависти среди анархистов. Подобно марксистам, они сулят нам братство по приказу и их не смущает достижение этого высокого идеала путем тоталитарного насилия. Их интересует только уничтожение, а не то, что будет потом: порой они даже возводят это свое безразличие и интеллектуальную ущербность до уровня мудрости ("невозможно предсказать, какие формы примет будущее общество, задача состоит в том, чтобы разрушить существующее"). Они разделяют антиисторический подход идеологически преданных марксистов — не в том смысле, что они не интересуются историей, а в том, что они верят: в какой-то определенный день и час человечество сможет сбросить со своих плеч прошлое и начать "настоящую историю" с азов; совершенно новый человек, освобожденный от прошлого, появится на земле. А что, если он этого не захочет?

Итак, о сторонниках любви среди анархистов можно сказать доброе слово; о сторонниках ненависти — нельзя.

В наше время анархизм в своей чистой идеологической форме — явление незначительное. Он продолжает существовать под чужим именем в довольно странных внутренних противоречивых смесях с марксистской идеологией, в различных левых группировках, которые при помощи анархистской фразеологии стремятся устранить неизбежные результаты деятельности государственного социализма и обещают нам замечательный мир, где все будет в руках государства и где расцветет неограниченная свобода.

Историческая заслуга анархизма состоит в том, что анархисты всегда указывали на власть, как на самостоятельный источник репрессий, и не доверяли государственному аппарату. Анархисты не могут соблазнить нас безгосударственным счастьем, но они обостряют нашу бдительность. Возможно — или даже наверное — их идеология более созвучна эпохе непромышленного общества, но нет ничего порочного в раздумьях не только о недостатках того времени, но и о некоторых его утраченных достоинствах. В конце концов, Прогресс несет с собой не одни лишь блага.●

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГРЯДЕТ

В то время, как вот уже восемь с половиной лет гранитной твердыней висится страна пролетарской диктатуры, над остальным миром продолжает тяготеть кошмар угнетения, гуляет бич капиталистической-эксплоатации. Но глухой ропот масс нарастает: его не в силах заглушить ни грозные окрики капиталистических надсмотрщиков, ни тюремные расправы, ни палаческая изобретательность Малют-Скуратовых современного империализма, ни слащавые фразы "социалистических" резонеров с каиновой печатью на челе.

Но не слишком ли рано поют отходную мировой революции лиходеи от оппортунизма? Ой-ли, так прочна "стабилизация"? Ой-ли, так спокойно могут спать банковские плуты, обладатели миллиардных сокровищ? Ой-ли, так всемогущ, так непреодолим социал-демократический обман? Тысячу раз говорили мы, и сегодня, в день Первого мая, заявляем с особенной энергией: "Вы просчитаетесь, самодовольные лакеи! Мировая революция грядет. Мы уже вступили в эпоху мировой революции. Торжество мировой революции неотвратимо. Вам не остановить классовой борьбы пролетариата, вам не сломить его революционной энергии. Что бы вы ни говорили, призрак революции роет над миром.

"Правда", 1 мая 1926 г.

НАСЛЕДИЕ КАПИТАЛИЗМА

Ленинград. Главнаука отправляет в Москву с целью реализации десять вагонов с мебелью, фарфором, бронзой и картинами из бывших царских дворцов.

"Известия", 20 мая 1926 г.

В ТЕНИ ИСТОРИИ

Два небольших этюда, предлагаемые читателю, завершают нашу публикацию избранных отрывков из книги западногерманского историка и публициста ("Прыжок в царство свободы, или что осталось от истории", № 1—2; "Дракон, стерегущий сокровище, или что осталось от буржуазной революции", № 4, 1986). Книга С.Гафнера "В тени истории" вышла в Штутгарте в 1985 году.

Ленин, или что осталось от социалистической революции

Быть может, совсем неслучайно два крупнейших реальных политика новейшего времени, Бисмарк и Ленин, питали особую любовь к одному и тому же музыкальному произведению — бетховенской сонате в f-Moll,opus 57, известной под названием "Апассионата". Оба оставили любопытные признания, как действовала на них эта музыка. "Это — словно борение и рыдание всей человеческой жизни," — сказал Бисмарк и добавил, по видимости противореча самому себе: "Если бы я почаще слушал эту вещь, я был бы куда храбрее." Ленин высказывался подробней и еще противоречивей. Он назвал музыку "Апассионаты" изумительной, "нечеловеческой". Но слушать ее слишком часто он не может. Она действует ему на нервы. Хочется погладить по головке людей, которые живут в грязном аду и при этом умеют создавать такую красоту. А надо не гладить по головкам, а бить по головкам, бить безжалостно, хотя наша цель — уничтожение всякого насилия над человеком. "Чертовски трудная должность", — прибавил он.

Любопытно, что оба обнаружили одинаковую восприимчивость к трагической вести Бетховена, но их реакция на нее была почти противоположной. Бисмарк не устал слушать эту музыку, она влиwała в него силы. Ленин предпочитал слушать ее нечасто, ибо она его расслабляла, а он хотел и должен был оставаться твердым. Здесь внезапно перед нами обнажается разница между реальным политиком в чистом виде и реальным политиком, который в то же время и революционер. Для одного "борение и рыдание человеческой жизни", зрелище героически-безрезультатного сопротивления и полной отчаяния и величия гибели, трагический образ мира, явленный в музыке Бетховена, — это подтверждение и утверждение собственной правоты: да, таков этот мир, страшный, безнадежный и вместе с тем удивительный. Не отводить глаз от взгляда Медузы. Этот взгляд внушает отвращение. Для другого же — он невыносим. Он раздирает его. Ведь он, революционер, хочет изменить мир. Он намерен создать мир гуманный, справедливый, мир, в котором не будет насилия. Но как раз поэтому, ради этой цели, он обязан творить насилие, бить по головам, которые ему так хотелось бы погладить. Трагический закон повелевает и реальным политиком революции, и он не в силах устоять перед его чарами. Реальная политика и трагедия, их переплетение, более того, их тождество, — не правда ли, странная мысль: попытаться продемонстрировать его на примере именно Ленина?

Ведь на первый взгляд история Ленина — нечто противоположное трагедии: это, собственно говоря, *success story*. Революция, которую Ленин подготовил и осуществил, увенчалась успехом. Государство, основанное им, выдержало все бури и сегодня может существовать, как никогда. Ленин окружен в коммунистическом мире таким почетом, такой славой, каких едва ли был удостоен кто-либо другой. Сравниться с ними может разве только обожествление Цезаря и Августа в императорском Риме. Триумф при жизни, ореол после смерти, чего еще может желать человек? И тем не менее Ленин — трагическая фигура. Трагическая фигура в жизни, которой он пожертвовал и которая кончилась отчаянием, трагическая фигура и по ту сторону жизни, в своем историческом воздействии, которое так далеко от того, к чему он стремился. Трагедия Ленина — это не трагедия неуспеха, крушения; нет, это трагедия удачи. И оттого она еще значительней.

Ленину удалось то, чего не удавалось до него никому: полная победа революции. Революция — об этом свидетельствовал весь опыт истории, — революция — это было то, что никогда не удавалось, что неизменно приводило к печальному концу. Можно было бы после каждой революции повторять слова Гете, сказанные им, с холодной трезвостью гражданина мира, после Великой Французской революции:

Übermacht, Ihr könnt es spüren,
Ist nicht aus der Welt zu bannen.
Mir gefällt zu konvertieren
Mit Gescheiten, mit Tyrannen.

(Изгнать из мира насилие, сами видите, невозможно. Уж лучше я буду беседовать с умными людьми, с тиранами.)

Не будь Ленина, и в России семнадцатого года результат был бы тот же, что в 1905 г. С Лениным — вышло иначе. Это он впервые превратил революцию — в *Übermacht*, в победоносное насилие, которое невозможно изгнать из мира, он вдохнул в революцию долгое дыхание, более долгое, чем это предписывала история. Через него, с ним и благодаря ему впервые великая империя, ее господствующий класс, ее государственный строй, ее экономическая и общественная система, вместе с ее мифологией и идеологией, были сравнены с землей, ее носители были истреблены или рассеяны по свету, впервые была создана *tabula rasa*, а затем на ней — правда, уже не Лениным, а Сталиным — было начертано нечто совершенно новое.

Все это удалось ему, так как он первым из всех революционеров был одновременно и реальным политиком, человеком, который обладал чувством действительности, не уступавшим практическому гению Бисмарка или Наполеона. Нужно ясно представить себе, насколько необычно, почти невозможно такое сочетание. Ведь революционерами становятся оттого, что невозможно переносить мир, каков он есть, оттого, что хочется совсем другого, и притом немедленно, здесь и теперь. Тогда как реальный политик — это человек, который приемлет мир и работает с теми данностями, какие он в нем находит, стремясь извлечь из них пользу для государства и партии, к которой он принадлежит. Соединить обе установки почти невозможно. Вот почему, должно быть, все революции до Ленина в конце концов терпели крах, вот почему они снова и снова, вплоть до наших дней, порождали бесчисленных мучеников и революционных святых, но отнюдь не победителей. Без готовности вести реальную политику не может быть победы.

Че Гевара писал за несколько лет до своей смерти и своего поражения:

"Пускай надо мной смеются, но да будет позволено мне заметить, что истинный революционер руководствуется мощными чувствами великодушия и благородства."

А вот что говорил Ленин: "Кто не может приспособляться, кто не готов ползать брюхом в грязи, тот не революционер, а болтун!" Сам он, видит Бог, был к этому готов. Начиная от раскола партии в Лондоне в 1903 г., от безоглядного разрыва с политическими друзьями, многолетней игры в кошки-мышки с царской охранкой, сговора с кайзеровской Германией, вынужденного и насильственного Брест-Литовского мира — и

до продуманно-прагматического отхода после победы в Гражданской войне, в условиях, когда мировая революция не состоялась, до временного отказа от социализма и перехода к государственному капитализму — сплошные измены самому себе, самоопровержения, сплошные компромиссы реального политика, который всегда действует согласно правилу: два шага вперед — шаг назад.

Изменой себе, хотя и совсем иного рода, была его готовность к террору, его деловитая жестокость в Гражданской войне, а после нее — безжалостное подавление восстания кронштадтских матросов, отступников, которые поначалу были самыми верными его сторонниками. Ленин не был прирожденным фанатиком террора, не находил в истреблении людей холодного удовлетворения, как Сталин, не получал от этого садистского удовольствия, как Гитлер. Он был вполне цивилизованный и чувствительный человек; но он умел не считаться со своими чувствами, так же как не допускал, чтобы его цель влияла на его средства. Он делал то, что диктовалось необходимостью. Всегда имея перед глазами эту цель — лучший мир, — он был готов принять дурной мир, в котором ему приходилось действовать, таким, каков он есть и каким его следовало принимать, если хочешь что-то в нем исправить. Он желал добра, и чтобы достичь его, готов был творить зло, если угодно — воевать со злом, применяя его собственное оружие; и в любом случае приспособляться, приспособлять себя к злу. И поэтому он победил. Но победив, он лишил победу ее смысла.

Трагедия Ленина — это трагедия в кубе. Лишь незначительной частью этой трагедии было его самопожертвование, аскетическое подавление собственной личности, подобное бичеванию плоти, — на которое Троцкий, например, никогда не был способен. В отличие от Троцкого, Ленин был свободен от какого бы то ни было тщеславия, он даже был — опять-таки в противоположность Троцкому — почти безличен. Безупречная деловитость Ленина, его абсолютное, почти автоматическое подчинение закону необходимости, какой она являет себя в данный конкретный момент, причем его собственная персона, его личные чувства и желания всякий раз едва различимы за его деятельностью, всегда подчиненной интересам дела, — все это достойно восхищения; но чувствуется в этом и внутренний холод. Примечательно, что до сих пор у Ленина не нашлось сочувствующего и убежденного биографа. Даже самым горячим почитателям не удалось пробудить к нему ту личную любовь, то восхищение, какие без труда приобрели и какими все еще продолжают пользоваться во всем мире другие герои революции, хотя они добились куда меньшего успеха, — скажем, Роза Люксембург или тот же Че Гевара. Этот сверхчеловек сделался для потомства почти не-лицом. Легче было превратить его в бога, чем сделать по-человечески интересным.

Сам он, как человек нетщеславный, вероятно, пожал бы плечами, если бы ему сказали об этом. К своей посмертной славе, как и к славе прижизненной, он был равнодушен. Но отнюдь не безразличной была для него его цель. Понимание того, что победив, он промахнулся, и промахнулся именно потому, что победил, превратило остаток жизни Ленина в годы отчаяния. Такова вторая, более глубокая трагедия. Зрелище умирающего Ленина, Ленина 1922 и 1923 годов, который из последних, убывающих сил, отчаявшись в своем труде, вновь, но теперь уже тщетно, пытается все изменить и отменить, пока силы окончательно его не оставляют, — это зрелище ужасно. Ленин в Горках, последней резиденции, где он болеет и умрет, — фигура более волнующая, чем Наполеон на Святой Елене или Бисмарк в поместье Фридрихсру. У тех оставалось по крайней мере горькое утешение проигрыша. Они больше не отвечали за то, что им пришлось увидеть и чего они уже не могли изменить. А Ленину выпала на долю безутешность победы, беспомощность победителя. Всего, чего он хотел и мог добиться, он достиг. Словно Бог на седьмой день творения, он мог взглянуть на все, что он создал, — и вот, все очень плохо: растущая как дрожжах бюрократия, вернувшиеся и обнаглевшие торгаши, возрождение капитализма, начало страшного владычества Сталина, обескураженная и беспомощная партия, никакого выхода, никакого наследника. "В какую лужу мы сели," — стенает умирающий.

Ну, что касается лужи или даже болота, то Сталин сумел на свой лад, не считаясь ни с чем, его осушить и на его месте воздвиг внушительную махину, называемую Советским Союзом; и ленинская мумия в Мавзолее служит ей государственным божеством. Но тут-то и открывается перед нами третий и, может быть, самый мрачный аспект трагедии реального политика Ленина. Он хотел мировой революции, а создал новую мировую державу. Он хотел отмирания государства, отмены господства человека над человеком; а итог его работы — могучее государство, может быть, сильнейшее из всех государств, и твердыня господства, не имеющая себе равных в нашем столетии. Революционер, средствами реальной политики приведший революцию к победе, в конце концов стал жертвой реальной политики.

Реальная политика — это политика, которая приемлет в своем образе действий несовершенство мира. Ее неизбывный трагизм носит имя — тщетность. Тогда как революция сулит прыжок из царства необходимости в царство свободы. Революционер, ставший реальным политиком, другими словами, склонившийся во имя победы перед законом необходимости, изменяет этим посулам. Сияющее обетование он приносит в жертву прозаической реальности. Совершившаяся и победоносная революция несовершенна, как любое творение рук человеческих, и, как все человеческое, замарана кровью и грязью, — это именно и доказал своей победой Ленин. И когда все это осталось позади, когда все сделано, хочется спросить: ну и что?

Вот отчего победа, одержанная революционным реальным политиком Лениным, трагичней крушения революционных идеалистов вроде Розы Люксембург и Эрнесто Че Гевары. Несомненно, Ленин принадлежит к шеренге великих свершителей, Бисмарков и Наполеонов, но тем самым он оказывается и в ряду чемпионов тщеты и бесполезности, какими полна история. Его победа лишила революцию ее чар. Он доказал две вещи: что революция может победить — и что ее победа ничего не меняет. Творение Ленина — это Советский Союз, по-своему величественное сооружение власти, однако не более величественное, чем многие другие, которые возникали и исчезали. Но под его фундаментом погребена надежда человечества.

Трехмерный телевизор, или что осталось от будущего

“Будущее уже не то, каким оно было когда-то”. Не помню, кто это сказал, но сказал верно. Ничто так радикально не изменилось за последние десять лет, буквально перевернувшись с ног на голову, как наши представления о будущем. Они сменились вместе с модами.

В 1967 году в Америке вышла книга с увлекательным заглавием “Вы это увидите” и еще более интригующим подзаголовком: “Прогнозы науки до 2000 года”. До конца столетия нам пообещали золотые горы, истинный рай на земле, — правда, несколько искусственный, даже жутковатый, а кое-кого и просто напугавший рай. Общественный продукт должен был возрасти в пятьдесят раз, общество массового потребления нынешних богатых стран — стать нормальным состоянием всего человечества, а самые передовые государства должны были вступить в стадию постиндустриального общества, где большинство будет занято взаимными развлечениями, а не взаимным содержанием, как теперь.

Человек будет жить дольше, быть может, сто пятьдесят лет, и при этом сохранять бодрость, а если жизнь ему наскучит и он захочет сделать перерыв, он попросту перейдет в состояние вроде зимней спячки, сначала, к примеру, на несколько недель или месяцев, а дальше уже по желанию, на целые годы или десятилетия. Свое потомство он сможет освободить, путем генетических манипуляций, от нежелательных свойств характера и

разных слабостей; само собой разумеется, он сам будет решать, кого ему произвести на свет — мальчиков или девочек. Трехмерное телевидение, вы только представьте себе! — осязливый каждую семью, всю домашнюю работу будут делать роботы, транспорт станет почти бесплатным, расстояния вообще перестанут существовать. Правда, никаких тайн и секретов ни у кого тоже не останется, все станет публичным и за всеми можно будет наблюдать. И средства массового уничтожения, к сожалению, возрастут до неслыханных масштабов.

Все это вовсе не было пустым фантазированием и дикими бреднями. Под пророчествами стояли подписи серьезных ученых, и выглядело все это не как возможность, а скорее как то, что будет почти наверняка. Уже шли полным ходом научные разработки, которые должны были привести к осуществлению прогнозов. Прервать этот процесс могла разве только атомная война или какое-нибудь непредвиденное стихийное бедствие. Все было рассчитано с помощью компьютеров, которые придали предсказаниям еще большую весомость. Множество внушительных диаграмм украшало книгу.

А затем, спустя пять лет, в 1972 году, появилась — снова в Америке (где же еще ей было появиться) новая, тоже сугубо научная, тоже основанная на расчетах компьютеров и украшенная таким же количеством диаграмм книга под названием "Пределы роста". Теперь все выглядело ровно наоборот. Не рай ожидал нас в 2000 году, а катастрофа. Оказалось, что человечество размножается слишком быстро, производство продуктов питания не поспевает за ним, пригодных для обработки земель недостаточно, миллионы, да что там миллионы — сотни миллионов людей обречены на голодную смерть. Угля и нефти в обрез — в сущности, они уже на исходе; скоро мы и масляным коптиткам будем рады, они нам будут светить по вечерам, будем рады вязанке дров, чтобы согреться холодной зимой. А тем временем мы сами с невероятной быстротой загрязняем и разрушаем своими отбросами и вредными веществами нашу маленькую планету, "космический корабль по имени Земля", и скоро сделаем ее совсем негодной для жилья. Причем мы так во всем этом преуспели, что, собственно говоря, предотвратить конец уже невозможно. Крах человечества уже запрограммирован, он неизбежен. И если не в двухтысячном, то самое позднее в 2025 году он нас настигнет.

Едва только вышла эта книга, едва лишь ее успели перевести на все языки, как футурологический пессимизм почти безраздельно завладел умами. Тот, кто еще продолжал хвалить прогресс, совсем недавно, согласно научным прогнозам, суливший нам все самое лучшее и высококачественное, — превратился чуть ли не в посмешище, на него смотрели как на человека вчерашнего дня. Но стали ли мы на самом деле умнее, чем вчера?

Я заметил, что обе книги, которые с полным правом можно назвать священными писаниями двух основополагающих футурологических школ, оптимистической и пессимистической, — и, натурально, каждая, как комета свой хвост, потянула за собой целый шлейф популяризаций и огрублений, — обе книги скроены в точности по одному и тому же образцу. То, что придает недостоверность одной, делает неправдоподобной и другую. Ни в коем случае нельзя сказать, что вторая книга превосходит по глубине и остроте мысли первую. Обе следуют одному рецепту: нужно взять некоторое количество имеющихся исследовательских данных, фактов и тенденций и попросту спроецировать их, в качестве исходного материала, на будущее, сопроводив все это как можно более эффектным псевдонаучным пышнословием. Обе книги совершают две одинаковых ошибки; одна из них неизбежна, без другой можно было бы и обойтись.

Неизбежная ошибка та, что в обеих книгах использованы не все факты и тенденции, какие имеются и реализуют себя в сегодняшнем мире, а лишь некоторые, выбранные по принципу пригодности. Избежать этой ошибки невозможно, ибо человек и в век компьютеров не в силах все сразу держать в голове; что-то непременно будет упущено. Вторая ошибка, которую легко можно было избежать, заключается в том, что обе книги —

обе, а не только первая, оптимистическая, — исходят, как из чего-то само собой разумеющегося, из предположения, что однажды возникшее движение будет длиться до бесконечности. А между тем не только история, но и жизненный опыт говорят нам: вновь и вновь дела идут совсем не так, как мы думали. Будущее, — о, Господи, неужели это надо повторять? — будущее непредсказуемо. В этом и состоит фундаментальный порок всей футурологии. Со всем своим научным оснащением она никогда не станет подлинной наукой.

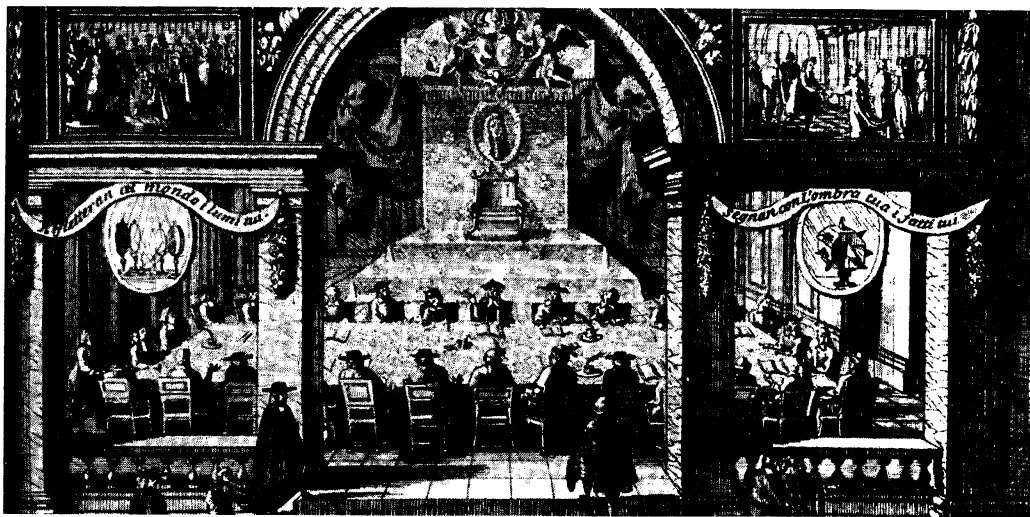
Конечно, оптимисты 1967 года чего-то недоучли, чем по праву тыкают им в нос пессимисты 1972-го, — а именно, что огромное распространение и небывалая интенсивность, с которой современная технология покоряет и эксплуатирует природу, — на чем и основывались прогнозы оптимистов, — требуют намного больше энергии, сырья, а также продуктов питания, чем мы располагаем сегодня на Земле либо можем нашими нынешними методами произвести или чем-нибудь заменить. Но и пессимисты 1972 года тоже кое-что упустили из виду, а именно, что нам далеко еще не известно, чем в действительности располагает Земля, а современные методы, в том числе методы производства пищи и энергии, — отнюдь не последнее слово человеческого знания.

Кстати, об энергии: разумеется, запасы угля и нефти на Земле ограничены и когда-нибудь будут исчерпаны, несмотря на то, что до сих пор обнаруживаются новые; это каждый осел понимает. Но каждый, кто не совсем осел, знает также, что производство энергии путем сжигания угля и нефти — это переходное состояние, точно так же, как и производство энергии с помощью расщепления ядер урана, что, как мы надеемся, позволит продлить этот переходный период. В один прекрасный день, и может быть, не такой уж далекий, мы начнем добывать энергию из водорода путем термоядерной реакции, а наличного водорода хватит на несколько миллионов лет, вероятно, дольше, чем просуществует человечество. А что касается неизбежной катастрофы голода, то кто сказал, что мы будем вечно кормиться пшеницей и мясом животных, ведь мы этим занимаемся всего каких-нибудь девять или десять паршивых тысячелетий! Есть ведь и многие другие возможности, сегодня их уже открывает химия, а если когда-нибудь мяса и хлеба в самом деле не хватит, ну что ж, как-нибудь переживем. Человек — исключительно изобретательное и способное приспособляться существо; ему приходилось справляться и с катастрофами пострашнее той, какую малюют на стене апокалиптические футурологи.

Хотя выкладки авторов книги "Пределы роста" были не раз уже опровергнуты, футурологический пессимизм стал чрезвычайно модным — гораздо больше, чем футурологический оптимизм в шестидесятые годы, когда он тоже был модой. Спрашивается, почему. Мне кажется, что тогдашний оптимизм не совсем, быть может, заслуживает этого наименования. То замечательное, о чем он пророчествовал, далеко не всем людям представлялось замечательным, великолепная панорама будущего, которую он рисовал, вызывала у многих не восторг, а тревогу и страх. Им совсем не хотелось в этот компьютерный рай с трехмерным телевизором, с роботами в роли домашних хозяек и стандартно-образцовыми детьми, они предпочли бы и дальше жить по-старинке. Семидесятые и восьмидесятые годы сделались даже, как все мы видим, ностальгической эпохой — чего, между прочим, не предвидел ни один футуролог. Будем радоваться тому, что есть, а всего лучше было бы воротиться к доброму старому времени! — вот заветное желание нынешнего, избалованного техникой, пресыщенного комфортом западного человечества. Этому желанию как нельзя лучше вторит картина будущего, написанная самими что ни на есть мрачными красками. Если в будущем все только к худшему, мы получаем необходимое нам оправдание для того, чтобы цепляться за настоящее или даже тянуться к прошлому. А к этому и сводится сегодняшнее умонастроение.

На мой взгляд, это не совсем здоровое настроение. Ибо в конце концов мы можем жить только в одном направлении: к будущему. Но будущее открыто, даже в век электронно-вычислительных машин. Таким оно и останется — не таким, быть может, как нам хочется, но тем, каким мы его сотворим.●

ПИСЬМА ИЗ ПАРИЖА

Заседание Французской академии. XVI век

ЮБИЛЕЙ СТАРОЙ ДАМЫ

"Старая дама с набережной Конти" — так называют Французскую академию, один из древнейших институтов страны. Академии исполнилось 350 лет. За все это время она лишь единожды переменяла адрес: сначала она находилась в Лувре, потом ее переселили в Коллегиум четырех наций, в "дом под куполом", построенный при кардинале Мазарини; здесь же располагается ценнейшая библиотека Мазарини. Французскую академию основал особым декретом кардинал Ришелье, правитель Франции при Людовике XIII, это было в 1635 году. В декрете говорилось: Академии надлежит "трудиться над тем, чтобы дать нашему языку необходимые правила и чтобы сообщить ему чистоту, богатство и способность говорить об искусствах и науках". С тех пор вот уже три с половиной века академики трудятся над составлением *Словаря*: кодифицированного языка, одобренного высшей национальной инстанцией. Словарь постоянно обновляется; скоро выйдет в свет девятое издание. Интересно, что по сравнению с предыдущим выпуском в Словаре будет около десяти тысяч новых слов. Члены Академии одобряют языковые новшества с трудом: так, слово "дезинформация" два года пробивало себе путь. Теперь, наконец, оно преодолело препоны и попало в Словарь.

Кого избирают в Академию? Идея ее создателя сводилась к тому, чтобы среди академиков были представители всех искусств и наук: только так может быть действительно обеспечена полнота Словаря, ведь он должен вбирать в себя даже сугубо спе-

циальные термины и обороты, хотя бы и знакомые самому узкому кругу. Сотрудничество представителей разных профессий в самом деле оказалось плодотворным. Ныне во Французской академии восседают прославленные деятели многих областей культуры: романисты Жюльен Грин, Жан д'Ормессон и Морис Дрюон, драматурги Эжен Ионеско и Фелисьен Марсо, поэт и политический мыслитель сенегалец Леопольд Сенгор, искусствовед Ренэ Юнг, юрист Ален Перфит, этнолог Клод Леви-Стросс, историк Ален Деко, врач Жан Бернар и другие — всего сорок "бессмертных". Так именуют академиков в соответствии с девизом, начертанным над входом во Французскую академию: *A l'immortalité* — "Бессмертию". Порядок избрания остался таким же, каким он был установлен 350 лет назад: новый собрат избирается на место умершего и произносит речь памяти предшественника. Выборы происходят путем тайного голосования. Академик сохраняет свое звание пожизненно.

Традиции хранятся свято: и порядок выборов, и ритуал заседаний, и даже ритуал обращений. В монархической Франции лишь четыре категории лиц пользовались правом именоваться *Monsieur*: *Monsieur le Cardinal*, *Monsieur le Maréchal*, *Monsieur le Duc*, *Monsieur l'Académicien*. Нет больше былого великолетия, зато к "бессмертным" (и к кардиналам) по-прежнему обращаются: *Monsieur*. Академики носят униформу — треуголку и расшитый золотом *habit vert*, зеленый мундир, покрой которого был утвержден в 1803 году Наполеоном. При мундире полагается шпага; впрочем, каждый академик имеет право заказать себе шпагу по собственному рисунку. Когда сорок "бессмертных" входят в зал заседаний "под куполом" на набережной Конти, гвардейцы салютуют обнаженными саблями и барабанчики приветствуют академиков оглушительной дробью. Весь этот исторический театр продержался вопреки всем потрясениям. Академия пережила Великую Революцию — это было непросто: во время якобинского террора член Конвента аббат Грегуар предложил уволить старую даму в отставку, произнес знаменитую фразу: "Почти всегда настоящий гений — без штанов" (*sans culottes*, — имелись в виду короткие штаны аристократов, а не демократические панталоны). В ту грозную пору шестеро академиков были обезглавлены, двое покончили с собой, трое умерли в тюремной камере. В 1793 году Конвент закрыл Академию. Однако уже пять лет спустя, при Директории, вышло новое (пятое) издание Словаря, а первый консул Бонапарт приравнял членов Академии к высшим сановникам Республики и ввел вышеупомянутый мундир.

Французская академия — символ Франции, памятник устойчивости национальной культуры. Недавно избранный новый постоянный секретарь Академии писатель Морис Дрюон остроумно заметил, что Академия — "первая демократическая институция, возникшая при монархии, и последняя монархическая институция, сохранившаяся при республике". Демократическая, потому что она основана на равном и тайном голосовании, и независима от властей вследствие несменяемости и пожизненности членства. Монархическая, потому что каждый новый академик формально утверждался королем (ныне — президентом республики). Французская академия воплощает в себе историческую память нации. Тот же Дрюон сказал: "С тех пор, как королю отрубили голову, только Академия олицетворяет непрерывность Франции".

Над Французской академией принято потешаться. Это само по себе традиция, почти такая же старая, как и существование Академии. Большинство "бессмертных" — глубокие старики. Три года назад мне выпала честь — я получил премию Академии за французское издание поэтических произведений Пушкина. На заседании "под куполом" дремали старцы в своих великолепных мундирах, время от времени их будил стук падающего предмета: кто-то ронял во сне тяжелую шпагу. Шестидесятипятилетний Дрюон казался среди них юношей. В целом Французская академия — учреждение дремуче-консервативное, чтобы не сказать — реакционное. Об этом, между прочим, громко заявил один из "бессмертных", ныне покойный поэт Пьер Эмманюэль, когда Академия избрала своим членом Фелисьена Марсо, сотрудничавшего с нацистами; хлопнув дверью, Эмманюэль вышел из зала, не желая сидеть рядом с коллаборационистом. Собратья проводили его смехом: сколько бы Пьер Эмманюэль ни ершился, он бессилие осуществить свою угрозу, ибо, как уже сказано, академика нельзя уволить. Да и сам "бессмертный" не может уйти. Таково демократическое равенство в этом кругу. Рассказывают, что неког-

да старый и больной кардинал д'Эстре, который не мог сидеть на стуле, попросил для себя кресло; тогда Людовик XIV, оберегая равенство, распорядился принести сорок кресел.

Когда говорят о Французской академии, неизменно вспоминают тех писателей, кого она не избрала. Членами Академии не были Мольер, Мопассан, Стендаль, Бальзак, Золя, Сартр, Камю, Арагон. Одни умерли слишком рано, другие не угодили академическим старцам своими слишком левыми взглядами, третьи попросту не скрывали своего презрения к старой даме с набережной Конти. Все это так: Французская академия нередко и смешна, и уродливо-консервативна. Но ведь и спикер, сидящий в английском парламенте на мешке с шерстью, комичен. И королева Голландии, стоящая во главе современного индустриального государства, тоже может показаться смешной. И гвардейцы, застывшие, как статуи, перед Ватиканским дворцом, — пережиток иного столетия. Но если бы Европа вдруг лишилась всего этого, она потеряла бы нечто невозвратимое. Утрата символов не равнозначна отмене устарелых формальностей; это то, чего никак не могли понять в Советском Союзе. Нет ничего проще, как ликвидировать смешной пережиток монархического режима, Французскую академию, а в здании Коллегиума четырех наций оборудовать, к примеру, плавательный бассейн. К счастью, время нигилизма почти везде ушло в прошлое. Один из блестящих членов Французской академии поэт и эссеист Поль Валери ровно 50 лет назад, по случаю трехсотлетия славной корпорации, написал эссе под заглавием "Задача и тайна Академии" (1935); он сетовал по поводу того, что в нашем веке все стало неустойчивым, шатким, зыбким, мелькающим: "Мы грезим об острове, — писал Валери, — где сохранялось бы лучшее из всей культуры человечества... Над обществом здесь царила бы никем не опровержимая Совесть. Но только от нас зависит, сумеет ли Французская академия возвыситься до уровня этой высшей морально-судебной инстанции".

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ВИКТОРА СЕРЖА

Вышли в свет "Дневники" Виктора Сержа. Книга привлекла к себе внимание критики, как, впрочем, все опубликованное под этим именем. Виктор Серж умер сорок лет назад в Мексике; при жизни он был гораздо менее известен, чем теперь.¹

В Советской России его по-прежнему не знают, но рано или поздно он вернется на свою духовную родину. Потому что Виктор Серж — русский по происхождению и, как он сам не раз говорил, по мироощущению. Его настоящее имя — Виктор Львович Кибальчич; отец его был родственником известного революционера. Родители эмигрировали в Бельгию, где в 1890 году, в Брюсселе, родился Виктор. Жизнь его была бурной: анархистская молодость, полтора года бельгийской тюрьмы, Барселона, где в 1916 г. он участвовал в восстании, Петроград — и здесь тоже участие в революции, близость к Троцкому, решительные выступления против террора ЧК и отъезд за границу; В. Серж — пропагандист III Интернационала в Вене, Праге, Берлине... Возвращение в Москву в 1926 году, борьба против растущего сталинизма, арест в 1933 году, допросы, ссылка на Урал. Однако спустя три года Виктор Кибальчич был отпущен во Францию. Как это могло случиться? Благодаря Ромену Роллану, который в то время пользовался в СССР необыкновенным престижем. Роллан обратился к Сталину с просьбой освободить Виктора Кибальчича. Под давлением Р. Роллана и Горького Сталин уступил; Виктор Серж уехал.

Уже в те годы во Франции получили довольно широкую известность его романы "Люди в тюрьме" (1930), "Рождение нашей силы" (1930), "Завоеванный город" (1931). Первая из этих книг вышла с предисловием Панаита Истрати: "Жизнь Виктора Сержа сегодня одна из миллионов жизней, которую душает догматизм и демагогия у власти, — образец революционной честности и веры в будущее социализма... История В. Сержа — это история всей русской коммунистической оппозиции, от первых дней торжества красного деспотизма на одной шестой части земного шара". Скажем попутно и об авторе этого предисловия, тоже вычеркнутом из памяти советских людей. Панаит Истрати, сын грека-контрабандиста, ставший румынским писателем, был близок к ком-

¹ О Викторе Серже см. "Страна и мир" № 12, 1985 (в статье Р. Шеттака "Из огня да в полымя").

мунистам. Его вывел в литературу тот же Р. Роллан. В 1921 году Роллан получил из Ниццы письмо, найденное врачами в кармане самоубийцы, который перерезал себе горло. Самоубийцей был Панаит Истрати, — он чудом остался в живых, вскоре выпустил роман "Кира Киралина" (1924) — с предисловием Р. Роллана — и стал знаменитостью. Роллан назвал его "балканским Горьким". Панаит Истрати несколько книг написал по-французски, так что французы с основанием считают его и своим писателем. Он был одним из первых на Западе, кто понял бесчеловечную сущность советского режима, — и рассказал об этом в двухтомной книге 1929 года "К другому пламени". Предисловие П. Истрати к роману Виктора Сержа было фактом и политического, и литературного значения.

Второе рождение В. Сержа, как и новое рождение Истрати, в наши дни естественно и необходимо. Оба они — из числа самых ранних диссидентов. Сержа называли так уже в 1936 году, он был из первых, кто в полный голос сказал о тоталитарных режимах, об опасности нового антисемитизма, о московских процессах и концентрационных лагерях — и сталинских, и гитлеровских, и франкистских. Будем верить, что этот благородный писатель станет популярен и среди русских соотечественников; до сих пор, к сожалению, по-русски существует лишь один изданный на Западе роман 1942 года "Дело Тулаева".

"Нас здесь горстка людей, тех, кто продолжает борьбу, — писал Серж Андре Жиду 14 ноября 1944 г., — и мы наблюдаем вокруг нас, на этом полушарии, симптомы все того же зла... Читая газеты, я вижу воочию зло, которое видел в России, видел, как оно родилось; оно распространилось на всю Европу и захватило Францию, страну рассудительности и интеллектуальной прямоты; это зло — двоедушье. Непросто будет отличить подлинных участников Соппротивления от фальшивых... Тоталитаризм порождает новый вид храбрости (лично я этому враждебен, хотя знаю, что часто единственная альтернатива — самоубийство), это храбрость, прикрытая ложью, лукавой осторожностью, храбрость двойной игры и сознательных умолчаний". Любопытное и не лишнее пронацальности замечание. В том же письме А. Жиду читаем: "Знаете ли вы о трагедии польских и российских евреев? Я уверен, что нет ничего более важного для совести заварашнего человека. Более трех миллионов евреев уничтожили с пугающей систематичностью на фабриках смерти — в газовых камерах, в камерах, оборудованных для коллективных казней электричеством... Все это страшным образом замалчивают, и, может быть, правильно делают: ведь подобные действия затрагивают самую сущность человеческого в человеке, они пробуждают представления и инстинкты, подавленные за три с лишним тысячелетия..."

УХОД СИМОНЫ

На исходе двадцатых годов в Париже встретились двое: Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар; этим моментом, быть может, следует датировать рождение интеллигенции в современной Франции в том особом смысле, какой слово "интеллигенция" давно уже приобрело в России, где оно означает слой людей, более или менее бескорыстно занимающихся духовной деятельностью и обладающих большим влиянием на общество. Разумеется, и прежде, во все времена во Франции существовали кружки писателей, свободных философов, неприкаянных артистов; но они никогда не перерастали в подобие социального класса.

В кафе "Deux magots" ("Два китайских болванчика") около собора Сен-Жермен-де-Пре Симона и Сартр ежедневно встречались с единомышленниками и друзьями, обсуждали "племен минувших договоры, плоды наук, добро и зло", дружно презирали политику и пересматривали разом все общественные установления, все институты культуры, от кулинарного меню, до брака и религии. В 1929 году начался совместный путь удивительной супружеской четы нашего века и продолжался 50 лет, до 15 апреля 1980 года, когда умер задолго до того ослепший и обессиленный Сартр. Прошло еще шесть лет, и день в день, в середине апреля 1986 года, умерла его спутница, его вдохновительница,

друг, союзник и неизменная любовь — Симона де Бовуар. Сейчас можно сказать, что с ней ушла в прошлое целая эпоха общественной жизни и литературы.

Кроме многочисленных романов (назовем самый известный — "Мандарины", так и не переведенный на русский язык), статей, философских эссе, — как и Сартр, Симона де Бовуар была ведущей фигурой французского экзистенциализма, — она написала шесть томов воспоминаний, в которых рассказывает всю свою жизнь от рождения (1908 г.) и совместную жизнь с Ж.-П. Сартром. Она стремилась победить забвение, обновить, закрепить и увековечить ускользающее время. Эти книги — "Воспоминания благовоспитанной барышни" (1958), "Сила зрелости" (1960), "Сила вещей" (1963), "Очень легкая смерть" (1964), "Итоги" (1972), "Обряд прощания" (1981), — без сомнения, ставят Бовуар в ряд великих мемуаристок нашего столетия; никогда, быть может, женщины не играли такой огромной роли в истории культуры, как в темную пору XX века, когда их делом и миссией стало запоминание. Достаточно назвать несколько российских имен: Н. Я. Мандельштам, Е. С. Гинзбург, Л. К. Чуковская, О. М. Фрейденберг. Что и говорить, воспоминания Бовуар светлее, жизнерадостней и даже просто веселее, но и она могла бы сказать, вслед за Анной Ахматовой:

Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла.

В своей обширной (несколько тысяч страниц) исповедальной прозе Симона де Бовуар добивается, как некогда Руссо, полной, абсолютной честности: ей хочется рассказать обо всем, ничего не приукрашивая, не подменяя бывшего желаемым или будущим, не скрывая жестоких подробностей, отгалкивающих побуждений или даже попросту бездарных ошибок. В книге о тридцатых годах ("Сила зрелости") мемуаристка беспощадно повествует о том, как они с Сартром радовались Мюнхену, не заметив, что близорное предательство западных правительств распаивает ворота войны; она не идеализирует собственную политическую слепоту и не изобретает для себя позицию всеведения и "величия" задним числом. Не скрывает она и того, какими неисправимыми догматиками оба они были в начале послевоенной поры; в 1945 году в полемике с философом Морисом Мерло-Понти Симона писала: "Истина едина, заблуждение — множественно. Не зря наши правые придерживаются плюралистических идей". Позже один критик заметил, что такое утверждение "могло бы послужить оправданием сталинизма". Добавлю, что много лет спустя точно ту же опасную мысль повторил русский писатель: "А истина, а правда во всем мировом течении одна — Божья... Во всех науках строгих, то есть опертых на математику, — истина одна... А множественность истин в общественных науках есть показатель нашего несовершенства". Разница в том, что Симона де Бовуар приписывала плюрализм правым, а автор цитаты — повторивший ее слова, — левым; не говоря уже о том, что Бовуар решительно пересмотрела свои взгляды, чего ее последователь пока еще не сделал.

Впрочем, и у самой С. де Бовуар, как и у Сартра, признание ошибок — не столь частое явление. Старинный друг знаменитой четы Клод Руа не без некоторого ехидства замечает в статье, которая появилась сейчас в журнале "Nouvel Observateur": "Я восхищался изяществом, с которым Сартр и она были способны на самокритику без критики, когда автор показывает, что он, может быть, и был неправ, но все-таки оставался прав, даже когда был неправ, потому что в то время, когда он был неправ, рядом с ним находились низкие люди, которые были глубоко неправы, утверждая, что они правы, потому что коммунистическое движение — "абсолютный судья" всего, и что для оценки всякого политического замысла абсолютным критерием является социализм". Пародийное рассуждение Кл. Руа верно по отношению к тому периоду, когда Сартр и его спутница были увлечены коммунизмом и даже гротескной фигурой Мао Цзедуна, но, к счастью, оба успели выскользнуть из западни.

В свое время немалое впечатление на современников и современниц произвела книга Симоны де Бовуар "Второй пол" (1941), в защиту равноправия женщин. В родившееся еще в прошлом веке феминистское движение, всегда казавшееся не совсем серьезным, Бовуар вдохнула новую жизнь, внесла в него идеи и сделала из них неопровержимо логичные выводы. Число ее учениц и последовательниц во всем мире огромно. Статья-некролог писательницы Элизабет Бадентер озаглавлена: "Женщины, вы ей обязаны всем!" Бадентер прочла прочла "Второй пол" в 15 лет. "Помню, как читая ее книгу, я физически ощутила, что у меня выросли крылья... Она говорила всем: поступайте, как я, не бойтесь. Ступайте, завоевывайте мир, — он ваш!" Целое поколение читателей запомнило энергичные формулы Симоны де Бовуар, полные уверенности в будущем; вот одна из них: "Вероятно, в будущие века люди будут смотреть на то, как сегодня в нашем обществе обращаются с женщинами, с таким же изумлением, с каким мы смотрим на рабовладение в афинской демократии".

Я упомянул об увлечении неомарксистскими идеями; время это давно миновало. Еще при жизни Сартра писательница окончательно убедилась в том, что коммунистическое настоящее в Советском Союзе ни в малейшей степени не принесло тех свобод, которых от него ждали. Со свойственной ей неукротимостью Бовуар выступала против оккупации Афганистана, против подавления Польши, против империалистических поползновений СССР. Сорок лет подряд Симона де Бовуар руководила созданным ею и Сартром в октябре 1945 года журналом "Les Temps modernes"; как бы ни менялись ее оценки, — порой весьма круто, — она оставалась преданной демократическим идеям: журнал, задуманный как "трибуна воинствующего антиколониализма", остался им по сей день. В последнем интервью, данном газете "Le Matin", С. де Бовуар формулировала свое политическое кредо так: "Я стою за то, чтобы изо всех сил поддерживать левых, когда они под угрозой. И еще я за то, чтобы помогать родиться всему новому, когда оно обещает быть справедливым".

Симона де Бовуар всю жизнь сводила счеты со смертью. Теперь, когда она ушла, хочется привести слова, которыми завершается книга о кончине ее матери, полные мужества и мудрого оптимизма: "Естественной смерти не существует: ни одно несчастье, обрушиваясь на человека, не может быть естественным, ибо мир существует постольку, поскольку в нем живет человек. Все люди смертны, но для каждого человека смерть — это катастрофа, которая настигла его, как ничем не оправданное насилие, даже если человек спокойно приемлет ее".

ГРЯЗЬ И ГЕНИЙ

О Жане Жене никогда не знали, как говорить; всякая критическая статья о нем, о его творчестве, а тем более о его личности, казалась провокационной. Осуждать его? Это было всегда слишком просто. Восхвалять? Было за что, но Жене делал все возможное, чтобы это было невозможно.

За что осуждать? Жан Жене, сын неизвестного отца, подкинутый неизвестной матерью в детский приют, в 15 лет был осужден за воровство на каторгу для "малолеток" — была такая, достаточно мрачная колония Мэттре. Совершив побег, Жене завербовался во французский Иностранный легион, но уже через несколько дней дезертировал и с тех пор скитался по Европе, занимаясь — во всяком случае, он сам так утверждал! — проституцией. Как гомосексуалиста его преследовали многие полиции Европы: югославская, австрийская, польская, чехословацкая, немецкая, — в Германии он как будто даже сожительствовал с каким-то штурмовиком... В его послужном списке числились и кражи со взломом, и контрабанда, и профессия сутенера. В 1977 г., уже знаменитым писателем, он стал печатать статьи в защиту террористов из банды Баадер—Майнхоф, он прославлял американскую террористическую организацию "Черные панте-

ры", — эти кровавые призывы в газете "Le Monde" навлекли на Жене бесчисленные проклятия и справа, и слева... Итак, судить и осуждать этого человека есть за что: проповедник насилия и террора, распутник, сквернослов — вот кто такой Жан Жене, умерший 16 апреля на семьдесят шестом году жизни.

А за что его хвалить, чем он так прославился? В возрасте тридцати с небольшим Жене начал пробовать себя в литературе и в 1942 году, в тюрьме, написал роман "Богоматерь цветов". В 1947, вновь отбывая срок (на сей раз пожизненный), он был освобожден благодаря петиции на имя президента Республики, под которой стояли подписи Жана-Поля Сартра и Жана Кокто. Спустя пять лет Сартр написал предисловие к собранию сочинений Жана Жене, выпущенному издательством Галлимар, под названием "Святой Жене, комедиант и мученик": это целая книга, чтобы не сказать — поэма о Жене, которого Сартр считал блестящим поэтом, лучшим драматургом века и редкостным прозаиком, а также — вопреки сложившемуся мнению — моралистом, прямым продолжателем Франсуа Вийона и Артюра Рембо.

Конечно, Сартру всегда были свойственны парадоксы. Но вот теперь, после смерти старого бродяги, у которого всего-то и было имущества, что чехомоданчик, переносимый из одной гостиницы в другую, — теперь о нем снова пишут чуть ли не как о гении. Режиссер и актер Жан-Луи Барро говорит о нем: "Для меня Жене прежде всего великий поэт... Что и говорить, вокруг него было много скандалов. Но устраивал скандалы не он. Скандалы устраивают порядочные люди." Режиссер Питер Брук, ставивший его пьесу "Балкон", гордится тем, что некогда повстречал Жана Жене: "Этот грубиян был человеком необыкновенной нежности... Неслыханное дело: у него было истинно динамическое представление о театре." Можно привести немало подобных суждений. А вот высказывания двух министров культуры, бывшего и нынешнего. Жак Ланг — социалист, любитель модернизма; Франсуа Леотар — консерватор, приверженец классики. Жак Ланг пишет: "Нас покинул Жан Жене, с ним зашло черное солнце, которое освещало для нас изнанку вещей... Его ненавидели все Тартюфы, ибо он был воплощением самой Свободы. Его творчество, исполненное редкостной чистоты и изысканного блеска, не может принадлежать господствующему порядку. Оно долго еще будет раздражать и провоцировать читателей и зрителей, как может провоцировать лишь истина, свойственная поэзии". Таково мнение министра слева. Послушаем министра справа, Франсуа Леотара: "Ушел самый неопределимый из писателей послевоенного времени. После многих лет отвержения и непонимания, публика, наконец, признала ценность этого вечного повстанца, этого внесоциального защитника социальных меньшинств. Опыт литературного творчества и опыт Жизни всегда будут для него безграничны." Леотар сдержанней Ланга, но и его отзыв достаточно красноречив.

Не так-то просто отделаться от воспоминания о циничных и, прямо скажем, людоедских откровениях Жана Жене. Трудно забыть его панегирик "Черным пантерам" за то, что они "полны ненависти к миру белых — это сразу же сблизило меня с ними", или его восторг по поводу того, что палестинцы "испытывают ненависть к Западу". Но от всего этого внешнего, провокационно-хулиганского и в высшей степени двусмысленного бунтарства отделаться необходимо — нужно знать такие его пьесы, как "Негры" или "Балкон", его прозу — "Богоматерь цветов" и "Чудо розы". И тогда придется согласиться с Сартром: "Будем прислушиваться к голосу Жене, нашего ближнего, нашего брата, он доводит до края наше мучительное, наше подспудное одиночество, он раздувает наши софизмы до такой степени, что они лопаются, он доводит наши неудачи до размера катастроф, он заставляет нас взглянуть на нашу собственную лживость и бросает слепящий свет на нашу порочность."

Жан Жене — последний в ряду чисто французских бродяг и криминальных бунтарей с отсветом гениальности, какими были в XV веке Вийон и в XIX — Верлен, Рембо

и Лотреамон. Время облагородило их в наших глазах, и кто теперь помнит об их печальных похождениях? Осталось их творчество. От Жана Жене останется "Богоматерь цветов".

ВТОРОЕ ДЕЛО ДРЕЙФУСА

Девяносто лет назад капитан французской армии Альфред Дрейфус был разжалован и осужден как шпион. Борьба за оправдание Альфреда Дрейфуса продолжалась почти двенадцать лет; только в 1906 году была признана судебная ошибка и Дрейфус был восстановлен во всех правах. Навет на капитана Дрейфуса основывался на том, что еврей не может быть настоящим патриотом Франции. В своем "Письме к Франции" Эмиль Золя предостерегал соотечественников: "Франция, не будь доверчива! Так ты дойдешь до диктатуры". И продолжал: "Какое торжество, если бы можно было снова разжечь религиозную войну! Положим, народ поумнел, он уже не способен заблуждаться, как прежде. Но разве восстановление средневековой нетерпимости и сжигание евреев на площадях не есть возвращение к первоначальной нетерпимости?.."

Скоро исполнится 80 лет со дня оправдания Дрейфуса. И вот некоторое время назад дело Дрейфуса разгорелось сызнова, — второе, и много меньше, а все же дело.

Скульптор и художник Тим недавно устроил свою выставку "40 лет политики"; после выставки Министерство культуры предложило ему назвать Дрейфуса; Тим охотно согласился. Статую собирались установить во дворе Ecole militaire — Парижского военного училища, на том месте, где в 1895 году над головой Дрейфуса была переломлена его шпага. И вдруг стало известно: военные противятся. Памятник Дрейфусу может быть воспринят как увековечение позора французской армии. Пускай ставят его где угодно — перед Политехническим училищем, выпускником которого был Дрейфус, или на площади Трокадеро, где недавно открыта президентом Миттераном площадка Прав Человека, — но только не во дворе Военной школы. Судя по всему, на военного министра было оказано давление, и он выступил с заявлением: двор училища для широкой публики закрыт, желательно воздвигнуть статую там, куда могут приходиться посетители.

Это неожиданное столкновение вызвало столь же неожиданную бурю. Жан-Пьер Блох, председатель Лиги против антисемитизма, решительно заявил, что Дрейфуса осудили перед Военной школой, здесь и должен стоять его бюст, как память о трагической ошибке. Зато член партии "Национальный фронт" неонацист Мишель Шнейдер риторически вопрошает: зачем вообще увековечивать память Дрейфуса, человека, с именем которого связан раскол Франции на два враждебных воюющих лагеря? Жан-Дени Бретен, автор исследования о жизни капитана Дрейфуса, выразил изумление по поводу осторожности социалистического правительства; даже власти 1906 года были храбрее: они не только оправдали оклеветанного Дрейфуса, но и дали ему орден Почетного легиона, который был вручен реабилитированному капитану в стенах... того же военного училища.

Скульптор Тим сказал сотруднику газеты "Le Matin": "Я согласился выполнить заказ, потому что считаю, что это монумент в честь истины, но также и в честь нашей армии и в память человека, который посвятил свою жизнь и тому, и другому". Тим добавил, что для него оправдание Дрейфуса — победа над теми, кто отстаивал идеи, враждебные демократии и республике. "Для меня это почти личное дело", — сказал Тим, который, кстати, по происхождению поляк.

Корреспондент: Вы не говорите об антисемитизме.

Тим: Для меня это одна и та же борьба. Истина, республика, права личности — все это содержится в борьбе против антисемитизма.

Конечно, французские военные власти ведут себя не очень красиво. С другой стороны, можно установить памятник и не обязательно перед Военным училищем. Можно воздвигнуть его на площади Дофин, возле Дворца Правосудия. Но я хочу задать другой вопрос: когда мы, мы сможем принять участие в обсуждении вопроса о том, где, на какой из московских площадей, будут установлены памятники погибшим в лагерях и тюрьмах Мандельштаму и Бабелю, Перцу Маркишу и Давиду Бергельсону? ●

Марк ПОПОВСКИЙ (Нью-Йорк)

ОДНОФАМИЛЬЦЫ

Откровенно говоря, я никогда не любил "Литературную газету". Она, конечно, поживее "Правды" и "Известий", но ни подлинной правды, ни сколько-нибудь достоверных известий обнаружить на ее страницах тоже никогда не удавалось. Годами этот "орган" долдонит одно и то же; и нетрудно, развернув Литературку, предсказать, кого будут и кого не будут чествовать в связи с очередным юбилеем, какие проблемы станет решать отдел коммунистического воспитания и в каких выражениях Феликс Кузнецов и Михаил Алексеев станут призывать "товарищей по оружию" крепить, развивать и укреплять единение с родной партией. За те восемь лет, что я живу на Западе, в ЛГ ничего не изменилось: те же лозунги, те же псевдодискуссии и те же заказанные известным ведомством материалы на предпоследних страницах.

Одним словом, не жду я от Литературки ничего нового. Не ждал и разворачивая номер от 8 января 1986 года. И вдруг — стоп! Государственные премии РСФСР за 1985-й и среди прочих лауреатов — Владимир Корнилов! Батюшки-светы, Володя! В одном доме жили, лет двадцать знакомы были. В Москве читал в рукописях его романы и повести, в том числе знаменитую "Демобилизацию", книгу, которая потом вышла на Западе. Корнилова еще при мне исключили из Союза писателей и полностью отрезали от литературной работы. Так что же — простили? Даже премию дали? Чудно. Может, и впрямь там у них ветром свободы повеяло? Что же он говорит теперь, Володя-лауреат? Читаю: "Советская литература все более углубляется в художественное познание внутреннего мира человека". Интересная мысль. Свежая. А чем же все остальные литературы мира занимаются? "Значение произведений философско-психологических усиливается особенно теперь, когда от человека... зависит успешное решение поставленной партией задачи по ускоренному развитию общества". Что за чушь? И это говорит Корнилов, автор умного, злого и едкого романа "Демобилизация"? "Смею думать, что мои романы "Семигорье" и "Годины", в которых я стремлюсь художественно осмыслить процесс..." Совсем рехнулся парень. Где он научился говорить на этом деревянном языке?

Расстроился я. Сижу, гляжу на портреты лауреатов. А этот в модных очках, с тупо-многозначительной физиономией и надменно поджатыми губами? Владимир Корнилов?! Да, но другой. Из города Костромы. О д н о ф а м и л ь ц! Ну, слава Богу. Отлегло.

Случайное вроде бы недоразумение это напомнило мне старую истину, что писательское имя — предмет деликатный и обращаться с ним следует весьма осторожно. Одна из любопытных историй с однофамильцами произошла в начале прошлого века, точнее в 1816 году. Весьма уважаемый в литературных кругах стихотворец Василий Львович Пушкин, автор элегий, романсов, альбомных стихов, поэмы "Опасный сосед", который пользовался немалым успехом, обратился к другому Пушкину, Александру, который приходился ему племянником. В сердечном послании, используя поэтическую вольность, Василий Пушкин назвал Александра б р а т о м. Но семнадцатилетний поэт, будущий классик русской литературы, не допустил поэтического панибратства.

Он ответил Василию Пушкину корректно и твердо: "Вы дядя мне и на Парнасе". С тех пор прошло 170 лет. Многие ли сегодня помнят, что было в России д в а Пушкнна? Василий Львович, несмотря на свои элегии и романсы, несмотря на кровное родство, оказался лишь полубабытым о д н о ф а м и л ь ц е м Александра Сергеевича Пушкина.

Имя крупной исторической личности обладает той странной особенностью, что оно отбрасывает тень на однофамильцев, как бы принимая их и делая их даже объектом иронии окружающих. Человек, носящий фамилию Суворов, сотни раз в течение жизни слышит от приятелей и знакомых намеки и шуточки по поводу его воинственности и славы. Тень гениального полководца нависает над ним от рождения до смерти. Вдвойне

рискованная ситуация, если однофамилец, к примеру, великого писателя сам берется за перо. Тут уж для ядовитых шуток — полный простор. Это понял Никита Хрущев, когда решил поиздеваться над писателем Виктором Платоновичем Некрасовым, автором романа "В окопах Сталинграда". К счастью, Виктор Некрасов к началу 60-х годов уже имел свою собственную литературную репутацию, так что шуточки вождя проскочили мимо цели.

Только абсолютная творческая неповторимость и независимость таланта способны защитить литератора-однофамильца от тени великого тезки. Интересна судьба трех Толстых. Лев Николаевич Толстой не смог затмить Алексея Константиновича Толстого. Творец драматической трилогии "Смерть Ивана Грозного", "Царь Федор Иоаннович" и "Царь Борис", автор великолепных лирических стихов и знаменитых пародий остался в русской литературе неуязвимым. Двух графов Толстых читатели не путали при жизни, их невозможно смешать и теперь, когда оба стали классиками. Столь же независимое положение занимает в нашей памяти и третий, Алексей Николаевич Толстой, автор "Хождения по мукам" и "Петра Первого". У лауреата Сталинский премий на совести немало сомнительных поступков, в том числе и литературных (достаточно вспомнить роман "Хлеб" посвященный полководческому гению Сталина). И все же нельзя отнять у этого придворного писателя ни его природного таланта, ни личной неповторимости. Он был Толстым сам по себе, в то время как, например, дети Льва Толстого, пытавшиеся сочинять и даже выпустившие несколько книг художественной прозы, в литературу так и не вошли, оставшись однофамильцами своего великого отца.

Да, немалый риск для писателя — оказаться однофамильцем знаменитости. В глазах читателей менее известный выглядит как человек, покушающийся на чужое. Мне не приходилось встречаться в Москве с членом Союза писателей прозаиком Анатолием Викторовичем Чеховым и прозаиком Виктором Григорьевичем Чеховым из Волгограда. Читать их произведений тоже не довелось. Но полагаю, что это люди с крепкими нервами, коли не смущаясь тягнутся на литературной ярмарке со своим гениальным однофамильцем. Впрочем, это еще сравнительно легкий случай. Есть люди, которые в подобной ситуации не только не испытывают некоторого естественного стеснения, но даже пытаются урвать от славы знаменитости. Таким был Шолохов-Синявский Григорий Филиппович, весьма скромный по своим литературным данным литератор. Говорят, везде, где можно и нельзя, пытался он выдавать себя за "главного Шолохова" (можно было, впрочем, выдавать себя и за Синявского). Особенно успешно это ему удавалось в переписке с читателями, а также в телефонных переговорах с разными учреждениями. Я сам помню, как, явно рассчитывая на эффект, он входил в компанию не знавших его и далеких от литературы людей и громко представлялся: "Писатель Шолохов"...

Мне, откровенно говоря, более по душе, когда случайный или неслучайный однофамилец всеми силами стремится отринуть чужую тень (или, если хотите, лучи чужой славы). К примеру, давний мой товарищ, прозаик и публицист Григорий Свирский весь свой литературный век терпеливо объясняет всем, кого это интересует, что некогда нашумевшую книгу "Рыжик. Приключения маленького бродяги" написал другой Свирский, Алексей Иванович. Свой роман он издал за двадцать лет до рождения Григория Свирского. Бывает и так, что читатель сам наталкивает писателя на перехват чужой славы. Такой случай, когда читатели буквально жаждали быть обманутыми, я наблюдал на Дальнем Востоке, где лет 20 назад мы провели два месяца вместе с молодым в ту пору Владимиром Войновичем. Произведений наших в тех местах никто не читал и не знал, но зато почти на каждой встрече Войновича спрашивали, не он ли написал замечательный роман "Овод". Впрочем, если говорить серьезно, молодому писателю, решительно отвергавшему лавры англичанки Этель Войнич, и впрямь не было нужды выдавать себя за кого бы то ни было. Он был убежден, что создаст себе собственное имя. И действительно, сегодня книги Владимира Войновича, изданные в десятках стран мира, принесли ему известность, которой позавидовали бы многие.

Тут, как мне кажется, и зарыта собака: для того, чтобы выйти из сферы знаменитого однофамильца (независимо от того, родственник он тебе или нет, полностью ли совпадают ваши фамилии или частично), есть только один путь — выявить себя как независимую творческую личность, показать, что ты можешь произнести в литературе свое собственное неповторимое и никого не повторяющее слово. Невозможно спутать Томаса

Манна с его братом Генрихом Манном. Значительно более политизированный писатель, чем его брат, Генрих Манн создал монументальную сатиру на кайзеровскую Германию в романе "Верноподданный". Мы запомнили его также по антигитлеровским статьям и книге, которая была вершиной его позднего творчества, — диологии о Генрихе IV. (Можно упомянуть и третьего Манна — сына Томаса Манна Клауса, его роман "Мефисто" известен в СССР.) Так же легко различимы отец и сын Дюма, английский романист Грэм Грин четко отграничен в нашем сознании от Александра Грина, не говоря уже об Эльмаре Грине, лауреате Сталинской премии 1947 года, который вовсе и не Грин, а А. В. Якимов, член КПСС с 1943 года.

Позволю себе личное отступление: я сам большую часть моей литературной жизни был однофамильцем... своего собственного отца. Александр Поповский (1897—1982) опубликовал первое свое произведение в год моего рождения (1922). В 1926-м он посвятил автору этих строк свою пьесу о революционерах Франции "Заговор равных". Посвящение на первой странице звучало вполне в духе времени: "Сыну моему Марку — будущему коммунару". Коммунаром я не стал, а двадцать лет спустя напечатал в газете свою первую статью. С этого все и пошло. Отец не желал, чтобы я занимался литературным делом. Мне бы следовало взять псевдоним, но по молодости-глупости я этого не сделал и продолжал подписывать свои очерки и статьи, а затем и книги нашей общей с ним фамилией. Отец негодовал и, как я теперь вижу, был совершенно прав. Ведь ко всему прочему мы работали с ним в одном жанре. Впрочем, уразумел я его правоту слишком поздно: псевдоним отрезал бы меня от всего написанного прежде. Я не пошел на это. А жаль...

Однако необходимость как-то отделить свое имя от имени отца с годами становилось все более насущной. С каждым годом темы и герои моих книг становились все более непохожими на то, о чем писал отец. И вот окончательный результат, который, полагая, все-таки разделил нас в сознании читателя. Александр Поповский начал свою литературную карьеру с антирелигиозной пьесы "Суд над христианством"; Марк Поповский написал, а затем издал на Западе "Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга". Александр Поповский более десяти раз переиздавал книгу "Академик Лысенко"; Марк Поповский автор трех книг о Николае Вавилове — жертве Лысенко. Александр Поповский выпустил в 1950 году книгу "Восстановим правду" о русском приоритете. Предисловие написали два академика: "Советское государство создало самые благоприятные условия для развития науки..." Марк Поповский издал на четырех языках книгу "Управляемая наука" с подзаголовком "Кризис советской науки...". В произведении "О любви" Александр Поповский сделал попытку доказать, что любовь — чувство вечное, мало склонное к изменениям, однако при социализме мужчины и женщины любят сильнее, их отношения искренней, их любовь счастливей. Марк Поповский опросил в эмиграции 250 соотечественников, недавно покинувших СССР, и опубликовал социологическое исследование под названием "Третий лишний. Он, Она и советский режим". Надеюсь, теперь спутать обоих авторов уже невозможно.

Быть может, некоторым читателям тема "однофамильности" в литературе покажется странной. О чем тут говорить? — скажут они. — Ну, три Толстых, ну, братья Манны. Кому это мешает? Но вот перед нами довольно толстый том "Справочник Союза писателей СССР". Откроем для начала на букву А. Оказывается, в СП семь Абрамовых, 4 Абдуллаевых и 4 Абдуллиных, не говоря уже о 10 Александровых, 7 Алексеевых, 13 Алиевых. Писателей с фамилией Антонов всего лишь четыре, но зато есть полдюжины Ахундовых и 7 Арутюновых. Это только на букву А. Так что однофамильность — не такая уж редкость. Но беспокоит меня не то, что какое-то число людей имеют одинаковые фамилии. Хуже, что пробыв полтора десятка лет в писательской организации, я не в состоянии припомнить ни одного из этих десяти Александровых. А что можно сказать о девяти членах Союза писателей по фамилии Бабаев? Только Аллах ведаёт, чем один Бабаев отличается от другого. В том же справочнике (в издании 1976 года значилось около 8000 фамилий, в более поздних изданиях числится уже десять тысяч персон) есть еще и 19 Ивановых, 10 Николаевых, 15 Кузнецовых, 14 Поповых, 22 Смирнова... Кто они такие: прозаики, поэты, драматурги, критики, переводчики — или только члены СП?

Снова и снова вглядываюсь в обоймы однофамильцев, ищу, что о них сказано в Литературной и Большой советских энциклопедиях. Но все, что я узнаю, ничего не добавляет к творческой личности авторов. Да, что-то они написали, но где их и м я, лицо, где разговоры, споры, дискуссии вокруг их произведений? Как бадью из колодца, со скрипом и напряжением вытягиваю из глубины памяти отдельные имена. Да, был такой Попов. Владимир как будто. Сочинил роман "Сталь и шлак". Официальные критики захлебывались от восторга, мои знакомые пожимали плечами. Но этот Владимир Попов хоть чем-то известен. А остальные его 13 однофамильцев и вовсе — сплошное белое пятно.

Или вот 15 Кузнецовых. Тринадцать скрываются в тумане безвестности, но двоих я знал. Один — покойный Анатолий Кузнецов — прославился романом "Бабий Яр", трагической историей оккупации Киева. Книга вышла в СССР с множеством купюр. Тем не менее Анатолий Кузнецов оставался какое-то время лицом официальным, его даже послали руководить тульской литературной организацией. Шутил горько: "Теперь в Туле — большая литература, 25 писателей, не то, что до революции, когда на всю Тульскую губернию приходился один сочинитель — граф Лев Толстой..." Анатолий Кузнецов поехал за границу в командировку якобы собирать материалы для книги о Ленине, да так и остался в Лондоне. Навсегда.

У Кузнецова Феликса — карьера совсем иного рода. Этот литературный критик, подобно многим, связал свою судьбу с КГБ и в качестве надсмотрщика над писателями занял кресло секретаря московской организации, где до него лет пятнадцать заправлял делами другой генерал КГБ — Ильин. Однажды я пришел к нему за характеристикой для ОВИРа. Он закричал: "Были шестнадцать лет в Союзе писателей, а теперь собрались бежать? Да мы вас еще шестнадцать лет заставим ждать! Еще и посадим..."

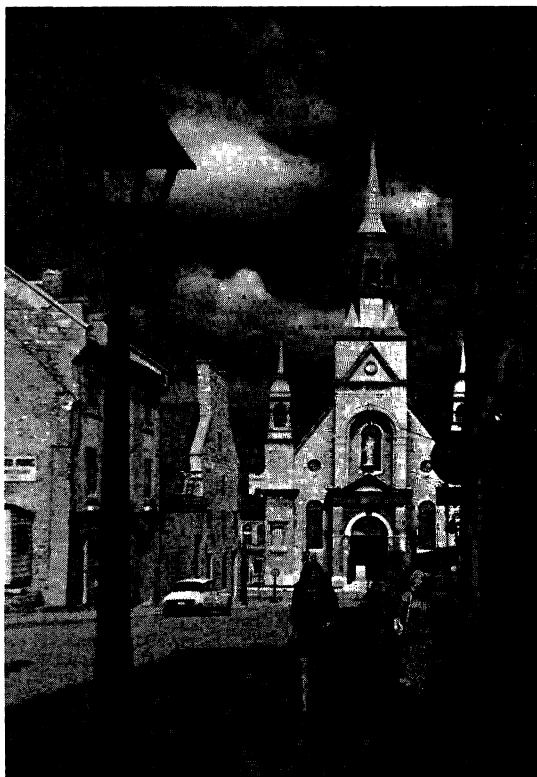
Само по себе то обстоятельство, что писатель родился Ивановым или Петровым, Алиевым или Бабаевым, его не возвышает и не унижает. В русской литературе были два абсолютно не похожих друг друга поэта: Вячеслав Иванов и Георгий Иванов, оба — эмигранты первой волны. Был и советский прозаик Всеволод Иванов, которого назвать незначительным и безликим тоже нельзя. Сейчас стал известным в Москве поэт-пародист Александр Иванов, обладатель острого и умного пера, книги его стремительно раскупаются, достать билет на его творческий вечер не так-то просто. Но кто же остальные 18 однофамильцев поэта Александра Иванова? Их ни в какие увеличительные стекла не рассмотреть...

Бесталанность? Разумеется! Талант при вступлении в Союз писателей — дело десятое, кто ж этого не знает? Не по таланту дают премии, не талант помогает издать книгу и уж точно, не литературный, а какой-то совсем другой дар нужен для того, чтобы занимать руководящее положение в писательских организациях. Но не бездарность — главная беда членов Союза писателей. Есть там и способные люди: на десять тысяч человек не могут не быть. Важнее то, что вся эта пишущая дивизия хорошо выучила основную команду своих командиров: "Из строя — ни на шаг!" Основная защитная окраска для члена СП — серая. Это цвет его мундира. Всякое выявление своей несхожести или, не дай Бог, несогласия с массой — наказуемо. предосудительно. За несхожесть шлепает не только начальство. И в среде коллег независимость взглядов и почерка считается делом подозрительным. Да и как иначе может быть в обществе, которое гордится своим единством, единодушием, единомыслием, единовкусием и единообразием.

Если бы все это происходило в стране, где есть свободная пресса, радио, телевидение, где существуют свободные профсоюзы и действуют независимые политические партии, поведение писателей, пусть даже самое бесчестное, вероятно, не слишком волновало бы общество. В мире демократии — писатель только частное лицо. Но в государстве, где несвобода традиционна и только литература способна дать людям сколько-нибудь пристойные нравственные и общественные идеалы, писателю принадлежит другая роль, иное назначение. Герцен писал в "Былом и Думах", что в его время "подавленность всех других сфер человеческой деятельности бросала образованную часть общества в книжный мир". Роль писателя на Руси с тех пор не только не уменьшилась, но выросла еще больше — во столько же раз, во сколько раз уменьшилась сфера свободы личности. "Литературные вопросы, за невозможностью политических, становятся вопросами жизни". Это тоже слова Герцена.

А что же писатели российские? Даже самые одаренные предпочитают таиться от своих читателей. Слабо дифференцированная масса *однофамильцев*, составляющая Союз писателей СССР, по сути, отказывает обществу в насущном слове, в духовной помощи и духовной пище. Не об этом ли писал незадолго до смерти чешский поэт, Нобелевский лауреат 1984 года, Ярослав Сейферт: "Писатель — совесть своего народа. Смолчит ли, затаит ли правду кто иной, это можно понять, можно объяснить как тактический маневр. Смолчит ли, затаит ли правду писатель, знайте: он — лжец". ●

ГОРОДА МИРА

МОНРЕАЛЬ

"Да это, кажется, где-то на севере? Там вроде бы говорят по-французски..." Ваш собеседник делает неопределенный пасс рукой вверх и налево, что должно означать места, куда Макар телят не гонял, чуть ли не Заполярье. Я наблюдала этот жест не раз и, разумеется, обижалась. Что значит "на севере"? Это ведь как посмотреть. Если, например, из Штатов, то оно, конечно, верно. А если из Англии? Монреаль лежит на широте Одессы, — что, правда, не мешает нам наслаждаться самой настоящей зимой и снегом, каким может позавидовать Мурманск.

С французским дело тоже обстоит не так просто. Монреаль действительно самый большой город Квебека — единственной франкоязычной провинции Канады, и не просто большой, а вобравший в себя пятую часть населения провинции: к началу нынешнего

десятилетия в нем числилось немного больше миллиона. Но когда фильмы, сделанные в Квебеке, показывают во Франции, их приходится снабжать субтитрами. Язык франко-канадцев сохранил черты некоторых диалектов Северной Франции XVI века и за четыре столетия проделал собственный путь. Результат получился довольно своеобразный, так что филологи, считают Québécois самостоятельным языком; в Монреале сплошь и рядом можно услышать фразу: "Он говорит одинаково хорошо и по-французски и на кебекуа".

Если же вы спросите жителей об их городе, вам ответят: "Монреаль? О, это второй Париж! Почти как Рим! Канадский Бостон."

Второй Париж? Да, хотя бы потому, что это второй по величине франкоязычный город мира. А еще у нас есть свой Собор Парижской Богоматери, церковка на берегу реки Св.Лаврентия, у входа в порт. Моряки, уцелевшие после кораблекрушения, приносили сюда в знак благодарности модели своих судов. И качаются теперь под потолком полтора десятка корабликов всех времен и фасонов — и среди них одна подводная лодка.

Париж или не Париж, но это действительно во многих отношениях французский город. Всюду маленькие уютные быстро со столиками, выставляемыми наружу, чуть только потеплеет; рестораны и ресторанчики, кафешантаны, кафе-театры, где вы можете увидеть все что хотите: пьесу Беккета, оперетку Легара, насладиться искусством знаменитого аккордеониста; в булочных всегда есть свежие "багеты" — длинные французские батоны; здесь знают толк в вине и неплохо разбираются в сырах. Согласно закону провинции Квебек, все надписи в городе должны быть только по-французски. Англосаксонское меньшинство возражает. По сей день путешествует по судебным инстанциям дело владельца магазина Зингера, который отказался снять английские надписи в витринах. Когда его оштрафовали, он вывесил плакат: "Ici on parle anglais" — "Здесь говорят по-английски". Националистические страсти, бушевавшие лет десять назад, утихли, но дело упрямого Зингера все еще тянется.

Национальные и языковые споры — отголосок старинной распри между британской и французской короной за первенство в североамериканской колонии. В отличие от американского "плавленного котла", в Канаде нет тенденции перекроить всех на один лад, и это хорошо чувствуется в Монреале. Город разделен на три части, очень разные по стилю, но которые в общем прекрасно сосуществуют и дополняют друг друга.

На востоке обитают франкоязычные горожане, на западе — англоязычные; центр оккупирован "новыми" канадцами, приехавшими со всех концов света. Как и во времена Роз-Мари, Канада манит иностранцев. Нет ни черного, ни какого-нибудь другого гетто. Улица, на которой я живу, — прекрасный пример этого международного Монреаля. На протяжении трех километров разместилось 53 питейно-кулинарных заведения: армянские, греческие, китайские, вьетнамские, ямайские, был даже ресторан для собак, но закрылся, — и десятка два весьма экзотических союзов и объединений, например, Ассоциация черноморских греков, Армянский социальный клуб, Гватемальский центр неотложной помощи, Клуб выходцев с острова Крит, Объединение украинских националистов, хасидская школа для девочек, церковь черных пятидесятников, расположенная в подвале секс-бара.

Но Монреаль не только второй Париж, но и "почти Рим". Почему Рим? В центре города, в одной из самых больших церквей находится точная копия папского возвышения в римском соборе Св.Петра. Кроме того, здесь, как и в Вечном городе, есть свой "анклав", и даже не один. Когда-то на острове Монреаль, давшем имя нашему городу, было много деревень и городишек. Постепенно Монреаль засасывал их в себя. Но некоторые городки не пожелали расстаться с независимостью, столица обступила их со всех сторон, но не аннексировала. Ваша корреспондентка живет на одной улице, а работает на соседней, происходит это в разных городах, ибо живу я в Монреале, а работаю в городе Утремоне, который имеет своего мэра, муниципальный совет и флаг. А городок

по имени Мон-Роял, тоже окруженный со всех сторон Монреалем (как вы догадываетесь — одно и то же название) даже отгородился от могущественного соседа забором по всей границе, не очень, правда, длинной. И тоже мэр и флаг, и прочее. Рим, а в Риме Ватикан.

Тут еще вспоминали Бостон. По-моему, сравнение довольно сомнительное. Есть у нас, конечно, небоскребы, но немного; есть и гавань; но в общем и целом архитектура американского Бостона мало напоминает монреальскую. Ординарная застройка города — дома в 1-3 этажа — поначалу несколько удивляет. Ощущение такое, что большинство канадских архитекторов и их заказчиков страдает клаустрофобией. Прибавьте к этому манию экономии, которая выражается в нелюбви к внутренним лестницам. Во многих домах лестницы между этажами, прилеплены снаружи (это при длиннейшей и очень снежной зиме). Идешь по улице, и кругом лестницы, железные, деревянные, прямые или завитые штопором. Летом они выкрашены в яркие цвета, зимой завалены снегом. Вы входите в дом, и выясняется, что, кроме лестниц, не хватает и дверей. В гостиной дверей не полагается, если есть столовая, то тоже без дверей, нет дверей и на кухню. Слава Богу, хоть туалет закрывается. Эмигранты из России ведут себя, как дьякон в православной церкви. Как известно, в один из ответственных моментов литургии дьякон возглашает: "Двери! Двери!". И эмигрант, снимая квартиру, бежит из одной комнаты в другую: "Двери! Где же двери?" Хозяин не понимает, в чем дело.

Что тут очень хорошо, так это возможность обходиться без машины. В Монреале великолепный городской транспорт: автобусы, метро — чистенькое, безопасное (не сравнить с нью-йоркским, ужасы про которое рассказывают по всему миру). На станциях играет тихая музыка, в переходах сделаны специальные места для бродячих музыкантов, и там можно услышать флейту, арфу, бандуру.

Если вам интересно знать мое мнение, то вот оно: Монреаль — спокойный, красивый город, достаточно большой, чтобы жители ощущали все преимущества городской жизни, и достаточно маленький, чтобы не превратиться в урбанистический кошмар. Все есть: интенсивная культурная жизнь, промышленность, международные организации и большие парки, где живут непуганые белки, еноты, луговые собачки. Час езды на машине до границы с Соединенными Штатами. Этим, должно быть объясняется лестное внимание, которое оказывают Монреалю официальные представители СССР. Тут есть представительства многих стран, в том числе и США, но ни у кого нет такого огромного. Прочие ограничиваются конторами, иногда особнячками, а у Советского Союза территория с двумя четырехэтажными зданиями за высоким забором. Цвет, как водится серый, вроде Дома Свободы на Лубянке. После польской демонстрации в поддержку "Солидарности" колер зданий стал несколько разнообразней: стены забросали бутылками с краской (преимущественно черной).

Русских эмигрантов в Монреале немного, около двух тысяч. Серые бастионы советского консульства напоминают им о сегодняшнем дне страны, а о прошлом России не дают забыть пушки, которые красуются в центре города, на площади Канады, — трофеи Крымской кампании, некогда привезенные англичанами. ●

Ольга Максимова

Мне кажется неизбежным продолжение и развитие основных существующих сейчас тенденций научно-технического прогресса. Я не считаю это трагичным по своим последствиям, несмотря на то, что мне не совсем чужды опасения тех мыслителей, которые придерживаются противоположной точки зрения.

Рост населения, истощение природных ресурсов — это все такие факторы, которые делают абсолютно невозможным возвращение человечества к так называемой "здоровой" жизни прошлого (на самом деле очень тяжелой, часто жестокой и безрадостной) — даже если бы человечество этого захотело и могло осуществить в условиях конкуренции и всевозможных экономических и политических трудностей. Разные стороны научно-технического прогресса — урбанизация, индустриализация, машинизация и автоматизация, применение удобрений и ядохимикатов, рост культуры и возможностей досуга, прогресс медицины, улучшение питания, снижение смертности и продление жизни — теснейшим образом между собой связаны, и нет никакой возможности "отменить" какие-то направления прогресса, не разрушая всей цивилизации в целом. Только гибель цивилизации в огне всемирной термоядерной катастрофы, от голода, эпидемий, всеобщего разрушения — может обратить вспять прогресс, но надо быть безумцем, чтобы желать такого исхода.

Сейчас в мире неблагоприятно в самом прямом, самом грубом смысле слова, голод и преждевременная смерть непосредственно угрожают множеству людей. Поэтому сейчас первой задачей истинно человеческого прогресса является противостоять именно этим опасностям, и всякий другой подход явился бы непростительным снобизмом. При всем том я не склонен абсолютизировать одну только технико-материальную сторону прогресса. Я убежден, что "сверхзадачей" человеческих институтов, и в том числе прогресса, является не только уберечь всех родившихся людей от излишних страданий и преждевременной смерти, но и сохранить в человечестве все человеческое — радость непосредственного труда умными руками и умной головой, радость взаимопомощи и доброго общения с людьми и природой, радость познания и искусства. Но я не считаю непреодолимым противоречие между этими задачами. Уже сейчас граждане более развитых, индустриализованных стран имеют больше возможностей нормальной здоровой жизни, чем их современники в более отсталых и голодающих странах. И уж во всяком случае прогресс, спасающий людей от голода и болезней, не может противоречить сохранению начала активного добра, которое есть самое человеческое в человеке.

Я верю, что человечество найдет разумное решение сложной задачи осуществления грандиозного, необходимого и неизбежного прогресса с сохранением человеческого в человеке и природного в природе.

**РАЗГРЯЗНЕНИЕ
ИЛИ...?**

**В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ**